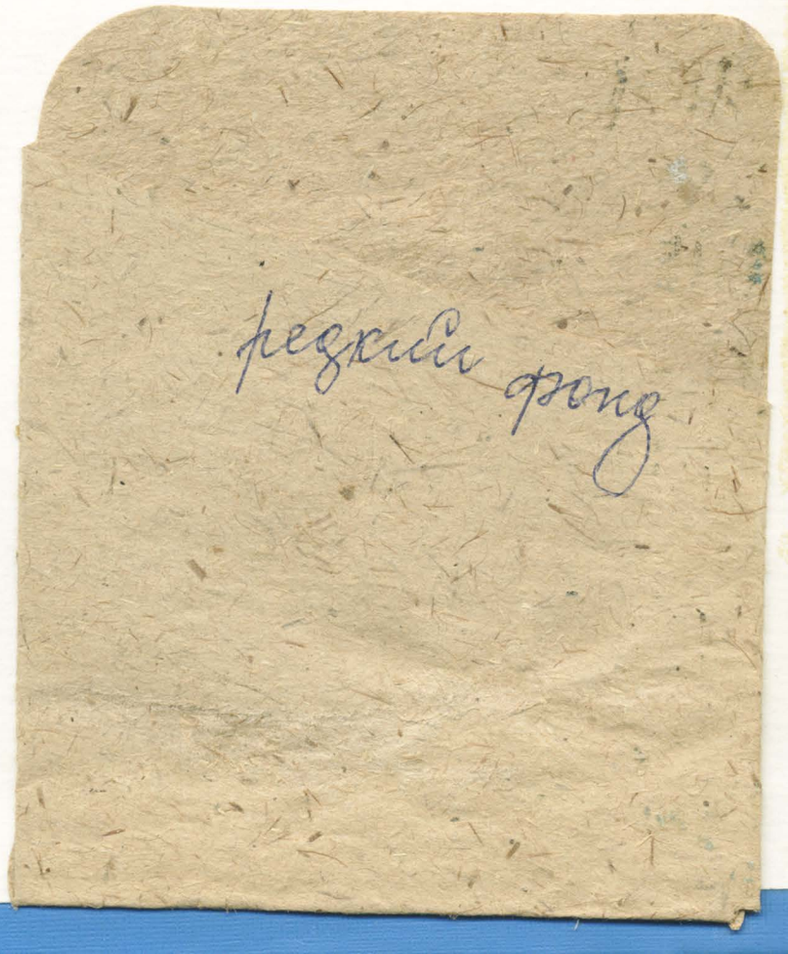
63.3(2Р
П 56

Изучение Сибири

1915


редкий фонд

Т 63/80
247410
63.3(2Рб)
И32
Т56

ТРУДЫ

Томскаго Общества

ИЗУЧЕНІЯ СИБИРИ.

Томъ III.

Выпускъ I

[illegible]

Подъ редакціей **Г. Н. Потанина.**

Съ картой и 6-ю рисунками въ текстѣ.

ТОМСКЪ.

Типо-лит. Сибирскаго Т-ва Печатнаго Дѣла, уг. Дворян. к. ул. и Ямск. пер., соб. д.

1915.

Новгородская областная
научная библиотека
Основной фонд
№ Б10058

Оглавленіе.

Стр.

Отъ редакціи I

А. Бурдуковъ. Очеркъ баитскаго хошуна князя Тюмы-Баиръ-Гуна 1

А. Бурдуковъ. Отъ Хангельцика до Кошъ-Агача (путевыя замѣтки) 9

Г. Потанинъ. Сборы Аполлинаріи Бурдуковой на хр. Ханкоко, близъ р. Хангельцикъ, р. Сонгинъ и съ г. Цаганъ-Хайрханъ 20 іюля 1914 г. 21

Г. Потанинъ. Монгольскій Алтай между Булугуномъ и Барлыкомъ (съ картой) 23

Кай Доннеръ. Самоѣдскій эпосъ (переводъ съ англ. В. М. Крутовскаго) 38

В. Хворовъ. Сказки черневыхъ татаръ 54

Г. М. Токмашевъ. Телеутскіе матеріалы 62

Г. Потанинъ. Изъ альбомовъ художника Г. И. Гуркина . 97

А. В. Анохинъ. Этнографическіе сборы 102

Г. Э. Іоганзенъ. Изъ природы Сибири 109

Программы по собиранію географическихъ свѣдѣній о Монголіи. 137

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Карлъ Риттеръ въ своемъ „Землевѣдѣніи Азіи" не упускалъ случая указать на благопріятныя для развитія знанія условія, которыя создаются возникающими новыми учрежденіями, открывающимися торговыми путями и другими бытовыми явленіями. Въ тѣхъ томахъ, въ которыхъ содержится описаніе Алтайско-Саянской горной системы, и прилегающей къ ней части центральной Азіи, онъ останавливаетъ вниманіе читателя на открытіи рудныхъ богатствъ въ Алтаѣ, вызвавшихъ возникновеніе горнозаводской промышленности, и на вліяніи, которое эти обстоятельства оказали на развитіе знаній объ Алтаѣ. Онъ удѣляетъ страницы своего труда торговлѣ ревенемъ, благодаря которой еще въ доисторическое время Сибири до западныхъ странъ доходили географическія свѣдѣнія объ отдаленномъ Тибетѣ. Послѣ книги Риттера, изданной въ 1836 году, возникло немало такихъ учрежденій, которыя способствовали расширенію географическихъ знаній, напр. открытіе въ Сибири отдѣловъ и отдѣленій Импер. Русск. Геогр. Об-ва благодаря заботамъ покойнаго его Предсѣдателя П. П. Семенова, открытіе Томскаго университета, къ сожалѣнію, лишеннаго двухъ факультетовъ, которые, главнымъ образомъ, могли бы оказать услуги географической наукѣ. Къ числу бытовыхъ явленій, которыя могли бы собирать географическія свѣдѣнія, слѣдуетъ отнести развитіе торговыхъ сношеній Бійскихъ купцовъ съ сѣверо-западной Монголіей. Въ настоящее время въ районѣ, прилегающемъ съ юга къ русскому Алтаю, т. е. въ предѣлахъ Монголіи, насчитывается до четырехсотъ торговыхъ приказчиковъ, разсѣянныхъ по пространству отъ города Хобдо до ставки Дзасакту-хана; это люди, прожившіе иногда въ краѣ до 18 и 20 лѣтъ и знающіе хорошо монгольскій языкъ. Государство должно оцѣнить услуги, оказанныя ему Бійскимъ торговымъ сословіемъ, создавшимъ такой почтенный контингентъ опытныхъ и полезныхъ работниковъ.

Торговые люди, проживающіе по хошунамъ въ Монголіи, очень хорошо знаютъ всѣ районы, въ которыхъ они ведутъ свои дѣла; знаютъ направленія хребтовъ, проходящихъ по району, всѣ рѣки, протекающія въ немъ, всѣ горные проходы и всѣ дороги. Въ

этихъ матеріалахъ, которые хранятся въ ихъ памяти, очень много такого, что еще неизвѣстно нашей наукѣ. Нѣкоторымъ изъ нихъ приходится дѣлать и отдаленныя поѣздки, выходящія далеко за предѣлы района и обычной ихъ дѣятельности. Если-бы они только записали то, что хранится въ ихъ памяти, то и тогда это былъ бы порядочный вкладъ въ наше географическое знаніе о Монголіи, но кромѣ того, они могли бы оказывать услугу наукѣ собираніемъ коллекцій, записываніемъ преданій, собираніемъ экономическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Намъ извѣстны разсказы о приказчикахъ, которые собирали въ Монголіи растенія для гербарія, записывали монгольскія сказки и проч. Ученому обществу слѣдовало бы пойти на встрѣчу этимъ стремленіямъ служить наукѣ, зарождающимся въ средѣ самихъ приказчиковъ. Полезно было бы придать этимъ занятіямъ нѣкоторую организацію и дѣятельность ея сдѣлать непрерывной.

Такая дѣятельность подъ покровительствомъ ученаго общества подѣйствовала бы на приказчиковъ возвышающимъ образомъ, вродѣ того какъ въ Кавказскомъ учебномъ обществѣ призывъ покойнаго попечителя Яновскаго облагородилъ кавказскихъ учителей. Онъ пригласилъ ихъ собирать разнообразныя свѣдѣнія по этнографіи и статистикѣ и снабдилъ ихъ надлежащей инструкціей; закипѣла въ краѣ дѣятельность, въ канцелярію попечителя стали поступать многочисленныя рукописи и въ результатѣ около 30 напечатанныхъ томовъ, содержащихъ богатѣйшій матеріалъ по кавказо-вѣдѣнію. На учителяхъ, собиравшихъ эти матеріалы, подобная дѣятельность отразилась весьма благотворно. До этого времени они были не болѣе какъ ремесленники, или чиновники, которые за плату обязаны были обучать дѣтей читать и писать. Теперь же они стали ступенью выше—они еще совершаютъ другое высокое дѣло, собираютъ данныя для науки, они сами сдѣлались творцами и двигателями науки и примкнули къ той организаціи, которая пользуется въ обществѣ почетомъ. Это сознаніе поднимаетъ въ людяхъ чувство собственнаго достоинства. Кромѣ того, собираніе научныхъ знаній, обогащая умъ свѣдѣніями и само по себѣ доставляетъ духовное удовольствіе: въ человѣческой душѣ заложено стремленіе къ скопленіямъ богатства какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго. Какъ торговаго человѣка радуетъ прибыль отъ торговой сдѣлки, такъ человѣка, собираю-

щаго научный матеріалъ радуетъ пріобрѣтеніе всякаго новаго географическаго или экономическаго факта. Общество изученія Сибири въ Томскѣ, въ интересахъ увеличенія нашихъ географическихъ знаній о Монголіи и въ интересахъ духовнаго удовлетворенія самихъ собирателей научныхъ фактовъ, выработало рядъ программъ для руководства тѣхъ лицъ, проживающихъ въ Монголіи, которые пожелаютъ заняться собираніемъ свѣдѣній объ этой странѣ.

Настоящій томъ „Трудовъ Об-ва Изученія Сибири" открывается двумя статьями А. В. Бурдукова, который провелъ въ краѣ (Сѣверо-Зап. Монголіи), около двадцати лѣтъ на службѣ у торговой фирмы Мокина; въ настоящее время онъ сдѣлался самостоятельнымъ торговцемъ; ставка его находится на рѣчкѣ Хангельцикъ, текущей съ сѣвернаго склона хребта Хан-Коко. (На русскихъ картахъ Хан-Хухей). Первая статья содержитъ описаніе самаго восточнаго хошуна баитовъ, находящагося подъ управленіемъ князя Тюменъ-Гуна. Эта статья написана имъ по моей просьбѣ съ цѣлью положить начало серіи подобныхъ писаній и вызвать подражаніе въ другихъ приказчикахъ и торговцахъ Монголіи. Вторая статья „Отъ Хангельцика до Кош-Агача" была напечатана въ „Сибирской Жизни въ №№ 253, 255, 260; она перепечатывается съ цѣлью сберечь ее отъ забвенія. Свѣдѣнія, которыя А. В. Бурдуковъ даетъ въ своихъ статьяхъ, относятся къ району, который до сей поры не былъ пересѣченъ ни однимъ русскимъ путешественникомъ. По западной окраинѣ района я прошелъ въ 1879 году по дорогѣ отъ западнаго конца озера Киргизъ-Норъ на сѣверъ вдоль западнаго берега озера Упса къ устью рѣки Торхоликъ, отсюда на перевалъ черезъ хребетъ Танну-Оло и внизъ по сѣверному Торхалику къ Улу-Хему. По южной окраинѣ района прошелъ Пѣвцовъ по направленію съ востока на западъ отъ рѣки Дзабхынъ мимо озера Арикъ-Норъ до Кош-Агача; и Юрганова отъ мѣстности Уланъ-Ирикъ въ Хангжаѣ по рѣкѣ Кумбею и вдоль сѣвернаго берега озера Киргизъ-Норъ до Кошъ-Агача. Съ сѣверной стороны къ району подходилъ ботаникъ П. Н. Крыловъ, по дорогѣ изъ Сойотской земли къ сѣверному берегу озера Упса.

Далѣе въ „Трудахъ" помѣщается моя статья „Монгольскій Алтай между рѣками Булугуномъ и Барлыкомъ". Она составлена по

разсказамъ приказчика Оболенскаго, который прожилъ въ Монгольскомъ Алтаѣ около 15 лѣтъ близъ береговъ озера Цицикъ Норъ. Эта статья также, какъ и статья А. В. Бурдукова, можетъ показать, сколько бы могли русскіе приказчики, торгующіе въ Монголіи, внести интересныхъ свѣдѣній въ науку, если бы они поставили это себѣ въ задачу.

Въ числѣ этнографическихъ матеріаловъ въ этомъ томѣ „Трудовъ“ помѣщенъ переводъ съ англійскаго, сдѣланный В. М. Крутовскимъ, статьи гельсингфорскаго ученаго г. Доннера: „Самоѣдскій эпосъ“, впервые знакомящій насъ съ духовнымъ богатствомъ самоѣдскаго племени. Нѣкоторыя свѣдѣнія о маршрутахъ г. Доннера, посѣтившаго Тымскій край, вершины р. Кети и берега р. Таза, можно найти въ статьяхъ: „Финскіе ученые и Сибирь“, помѣщенной въ газетѣ „Утро Сибири“ №№ 210 и 213 за 1915 г. и „На сѣверѣ Сибири“, помѣщенной въ „Сибирской Жизни“ за 1915 г. № 225.

Когда томъ III былъ уже весь набранъ, г. Анохинъ доставилъ редакціи его еще одно дополненіе о Курмежекѣ Тархан'ѣ, которое ниже и помѣщается.

О Тархан'ѣ.

Тарханъ—предокъ-камъ, почитаемый алтайцами, живущими по р. Песчаной (пеш) и ея притокамъ.

Алтайцы въ честь Тархэна дѣлаютъ изображеніе (чалу).

Кромѣ обычнаго изображенія, указаннаго въ этой книгѣ, на 99 страницѣ, мнѣ пришлось встрѣтить въ аилѣ стараго демичи Болтыя, по р. Барагашу, другой видъ изображенія Тархана. Изображеніе это состоитъ изъ жгута, составленнаго изъ обрѣзковъ ушей молодыхъ жеребятъ. Обрѣзки эти скоплялись годами и предварительно нанизывались на нитку, а потомъ связывались въ общій жгутъ.

Изображеніе Тархана въ аилѣ Болтыя нужно признать единственнымъ экземпляромъ въ Алтаѣ, принадлежащимъ личной фантазіи Болтыя. Болтый, нужно сказать, особенно расположенъ къ Тархану и считаетъ его своимъ дальнимъ кровнымъ предкомъ по линіи отца (Болтый, Jіманъ, Кулiманъ, Мітрѣі, Сурбаі, Эренче, Тарханъ, Чаабашъ или Jер-Саадак).

Описываемое изображеніе Тархан'а зарисовано С. К. Просвиркиной, сопутствовавшей мнѣ по Алтаю въ 1913 г. лѣтомъ.

Въ районѣ, гдѣ живетъ Болтый, до сихъ поръ наблюдается обычай скоплять обрѣзки ушей молодыхъ жеребятъ и, кромѣ того, скоплять бараньи testicula. То и другое нанизываютъ на нитку и подвѣшиваютъ надъ другими изображеніями (чалу) своихъ предковъ камовъ, выражая этимъ свою признательность предку за приплодъ въ скотѣ. Такъ думаютъ и объясняютъ себѣ алтайцы-шаманисты.

А. Анохинъ.

1915 г. 5 ноября.
Томскъ.

Желательно было бы исчерпать изъ памяти монголовъ, сойотовъ и алтайцевъ весь матеріалъ о Тарханѣ, этой интересной миѳологической личности, которая сохранилась въ памяти этихъ народностей.

Г. *Потанинъ.*

ОЧЕРКЪ

Баитскаго хошуна князя Тюмы-Баиръ-Гуна[1])

Кочевья этого хошуна расположены по сѣверному и южному склонамъ Ханъ-Кокосскаго хребта; они тянутся узкой лентой съ юга на сѣверъ, шириною не болѣе 10—15 вер., а длиною 60—70 верстъ.

Южная граница ихъ примыкаетъ къ восточному концу огромнаго озера „Киргизъ-Нуръ", мѣстечку Кокъ-дёрсеу.

Урочище это представляетъ довольно обширное пространство, заросшее сплошь дересуномъ. Кокъ-дересунъ—значитъ зеленѣющій дересунъ.

Слово „Кокъ" хотя и означаетъ спеціально синій цвѣтъ, но по монгольскому выраженію выходитъ, что трава весной начинаетъ не зеленѣть, а синѣть.

Въ восточномъ концѣ Кокъ-дересуна есть ключикъ Удзюринъ-булукъ; это единственный ключикъ съ питьевой водой, хотя и эта вода очень солонцеватая, всегда имѣетъ красноватый цвѣтъ и у непривычнаго путника сперва вызываетъ разстройство желудка. Подпочвенная вода здѣсь очень близка къ поверхности земли; поэтому стоящіе здѣсь кочевники выкапываютъ въ дересунѣ неглубокіе колодцы глубиною въ 1½—2 арш. и добываютъ себѣ питьевую воду, скотъ же поятъ въ Удзюринъ-булукѣ или же въ озерѣ; озерная вода хотя и горько-соленая, но привычный скотъ ее пьетъ.

Кокъ-дересунъ собственно спорное мѣсто, его оспариваютъ у Тюменъ-гунцевъ халхасцы хошуна Го-Сайда (на картѣ Лу-Гуна), такъ называемые Ельджигины.

---

[1]) Всѣ хошуны въ Монголіи называются по имени управляющаго хошуномъ князя, за исключеніемъ ханскихъ и рѣдкихъ хошуновъ. Имя настоящаго князя и есть „Тюмы-Баиръ-Гунъ"; старая его Манджурская печать имѣла надпись: Дёрбёдинъ дунаданъ дзюнь едкединъ хошушинъ закракчи тамга, въ переводѣ значитъ „печать завѣдующаго Дёрбётскимъ среднимъ лѣвымъ хошуномъ." Такія печати были пожалованы Манджурами всѣмъ Монгольскимъ князьямъ, писаны онѣ были по-монгольски и по-манджурски. Теперь эти печати собраны и прошедшей весной увезены въ Ургу. Вмѣсто Манджурскихъ печатей теперь пожалованы имъ новыя печати съ Монгольскимъ текстомъ, новая печать Тюменъ-Гуна слѣдующаго содержанія: Дёрбёдинъ дзюнь-гаринъ Баты-ёрёльты-хана аймакинъ Сарулъ дзаскъ хошушинъ закракчи тамга, т. е. въ переводѣ: печать правителя Дёрбётскаго лѣваго крыла Баты-ёрёльты-хана аймака (такой титулъ данъ Далайхану) Сарулъ (это титулъ Тюменъ-Гуна въ переводѣ „быстро-мыслящій", вѣрнѣе „ясный").

За послѣднее время Тюменъ-гунцы совсѣмъ почти не стоятъ въ Кокъ-дересунѣ, корма вытравляютъ преимущественно Ельджигины.

Лѣтъ 60—70 тому назадъ кочевья теперешнихъ Тюменъ-гунцевъ простирались до устья р. Запхына; на этихъ мѣстахъ произошло убійство, и начавшееся вслѣдъ за этимъ слѣдствіе и ужасное обирательство китайскихъ властей испугало Тюменъ-гунцевъ,—они отказались отъ своихъ кочевій. Тогда расходы по этому слѣдствію приняли Ельджигины, съ тѣхъ поръ они и сдѣлались полными хозяевами тѣхъ мѣстъ.

Кокъ-дересунъ не имѣетъ особой привлекательности и цѣнности, но онъ оказываетъ хорошія услуги кочевникамъ въ суровыя зимы; сюда пригоняютъ верблюдовъ и рогатый скотъ, который и питается дересуномъ.

Западная часть дересуна принадлежитъ Баитскому хошуну князя Са-Вана, еще западнѣе, не вдалекѣ отъ него есть маленькая отдѣльная заросль дересуна съ ключикомъ „Довунъ-булукъ".

Отъ Кокъ-дересуна на сѣверъ къ южному склону Ханъ-кокосскаго хребта на десятиверстное разстояніе тянется голая, ровная бель (2), усыпанная сплошь мелкой галькой, очень бѣдная растительностью.

Налѣво на западъ виднѣются небольшія, голыя черныя горы „Талъ-харъ", находящіяся по западной сторонѣ русла р. Толи; здѣсь грань съ Са-Вановскимъ хошуномъ проходитъ по сухому руслу р. Толи; на востокъ виднѣется голая падь „Харгана-сайрь« (3), служащая гранью съ Ельджигинами.

Въ срединѣ между горами „Талъ-харъ" и сухой падью находятся двѣ господствующія здѣсь высокія, неприступныя голыя горы Хуца и Бордзнъ, раздѣленныя по срединѣ рѣкой Башенту (на вершинахъ этихъ горъ есть 2 обо).

По западную сторону Бордзна протекаетъ р. Толи, служащая гранью съ Са-Вановскимъ хошуномъ. Долина рѣки Толи весьма удобна для перевала, очень полога, по ней свободно можно ѣздить на телѣгахъ; это самый удобный и пологій перевалъ чрезъ хребетъ въ этой мѣстности.

Съ востока г. Хуца огибаетъ сухое русло Харгана-сайрь; при устьѣ Сайрь есть богатый водой колодецъ „Харгана-худукъ".

---

2) Белью называютъ подножіе горъ, идущее отъ главной горы въ видѣ ровной степцы съ небольшимъ уклономъ книзу.

3) Сарь (такъ произносятъ Ельджигины), Сай (такъ произносятъ Баиты). Саемъ или Сарью называютъ сухое русло рѣчушекъ съ каменистымъ дномъ.

Вообще эта мѣстность носитъ очень дикій неприступный характеръ; вездѣ торчатъ голые утесы и глубокіе лога; здѣсь переваливать чрезъ хребетъ можно только р. Башенту, на телѣгахъ совершенно проѣхать нельзя. На р. Башенту есть немного тальнику, и въ одномъ мѣстѣ растетъ десятокъ тополей,—вотъ и вся древесная растительность.

Тюменъ-гунцы (какъ и вообще всѣ Баиты) здѣсь зимуютъ, разсыпавшись по этимъ суровымъ ущельямъ г.г. Хуца и Бердэна (здѣсь они проводятъ зимніе мѣсяца: ноябрь, декабрь и иногда январь).

Въ этихъ мѣстахъ есть яшма разныхъ цвѣтовъ (барглта). Баиты ее употребляютъ на калыпы (4) и др. мелкія подѣлки; есть каменный ленъ, асбестъ, въ нѣкоторыхъ мѣст. есть селитра, вѣроятно, есть и др. ископаемыя богатства, которыя только никѣмъ не изслѣдованы.

При приближеніи къ перевалу хребта природа сразу измѣняется: начинаетъ виднѣться лиственница, почва дѣлается мягкой и покрыта сплошь кормовой травой.

На перевалѣ между Башентой и Толи находится господствующая здѣсь г. Хачикъ-хаерханъ, сплошь покрытая лиственницей; (на верху ея есть обо). Переваливъ изъ Башенту чрезъ пологій перевалъ Хачигинъ-дава, дорога спускается въ Хачигинъ-сай; отсюда налѣво, по сѣв. склону Хачигинъ-хаерхана, виднѣются разбросанныя зимовки Тюменъ-гунцевъ; благодаря обилію лиственницы здѣсь всѣ настроили хашаны (т. е. дворы для скота); налѣво на гривкѣ у подножья лѣса стоитъ факторія русскаго торговца И. Д. Гуляева; въ этихъ мѣстахъ Тюменъ-гунцы стоятъ зимой съ конца января, февраль и часть марта, а лѣтомъ съ половины іюня и до половины августа.

За переваломъ въ вершинахъ р. Толи на сѣверной его сторонѣ начинается сухой логъ Хоринъ-бугута, огибающій небольшую кормистую гору Харганта, пониже которой находятся два ключика „Багохуджюрта"; они въ верстахъ 4—5 ниже факторіи Гуляева соединяются съ сухимъ логомъ „Хачикъ-сайемъ"; послѣдній уже здѣсь теряетъ свое названіе и называется Баго-худжурты ёмнё-булукъ и отсюда менѣе чѣмъ чрезъ версту впадаетъ въ р. Хангельцикъ.

Верстахъ въ двухъ къ ю.-в. течетъ р. Тюргунъ, чрезъ вершину которой проходитъ грань съ Ельджигинами; отъ Харгана-саиръ грань проходитъ чрезъ Дологинъ-худукъ, р. Хапчикъ, чрезъ вершину р.

4) Калыпъ—форма, сдѣланная изъ камня или желѣза для отливанія свинцовыхъ пуль для кремневыхъ и друг. простыхъ винтовокъ.

Тюргунъ, чрезъ г. Намъ-шаръ, пересѣкаетъ рѣку Сонгинъ на бель (степцу) г. Доромъ-Тологой, у выхода на р. Тюргунъ сливается съ р. Сонгинъ; на сліяніи этихъ рѣчекъ находится факторія фирмы Мокина.

По р.р. Тюргуну и Сонгину много лиственничнаго лѣса, среди котораго растутъ кустарники черной и красной смородины, крыжовникъ; не далѣе, какъ въ верстѣ отъ факторіи по р. Тюргуну на вост. берегу, есть каменный уголь, который никто не употребляетъ; на сѣверѣ отъ нахожденія каменнаго угля въ полутороверстномъ разстояніи въ мѣстности Тёмюръ-чулуту, (т. е. съ желѣзнымъ камнемъ), по разсказамъ монголъ, есть желѣзная руда, изъ которой въ старину будто бы какой-то кузнецъ добывалъ желѣзо.

Послѣ сліянія р. Сонгинъ теряетъ свое названіе и ниже называется уже р. Тюгунъ-голъ; на версту ниже факторіи по Тюргуну есть цѣлебный ключикъ „Ганца-мордуна*)—Аршанъ«, водой котораго лѣчатся отъ болѣзней желудка мѣстные Баиты и Ельджигины. Аршанъ этотъ какъ разъ напротивъ сопки Доромъ-тологая.

На этой параллели тянется ровная степца бель съ ю.-в. на с.-з. отъ р. Тавонъ-бельчиръ до Бель-булука почти на 20 верстъ.

Не далѣе, какъ чрезъ версту отъ Аршана, р. Тюргунъ впадаетъ въ р. Хангельцикъ; здѣсь у впаденія Тюргуна р. Хангельцикъ дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ (доселѣ Хангельцикъ шелъ съ востока на западъ).

Отсюда книзу все время границей Тюменъ-гунцевъ и Ельджигиновъ служитъ р. Хангельцикъ; хотя настоящая грань проходитъ восточнѣе Хангельцика по гривѣ „Урджунъ-нуру" (на которой стоитъ 3-хъ-гранный знакъ „Гурбольджинъ-пайдза", отъ него на с.-в. начинаются кочевія „Уранхаевъ, Соитскаго сумына", на югъ кочевія Ельджигиновъ, а на западъ кочевія Баитовъ, Тюменъ-гунцевъ; но давно уже Соёты вытѣснены Ельджигинами вплоть до Дзюнь-Тургуна).

Р. Хангельцикъ здѣсь течетъ среди кормистыхъ небольшихъ горокъ; берега р. покрыты березой, тальникомъ и тополями; кое-гдѣ вкраплена лиственница, много мелкихъ кустарниковъ; по кустамъ растутъ грузди; также вездѣ въ окрестностяхъ растутъ шампиньоны, которые раньше охотно скупали китайцы для отправки въ Китa. Въ Хангельцикъ съ обѣихъ сторонъ впадаютъ сухіе лога съ слѣдующими мѣстными названіями: съ восточной стороны, отъ впаденія р. Тюръ-гунъ внизъ почти напротивъ Чёгломъ-ама, Ладжя-ама, Могойта-ама, Шархадъ-ама, Бумбуту-ама, Муджяна-му-

*) Ганцъ—молодое дерево.

хуръ-ама, Ерё-ётёкинъ-ама, Кецугинъ-ама; съ западной стороны, начиная отъ Баго-худжурта-ама книзу: Сюньдупинъ-ама, Укуръ-чулута-ама, Цецкта-ама, „Тёгрёкъ-харга", маленькій перевальчикъ чрезъ мысъ „Шюргута-котль", напротивъ площадка Шюргутинъ-куре, Шэстэ-ама, Улантологоинъ Хоиръ-ама, напротивъ площадка Уланъ-хусунъ, Батарчи-оргодкъ-ама, Хоръ-харгаинъ еки-амы, Адкъ-ама; здѣсь дорога переходитъ на восточный берегъ Хангельцика, бродъ этотъ называется „Хоръ-харгаинъ-котлга"; отъ устья р. Тюргуна до брода будетъ не болѣе 7 верстъ.

Отъ брода версты чрезъ 1½ дорога переваливаетъ чрезъ пологую гриву „Цаганъ-богочи"; здѣсь рѣчка дѣлаетъ уклонъ на западъ и огибаетъ утесъ Цаганъ-богочи, который называется Харъ-киса; здѣсь очень густой лѣсъ тополей и лиственницъ, перемѣшанный съ тальникомъ и другими кустарниками. Верхняя часть лѣса называется „Урхайта"; напротивъ Харъ-киса съ запада впадаетъ р. Ики-худжурта, мѣсто это называютъ Худжуртаинъ-бельчиръ или просто бельчиръ. Къ восточному берегу пониже Харъ-киса подходитъ гора съ бѣлыми камнями „Алкъ-улъ" (на вершинѣ торчатъ нѣсколько прутиковъ на подобіе обо); съ Цаганъ-богочи дорога выходитъ на ровную степь, окаймленную гривой „Цулу", поближе которой есть сухое русло Турлакта-ама, низовье Дунду-булука; налѣво виднѣется ровная площадка Ергонъ-ширикъ, ниже которой съ запада подходитъ грива, образуя утесъ у рѣки „Цаганъ-удзюръ"; повыше его впадаетъ сухой логъ Харганъ-дзуху.

Отъ Ергонъ-ширика на востокъ тянутся сплошныя старыя оросительныя канавы до Турлакта и книзу по степи вплоть до Боронъ-туруна. Теперь онѣ заброшены, но въ старину здѣсь были огромныя пашни. Баиты эти канавы называютъ „Галднъ-бошоктаинъ-буху". Немного ниже Цаганъ-удзюра начинаются теперешнія канавы для полива пашни; съ западной стороны подъ названіемъ Дунду-буху, съ восточной—„Шини-буху", напротивъ которой въ верстѣ на вост. лежатъ среди степи огромныя каменныя глыбы „Теменъ-чулунъ". Про нихъ есть такое мѣстное преданіе: камни эти брошены были пастушкой богатыря „Сартактая", которая гонялась съ этими камнями въ рукахъ за убѣжавшими телятами.

Версты на двѣ ниже начала дунду-буху съ запада подходитъ каменная грива „Обогинъ-удзюръ", (на которой есть обо, ему поклоняются послѣ посѣва хлѣба). Это послѣдній отпрыскъ горъ, дальше идетъ ровная кормистая степь вплоть до Баинъурскихъ песковъ.

Отъ Обогинъ-удзюра тянутся пашни теперешнихъ Тюменъ-гунцевъ. Хангельцикъ книзу идетъ въ томъ-же сѣв. направленіи; здѣсь тополя рѣдѣютъ, есть по берегу харгана. Внизу, напротивъ находя-

щейся на востокѣ между Хангельцикомъ и Баронъ-туруномъ, одинокой горы „Саръ-тологой“ (служащей гранью съ Ельджигинами), есть густая роща тополей „Бакъ-уласенъ“; книзу постепенно тополи исчезаютъ, у сліянія Баронъ-туруна съ Хангельцикомъ нѣтъ уже ни одного кустика. Двѣ эти рѣки, слившись и повернувъ на западъ, теряютъ свои названія; пониже сліянія вер. на 3—4 начинаются мочаги и ключи, которые называются „Харъ-бура“ и служатъ гранью. На лѣвомъ южномъ берегу стоятъ Тюменъ-гунцы, а на правомъ сѣверномъ Боронъ-гунцы (тоже Баиты); нижняя часть Харъ-бура принадлежатъ Са-Вановцамъ.

Рр. Хангельцикъ и Баронъ-турунъ вверху довольно богаты водой (какъ горныя рѣчки), но внизу воды ихъ уходятъ подъ почву; за исключеніемъ весеннихъ наводненій, онѣ между собой никогда не сливаются. Обычно вода Хангельцика въ среднемъ достигаетъ до Обогинъ-удзюра, а вода Баронъ-туруна до Адкъ-бома (карты наши этой мѣстности не вѣрны). Обогнувъ Обогинъ-удзюръ съ сѣвера, русло идетъ на с.-з., орошая подножіе горныхъ отпрысковъ; съ юга подходитъ сухой логъ Кёньдё-ама; вершина его начинается съ сѣвера Цаганъ-удзюря, затѣмъ попадается маленькая одинокая сопка съ обо „Ердине-тологой“, тутъ есть миніатюрное озерко—лужа; немного ниже мысъ Боръ-удзюрь, дунду-хо, адкинъ-хо, цаганъ-тологой и самый нижній конецъ горъ „Есюрюнъ“; здѣсь кончается русло; отъ Обогинъ-удзюра до Есюрюна будетъ около 15 верстъ; съ запада Есюрюнъ огибаетъ сухое русло р. Борбургуса, которое служитъ гранью съ Са-Вановцами.

Ровный пятнадцативерстный квадратъ, заключающій въ себѣ Харъ-буринскую степь, на всемъ пространствѣ покрытъ сочной травой, и если бы немного приспособить орошеніе, то всю эту степь можно бы было превратить въ золотистыя нивы. На пашняхъ и въ Харъ-бурѣ Тюменъ-гунцы стоятъ съ первыхъ чиселъ апрѣля почти до половины іюня, и съ половины августа до первыхъ чиселъ октября; остальное время года здѣсь никто не кочуетъ.

Въ зимнее время здѣсь выпадаютъ глубокіе снѣга; эту степь зимой рѣдко посѣщаютъ кочевые табуны лошадей (отуръ-аду): за послѣдніе годы у Тюменъ-гунцевъ лошадей стало очень мало, поэтому совсѣмъ почти не стали отправлять отдѣльно табуны въ степь.

Отъ перевала Толи, Хори-бугуты и Харганты на западъ тянутся лѣсистыя горы Салькита; пониже ихъ образуются два смежные ключика Бель-булукъ, западнѣе ихъ есть гривка Маньта-котли; западнѣе котли есть маленькій ключикъ „Аширъ“, служащій гранью съ Са-Вановцами.

Книзу отъ Бель-булука образуется р. Борбургуенъ; справа съ востока идутъ лѣсистыя горы Дельгръ-хаерханъ; версты на 2 ниже Бель-булука, слѣва съ зап. впадаютъ рр. Могойта и Шавырта; справа логъ съ переваломъ Далтнъ-кётли; тутъ есть суринъ (т. е. плохонькіе амбаришки баитовъ для склада разнаго скарба, живетъ постоянный караульщикъ); около сурина живетъ въ своей келейкѣ извѣстный въ окрестности пустынникъ аскетъ-лама; отсюда гранью съ Са-Вановцами служитъ русло р. Борбургуена; здѣсь р. идетъ въ сжатомъ ущельѣ верстъ 5—6 до площадки Марцнъ-цаганъ; къ низу мѣстность носитъ почти степной характеръ; кой-гдѣ есть маленькія горки, ниже есть логъ Яврнъ-ама и ниже Цаганъ-юнга, какъ разъ у восточнаго конца поперечной грядки горъ Кондегинъ, тянущихся съ запада на востокъ. Ниже ихъ начинается Харъ-буринская степь—западная часть отъ Есурюна.

Г. Дельгръ-хаерханъ (есть обо) довольно обширна, склоны ея покрыты лѣсомъ и бѣлымъ камнемъ; въ срединѣ ея есть ключикъ Тагинъ-булукъ (есть обо), на который можно попасть изъ р. Борбургуса, переваливъ чрезъ Далта-кётли, Тигинъ-булакомъ; устье его называется Екёта-ама; вост. склонъ г. Дельгыръ-хаерхана омываетъ р. Ики-худжурта, въ которую и впадаетъ Екёта-ама, образуя у устья ключикъ; версты на 3 ниже Екёта съ запада подходитъ логъ Бурата-ама, вверху котораго есть ключикъ версты на 2 ниже Худжурты, впадающій въ Хангельцикъ.

Изъ Тагинъ-булука на сѣверъ можно перевалить переваломъ Кокъ-дава и спуститься въ степь, находящуюся между Хангельцикомъ и Борбургуеномъ; направо тянутся постепенно понижающіяся горы Дебснъ—продолженіе г. Дельгыръ-хаерхана. Дебснъ имѣетъ три перевальчика, называемые: екинъ-дебснъ, дунду-дебснъ, адыкъ-дебснъ. Отъ Кокъ-дава книзу идетъ сухой логъ, по которому есть 2 колодца: верхній „Гонца-бурагинъ-худукъ“, нижній „Ики-худукъ“; на сѣв.-вост. есть еще 3-й колодецъ „Тарагинъ-худукъ“; вообще около колодцевъ степь очень кормистая, но ее почти никогда не вытравливаютъ, благодаря недостатку воды.

Въ общемъ кочевья Тюменъ-гунцевъ вполнѣ удовлетворительны и достаточны для нихъ.

Хошунъ Тюменъ-баиръ-гуна считается оффиціально или, вѣрнѣе, считался при китайцахъ въ пятьдесятъ дымовъ; теперь въ немъ около 200 юртъ, въ среднемъ съ 700 челов. населенія обоего пола; изъ этого количества 100—110 челов. монашествующихъ (ламъ). Хошунъ состоитъ изъ слѣдующихъ 6 костей: 1-я—Цоросъ, бѣлая княжеская кость; этой кости всѣ дёрбетскіе и баитскіе князья; 2-я —Булгудуръ, самая большая въ хошунѣ, 3-я—Хасгутъ, 4-я—Цамхадъ, 5-я—Цагакгутъ, 6-я—Тонгорудъ.

У всѣхъ 11 баитовъ([5]) одинъ общій монастырь, который находится на р. Байца, въ кочевьяхъ Са-Вана; отъ р. Хангельцика до монастыря около 30 верстъ.

Всѣ Баиты занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ, имѣютъ табуны лошадей, рогатый скотъ, сарлыковъ, барановъ, емановъ, верблюдовъ.

Хошунъ Тюменъ-гуна можно считать средняго состоянія среди баитскихъ хошуновъ. На каждаго тюменъ-гунца среднимъ придется по 1 лошади, по 1 коровѣ, по 10 шт. мелкаго скота (баранъ и еманъ) и 1 верблюдъ на двухъ человѣкъ, сарлыковъ очень мало. Кромѣ скотоводства, Тюменъ-гунцы сѣютъ для себя немного ячменя, ярицы и, рѣдко, пшеницы; но при желаніи этотъ хошунъ могъ бы имѣть большія пашни; затѣмъ многіе охотятся на сурка, который водится повсюду въ этомъ хошунѣ, за исключеніемъ Хар-буринской степи; бьютъ немного лисицъ и волковъ, а также зереновъ, козловъ, рѣдко мараловъ. Изъ растеній копаютъ только мякхеръ, который сеть на сѣверныхъ склонахъ хребта; собираютъ и его сѣмена (юргуна), изъ которыхъ приготовляютъ муку.

Климатъ можно считать среднимъ: холода бываютъ зимой до 28 град., а лѣтомъ жара доходитъ 26—27 град. Выпадаетъ порядочный снѣгъ; на хребтѣ дуютъ сильные вѣтры, которые уносятъ выпавшій снѣгъ и оголяютъ корма; поэтому Тюменъ-гунцы сѣна не ставятъ, скотъ ходитъ всю зиму на подножномъ корму.

Многіе Тюменгунцы лѣтомъ работаютъ на шерстомойкахъ русскихъ факторій; также живутъ въ работникахъ, и нѣкоторые изъ нихъ ѣздятъ съ палатками собирать шерсть и пр., замѣняя мелкихъ русскихъ приказчиковъ.

Всѣ перечисленныя мною рѣчки скорѣе горные ручейки, только изъ нихъ поболыше—Хангельцикъ и Баронъ-турунъ. Сѣверная часть кочевій вся пригодна для телѣжной ѣзды.

Чрезъ Бель-булукъ и р. Тюргунъ проходитъ новая телѣжная дорога на г. Улясутай; ее проложили 2 года тому назадъ русскіе ямщики.

А. Бурдуковъ.

1913 г., 2-е октября
Р. Хангельцикъ.

---

[5]) 11 баитовъ называются потому, что ихъ дѣйствительно 11 хошуновъ, у нихъ одинъ общій курэ (монастырь). Оффиціально же они называются „арбанъ баитъ“ т. е. десять баитовъ, это объясняется тѣмъ, что 11-й хошунъ (тюше-гуна теперь) Батръ-бейсе принадлежитъ къ правому аймаку; это случилось будто-бы такъ: правый аймакъ состоялъ всего изъ 3-хъ хошуновъ: Уланъ-Гомскаго Цинъ-Вана, Бейле и Праска, вотъ имъ и прикомандировали 4-й хошунъ Тюше-Гуна баитскаго изъ лѣваго аймака. *А. Бурдуковъ.*

Отъ Хангельцика до Кошъ-Агача.

(Путевыя замѣтки*).

1912 годъ останется навсегда въ памяти не только у монголовъ, а и у русскихъ торговцевъ въ Монголіи. Населенію города Кобдо и его округа пришлось жить какъ-то по бивуачному съ самой ранней весны. Наши съ сосѣдомъ факторіи находились въ глухомъ уголкѣ Монголіи, въ 200 слишкомъ верстахъ отъ г. Кобдо, на сѣверн. склонѣ горнаго хребта Ханъ-Коко (на картахъ Ханъ-Хухэ); поэтому мы въ сравненіи съ кобдинцами жили спокойно, торговыя дѣла вели хотя и съ заминкой, но безъ большеге ущерба, весной и даже лѣтомъ, сборъ шерсти вели сравнительно спокойно. Но вотъ появились тревожные слухи изъ Кобдо, особенно объ арестѣ китайцами пословъ хутухты, что грозило уже серьезными осложненіями. Вскорѣ послѣ этого въ Уланомъ пріѣхалъ сперва джя-хандзы-гегень, а за нимъ и вновь назначенный хутухтой главнокомандующій въ г. Кобдо Наванъ-Церинъ-бейсе; они надѣялись уладить отношенія съ китайцами мирнымъ путемъ, и это насъ немного успокоило. Но эта надежда не оправдалась. Въ отвѣтъ на ихъ предложеніе сдать Кобдо мирнымъ путемъ китайцы казнили пословъ хутухты. Это привело въ движеніе монголовъ. До насъ стали доходить свѣдѣнія о томъ, что изъ Урги двинулись монгольскіе солдаты, а потомъ начался сборъ солдатъ сначала въ Халхѣ, а затѣмъ у дёрбётовъ, баитовъ и урянхайцевъ. Сразу обозначилось воинственное настроеніе, еще невиданное въ Монголіи. Въ это время мы получили достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что изъ Кобдо всѣ русскіе торговцы выѣхали въ Кошъ-Агачъ и даже консулъ уѣхалъ въ Хонго (60 в. отъ Кобдо).

Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ поскорѣе вывезти своихъ женъ и дѣтей въ Кошъ-Агачъ. Самимъ же намъ, мужчинамъ, бояться было нечего: монголы насъ не потрогаютъ, а китайцы въ степи намъ не страшны. Другое—семьи. Случись побѣда на сторонѣ китайцевъ, и въ степи наступитъ невозможимая паника („даджинъ", какъ называютъ монголы), во время которой можно остаться пѣшимъ, а это одно среди монгольской степи обрекаетъ уже на вѣрную голодную смерть.

---

*) Статья была напечатана въ газ. «Сибирская Жизнь» за 1912 г. въ №№ 253, 255, 260.

За послѣдніе годы русскіе торговцы въ Монголіи живутъ осѣдло, многіе съ семьями, по два и болѣе года безвыѣздно. Такъ жили и мы съ своимъ сосѣдомъ.

Пока мы собирались въ путь, изъ Кобдо начали получаться свѣдѣнія о первыхъ побѣдахъ монголовъ. Но такъ какъ у насъ не было вѣры въ силу монгольскаго оружія, то, скрѣпя сердце, мы оставили торговыя дѣла и выѣхали.

Нашъ выѣздъ съ р. Хангельцикъ состоялся 7 августа.

Караванъ нашъ состоялъ изъ трехъ телѣгъ, 6-ти конскихъ вьючныхъ съ необходимыми припасами и одеждой и нѣсколькихъ свободныхъ лошадей. Съ караваномъ всего ѣхало насъ 17 человѣкъ— 3 женщины, 4 дѣтей, 4 взрослыхъ мужчины, 1 мальчикъ, въ сопровожденіи пяти монголъ.

Дорога отъ нашихъ факторій была прекрасная. Слѣва, по сѣверному склону Ханъ-Коко, виднѣлись покрытые лиственницей отроги горъ, справа, книзу въ Харъ-Буринскую степь, шли широкіе кормистые лога. Послѣ часовой ѣзды мы миновали кочевья Тюмнъ-Гуня-хошуна и переѣхали черезъ небольшой ключъ Тагинъ-Булукъ, считающійся границей между двумя баитскими хошунами— Тюмнъ-Гуня и Самднъ-Беля. Дальше шла все такая же хорошая дорога, кой-гдѣ пересѣкаемая ложками.

Переваливъ чрезъ маленькую гривку, мы спустились въ широкій логъ р. Нарыты и имъ проѣхали до новой баитской хуре Дежіелинъ, около которой и становились на ночлегъ. Проѣхали въ этотъ день верстъ тридцать. 8 августа намъ пришлось сдѣлать дневку, чтобы выстоять лошадей. Неѣзженныхъ жирныхъ лошадей первые дни нужно держать на привязи, не кормя около сутокъ, въ противномъ случаѣ у нихъ легко сбиваются спины и плечи, лошади начинаютъ хромать, скоро худѣютъ и отказываются служить. Хуре (монастырь), около которой мы остановились, построилась всего три года назадъ, прикочевавъ съ Гедыргенъ-гола. Въ настоящее время въ ней живетъ около тысячи ламъ (монаховъ). Постройка храмовъ еще не закончена, но главный храмъ достраивается китайскими плотниками, которыхъ живетъ здѣсь около 20 чел.

Въ нынѣшнемъ году эти плотники надѣлали много хлопотъ баитскимъ ламамъ: имъ нѣсколько разъ приходилось выручать китайцевъ почти силой, вырывая изъ рукъ урянхайскихъ грабителей. 9 августа мы покинули хуре, расположенную на красивой площадкѣ, окаймленной низкими лѣсистыми горами. Отъ хуре наша дорога спускалась по р. Байца, стиснутой горами съ обѣихъ сторонъ. Послѣ двухчасовой ѣзды мы, переваливъ небольшую гривку, пересѣкли

р. Билю, которая служитъ границей двухъ хошуновъ—Беля и Тюше-гуня.

Поднявшись на гриву, мы дальше ѣхали по ровной степи.

Справа открылась ровная степь верстъ на тридцать, окаймленная виднѣвшимися вдали Баинукскими песками. А тамъ, далеко-далеко, синѣли вершины хребта Танну-Ола, а слѣва и не такъ далеко тянулась горная цѣпь.

Послѣ часовой ѣзды мы переѣхали небольшую р. Тараты, по берегамъ которой зеленѣли небольшія полоски наливщагося ячменя.

Дальше наша дорога шла по подножію небольшой горки. Миновавъ ее, мы остановились на полдневку на ключикѣ Дзеренъ-булукъ, по берегамъ котораго также зеленѣли полосы ячменя.

Послѣ чаю мы двинулись дальше.

Пройдя добрый десятокъ верстъ по такой же ровной дорогѣ, мы спустились въ р. Цаганъ-Бургусынъ, которая служитъ границей между двумя хошунами—Тюше-гуня и Джюнъ-вана. Дальше дорога шла ложкомъ въ гору, на перевалъ Дархытынъ-дава. Переваливъ его, мы пересѣкли сухой логъ и ключикъ Цакырынъ-усу. Здѣсь въ полуверстѣ отъ дороги и влѣво, виднѣлась разоренная и опустѣвшая заимка богатой китайской компаніи Аршанъ (заимку эту разграбили урянхайцы прошлой весной). Переѣхавъ нѣсколько ложковъ, мы вышли на ровную степь, гдѣ было сложено много кучъ камня, которыя монголы называютъ Олонъ-обо. Здѣсь проходитъ граница между хошунами Джюнъ-вана и Нацакъ-бейсе.

Сдѣлавъ еще не болѣе 5 верстъ, мы пріѣхали въ отдѣленіе торговой фирмы, находящейся рядомъ съ хуре. Сегодня мы сдѣлали верстъ 40 и пріѣхали довольно рано.

Кочевья 10 баитскихъ хошуновъ раздѣляются на двѣ половины —пять хошуновъ горныхъ и пять—степныхъ(Гоби). Кочевья горныхъ хошуновъ, чрезъ которыя мы проѣхали, всѣ расположены лентообразно съ юга на сѣверъ; на югѣ они примыкаютъ къ озеру Киргизъ-нуръ, а на сѣверѣ къ Баинурскимъ пескамъ; длина этихъ лентъ 60—70 вер., ширина 10—15 в. Горные баиты весну и осень проводятъ въ равнинѣ, примыкающей къ Баинурскимъ пескамъ, лѣто по вершинамъ рѣчекъ и сѣверному склону хребта, а зиму, до февраля, живутъ на южномъ его склонѣ. Въ нашъ проѣздъ баиты уже откочевали съ горъ въ равнину по рѣчкамъ Харъ-буру, Дзель, Гурмусунъ.

Напившись чаю, мы пошли на пепелище китайской заимки Дзургана, которая была расположена всего въ ста саженяхъ отъ факторіи нашей фирмы. Нашимъ глазамъ представились кучи мусора да торчащіе кой-гдѣ глиняныя трубы и каны, кой-гдѣ валялись обгорѣлыя стойки.

Въ хуре Цалгыръ теперь живутъ не болѣе двухсотъ ламъ,—это отщепенцы 4-хъ баитскихъ хошуновъ.

Хуре эта, теперь такая маленькая и невзрачная, подъ давленіемъ Дамби-джанцына вынуждена кочевать и присоединиться къ новой баитской хуре Деджіе-лину.

Мы узнали, что сегодня передъ нами пріѣхалъ въ хуре Тюдупъ-гунь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ солдатъ; ѣдетъ онъ въ Кобдо по важному дѣлу. Везетъ Дамби-джянцину ружье и треногъ Амыръ-Саны. У баитовъ сохранилось преданіе, что въ 1750 годахъ, когда былъ схваченъ Шидырь-ванъ и Амырь-Сана былъ вынужденъ спасаться бѣгствомъ, то, будто-бы, предокъ Тюдупъ-гуня далъ ему четырехлѣтняго голубого коня, на которомъ онъ и спасся, убѣжавъ въ Россію. Въ награду за это Амыръ-Сана далъ ему на память свое старое ружье и треногъ и обѣщаніе, что онъ все-таки придетъ обратно и спасетъ Монголію изъ-подъ китайскаго ига.

Вотъ теперь-то онъ пришелъ спасать дзюнгаръ отъ китайцевъ.

Духъ Амыръ-Саны воплотился въ Дамби-джянцинъ-ламу, которому онъ и везетъ вручить его старыя вещи. Между прочимъ, я прочиталъ письмо служащаго нашей фирмы, живущаго на р. Наренъ Онъ пишетъ (отъ 30 іюля) о тамошнихъ новостяхъ. Первая новость: Урянхайцы ограбили какихъ-то русскихъ скотогоновъ и отобрали у нихъ 2000 барановъ и 18 лошадей; четверо русскихъ и двое урянхайцевъ рабочихъ добрались кой-какъ пѣшкомъ къ служащему фир. Горбунова, который далъ имъ лошадей, и они уѣхали къ урянхайскому чиновнику, амбаню, съ жалобой, результаты которой пока неизвѣстны.

Другая интересная новость такая:

24-го іюля. съ р. Наренъ нѣсколько баитовъ собрались кочевать на р. Тесъ. У нихъ было привязано на выстойку нѣсколько быковъ; вечеромъ, когда схлынула жара, баиты отпустили быковъ пастись. Откуда ни возмись два урянхайца съ ружьями, подхватили этихъ быковъ и угнали въ степь. Баиты этого не видали, но въ степи какъ разъ попалъ урянхайцамъ на встрѣчу ѣздившій собирать долги по аиламъ молодой русскій парень, лѣтъ 17-ти, служащій Горбоносова. Увидавъ урянхайцевъ, онъ закричалъ на нихъ. Одинъ изъ урянхайцевъ бросилъ быковъ и убѣжалъ, но другой спрыгнулъ съ коня, сбросилъ съ плечъ кремневое ружье, чтобъ пристрѣлить русскаго. Но парень не растерялся и успѣлъ поймать во время ружье и не далъ выстрѣлить. Потомъ завязалась между ними борьба, кончившаяся тѣмъ, что урянхаецъ вырвался и убѣжалъ, а парень пригналъ 7 быковъ и отдалъ озабоченнымъ баитамъ.

10 авг. утромъ мы услыхали опять новости. Знакомый мнѣ лама приходитъ и разсказываетъ, что сегодня ночью проѣхалъ нарочный изъ Улангома къ Тюше-гуню съ письмомъ, которое въ хуре они читали. Пишутъ, что изъ гор. Шаръ-Сюме идетъ китайское войско въ 500 человѣкъ и уже переправилось черезъ р. Кобдо по броду Унгунъ-катылга и что идетъ это войско не на Кобдо, а обходомъ на Улангомъ, поэтому изъ хошуна Тюше-гуня вызываютъ солдатъ для защиты Улангома.

Лама указалъ намъ на опасность поѣздки нашей черезъ Улангомъ на Кошъ-Агачъ на телѣгахъ, съ женщинами и дѣтьми. Эта новость насъ очень смутила. Обсудивъ положеніе, мы все-таки рѣшили доѣхать до Улангома и уже тамъ разобраться, можно ли ѣхать дальше.

Все это насъ задержало, и мы выѣхали не рано.

Дорога шла сначала небольшимъ ложкомъ, которымъ мы спустились въ р. Гедыргенъ-голь, но отсюда начали давать себя знать неудобства дороги: косогоры, камни и т. п. Черезъ 3—4 версты такого пути мы взяли влѣво и выѣхали на открытую степь, въ низовья р. Годыги, гдѣ баиты также сѣютъ ячмень. Послѣ нѣсколькихъ верстъ ѣзды, пересѣкли сухое русло ключа Арманъ-булука, по которому раскиданы баитскія пашни. Справа отъ насъ, среди ровной степи, возвышалась одинокая сопка съ Ердинъ-тологой, а за нею, верстахъ въ тридцати, синѣло огромное озеро Усва (на картахъ Убса), слѣва тянулся горный хребетъ съ высокими горами Токтхонъ-Шиль; позади насъ возвышался великанъ Баинъ-Хайрханъ, а впереди передъ нами простиралась ровная степь верстъ на двадцать. По этой степи мы ѣхали довольно скоро; отъ сухого русла Кецугинъ-Хотхора дорога дѣлается каменистой, подходя къ подножію Токтхонъ-Шиль. Изъ этихъ горъ и выпадаетъ р. Тюрьгунъ, на которой мы остановились на ночлегъ. Всюду по рѣчкѣ виднѣлись юрты баитовъ и дёрбётовъ. Хотя мѣсто это и считается принадлежащимъ хошуну Гоби-Паньди-бейсе, но баитовъ изъ этого хошуна живетъ здѣсь немного, большинство же населенія состоитъ изъ дёрбётовъ хошуна улангомскаго-вана. Повидимому, граница между хошунами Нацыкъ-бейсе и Гоби-Паньди-бейсе проходитъ около Кецугин-Хотхора, но, несмотря на споры, здѣсь кочуютъ смѣшанно монголы разныхъ хошуновъ. Неподаледу отъ нашей стоянки бѣлѣлъ поспѣвшій ячмень; мимо насъ два баита на нѣсколькихъ верблюдахъ провезли домой уже обмолоченный хлѣбъ.

11 августа мы выѣхали довольно рано, двигаясь ровной степью по подножію горъ и кой-гдѣ пересѣкая сухія русла рѣчекъ. Къ полудню пріѣхали на р. Тель и сдѣлали остановку. Вдали виднѣлись

полосы ячменя хотонцевъ по р. Тель. Хотоны—особое кочевое племя изъ числа подданныхъ улангомскаго вана; они исповѣдуютъ магометанство и говорятъ на особомъ языкѣ (киргизскомъ). Теперь это племя вырождается и постепенно смѣшивается съ дёрбётами.

Отъ рѣчки мы поднялись на небольшую гору и, пройдя черезъ долину, окаймленную небольшими голыми горками, спустились въ другую рѣчку того-же названія—Тель. Здѣсь передъ нами открылась великолѣпная панорама на улангомскую долину, среди которой раскинулись обширныя угодья вана, обнесенныя глиняной оградой, и богатый улянгомскій монастырь, насчитывающій до 1,500 ламъ.

Все утопало въ садахъ и зелени.

Переѣхавъ р. Тель и нѣсколько прокоповъ для поливки пашенъ, мы выѣхали на хорошую колесную дорогу, которая проходитъ близъ стѣнъ ограды вана, а тамъ уже виднѣлся и таборъ сложенной шерсти и незатѣйливыя постройки факторія нашей фирмы, до которой мы и добрались чрезъ нѣсколько минутъ.

Прежде всего намъ разсказали о событіяхъ въ Кобдо, что городъ взяли монголы 7 августа. Свѣдѣнія эти наканунѣ привезъ вангиновскій да-лама, конечно, со всевозможными украшеніями и подробностями, въ родѣ того, что Кобдо взятъ не оружіемъ, а чудотворной силой джяхандзы и дамби-джянцына.

Монгольскіе солдаты при взятіи города проходили-де у самыхъ стѣнъ крѣпости, и китайцы со стѣнъ палили въ нихъ въ упоръ, но ни одна пуля не попала въ цѣль. Видя такое чудо, манчжурскій амбань испугался, упалъ съ крѣпостной стѣны, изувѣчилъ ногу и теперь хромаетъ. Эти и тому подобные разсказы передавались безъ конца.

Тутъ же мы узнали, что въ вангиновскомъ джисанѣ (правленіе) получилось письмо отъ барынъ-урянхаевъ, извѣщающее о движеніи китайскаго отряда изъ Шара-Сюмэ на Улангомъ.

Не успѣли мы и чаю напиться, какъ какой-то дербетъ пріѣхалъ изъ сосѣднихъ юртъ съ новостями, что около хановской хуре (съ хошуномъ вана по сосѣдству находится хошунъ хана) идетъ съ китайцами бой и что ламы всѣ разбѣжались.

Этому извѣстію мы хотя и не повѣрили, но все-таки завѣдующему отдѣленіемъ нашей фирмы пришлось отправиться въ вангиновскій джисанъ за справками. На дворѣ были уже сумерки.

Въ джисанѣ никакихъ свѣдѣній не было, и всѣ тревожные разсказы надо было отнести на счетъ фантазіи монголовъ.

12 августа. Утромъ пріѣхалъ къ намъ завѣдующій джисаномъ чиновникъ, баиръ-дзакиркчи, и разсказалъ, какъ обстояло дѣло.

Одинъ изъ караульскихъ писарей живетъ для развѣдокъ въ верховьяхъ р. Кобдо. Онъ отъ кого-то услыхалъ, что идутъ китайскіе солдаты, но, не провѣривъ этихъ слуховъ, написалъ урянхайскому чиновнику, а тотъ разослалъ оффиціальныя бумаги въ Кобдо и Улангомъ, и пошла писать губернія,—вызвали переполохъ на весь край. Позднѣе узналъ, что, дѣйствительно, маленькій отрядъ изъ Шара-Сюме выступалъ на Кобдо, но вернулся обратно, услыхавъ о паденіи города. Это-то, вѣроятно, и послужило поводамъ къ вышеозначенному переполоху.

12-е августа мы рѣшили продневать. Пользуясь свободнымъ временемъ, мы съ товарищемъ отправились осматривать Улангомъ. Сперва мы заѣхали въ ванскій дворецъ, но самого вана не застали, онъ уѣхалъ съ джяхандзой на войну въ Кобдо. Во дворцѣ оставались только домачадцы, которые намъ все разсказывали и показывали, а добрый старичекъ лама всюду насъ водилъ. Сперва онъ завелъ насъ на второй этажъ ванскаго дворца, гдѣ все, за исключеніемъ довольно обширной площадки балкона, было занято подъ домашній буддійскій алтарь со всевозможными бурханами, передъ которыми теплились неугасимыя лампады.

Отъ птицъ балконъ былъ защищенъ проволочной сѣткой, на подобіе нашихъ колоколенъ, Съ балкона открывался прекрасный видъ на окрестности, на которыя ванъ такъ любитъ смотрѣть въ тутъ же стоящій небольшой телескопъ (такъ намъ разсказывалъ старичекъ-лама). Затѣмъ мы посѣтили нижній этажъ, который былъ приспособленъ для жилья. Всѣ помѣщенія были хорошо убраны. По срединѣ находится довольно обширный залъ для оффиціальныхъ пріемовъ; вездѣ тутъ разставлены разныя бездѣлушки русскаго и китайскаго производства. Остальныя комнаты были снабжены канами въ китайскомъ вкусѣ; по стѣнамъ висѣли хорошія китайскія картины; въ одной изъ комнатъ стоялъ высокій столъ и русскіе стулья, а на столѣ стояли русскіе чайные и столовые приборы, которые, видимо, употребляются во время пріема русскихъ почетныхъ гостей.

Второстепенныхъ построекъ у вана много, но мы не стали ихъ осматривать, а попросили провести насъ въ вановскій садъ. Насъ повели туда не прямо черезъ калитку, а кругомъ, черезъ дворы. Въ углу одного такого двора мы увидѣли юрту, въ которой живетъ единственный во всемъ Улангомѣ китаецъ—это придворный плотникъ вана.

Въ саду вана растетъ масса разныхъ кустарниковъ, есть даже черемуха, но намъ не пришлось ею полакомиться, такъ какъ она померзла въ нынѣшній іюльскій морозъ и обвалилась, кой-гдѣ лишь

торчали на вѣткахъ одинокія ягодки. Главное же насажденіе сада—гигантскіе тополи.

По срединѣ сада есть обширная, закрытая со всѣхъ сторонъ, площадка, на которой стоитъ небольшая ветхая сюмэ (усыпальница), въ ней хранится прахъ предковъ вана. Налюбовавшись вдоволь этимъ прекраснымъ уголкомъ и сдѣлавъ нѣсколко фотографическихъ снимковъ, мы разстались съ добрымъ старичкомъ-ламой и отправились въ хуре, которая находится отъ дворца вана въ полуверстѣ. Она также обнесена кругомъ глиняной стѣной, какъ и угодья вана. Въ хуре мы въѣхали въ западныя ворота и по кривымъ узкимъ улицамъ добрались до площади, на которой находится главный храмъ. По обѣимъ сторонамъ его возвышались вновъ построенные два храма, которые намъ, главнымъ образомъ, и хотѣлось посмотрѣть. Оба эти небольшихъ храма построены китайскими каменщиками очень хорошо съ красивой архитектурой, сложены изъ обожженаго кирпича и покрыты черепицей, синяго цвѣта. Постройка ихъ окончена нынѣшней весной, такъ что храмы еще не были освящены во время нашего тамъ пребыванія. Это единственныя зданія, построенныя изъ обожженаго кирпича и покрытыя черепицей; всѣ же остальныя постройки сдѣланы изъ сырца, а крыши залиты глиной, за исключеніемъ главнаго храма и ванскаго дворца, которые покрыты желѣзомъ. Уланхомскіе ламы лѣтомъ живутъ въ глиняныхъ фанзахъ, а зимою въ кошомныхъ юртахъ. Въ юрты къ ламамъ мы заѣзжать не стали, а направились черезъ сѣверныя ворота посмотрѣть на развалины китайскихъ фанзъ, которыя начинались почти отъ самыхъ стѣнъ хуре.

Около Уланхома китайскій поселокъ насчитывалъ до 300 человѣкъ жителей—это все торговцы и мельники. Здѣсь работало до 30 конныхъ мельницъ. Прошлой весной поселокъ этотъ разрушили урянхайцы до основанія, не оставивъ камня на камнѣ,—все было сожжено и разграблено; такъ какъ постройки китайцевъ были глиняныя, то если гдѣ и оставались отъ нихъ полуразрушенныя стѣны, тамъ была пущена вода по прокопамъ, и она докончила начатое разрушеніе.

По дорогѣ къ нашей факторіи мы подъѣхали къ строющейся монгольской мельницѣ; два дербета умазывали стѣны уже готовой постройки. Дербеты говорили, что скоро кончатъ постройку и пустятъ сперва одинъ камень, а потомъ и другой.

Одна такая мельница виднѣлась не подалеку, она пущена въ ходъ мѣсяца два тому назадъ и работаетъ на двухъ поставахъ (жерновахъ); хотятъ поставить третій; кромѣ того, у вана работаютъ двѣ мельницы,—вотъ и все пока для Уланхома. На каждый камень такая мельница въ сутки можетъ смолоть 5—6 пуд.

Вслѣдствіе политической передряги съ самой весны, въ нынѣшнемъ году засѣвы хлѣбовъ сдѣланы небольшіе, да и тѣ не получили должнаго ухода, т. е. не были политы во-время, изъ-за чего урожай хлѣбовъ въ Улангомѣ вышелъ плохой.

Въ ближайшемъ будущемъ будетъ чувствоваться здѣсь большой недостатокъ въ мельницахъ; въ этомъ отношеніи могъ бы оказать большую услугу какой-нибудь русскій предприниматель, устроивъ хорошую мельницу и удешевивъ помолъ (теперь помолъ стоитъ до 50—60 коп. съ пуда).

Вообще здѣсь для культурно-земледѣльческой дѣятельности открыто широкое поле, надо только заняться дѣломъ съ душой; можно бы тогда много хорошаго сдѣлать монголамъ и въ то же время извлечь пользу и для себя.

Разрѣшеніе на постройку мельницы теперь получить несравненно легче, чѣмъ при китайскомъ владычествѣ.

Если въ Улангомѣ организовать культурное земледѣліе, то можно создать здѣсь житницу для всей сѣверо-западной Монголіи, такъ какъ и теперь, при первобытномъ способѣ обработки земли, улангомскій районъ снабжаетъ хлѣбомъ весь Кобдосскій округъ и сѣверную часть Улясутайскаго. Весьма возможно, что при возрожденіи независимой Монголіи Улангомъ превратится въ торгово-промышленный городокъ. Здѣсь хорошо родятся пшеница, ячмень, овесъ, ярица и всѣ огородныя овощи до арбузовъ, дынь и огурцовъ включительно. Навѣрное, будетъ родиться и просо, котораго дербеты почему-то не сѣютъ.

Проведя день въ этихъ прогулкахъ, вечеромъ мы вернулись въ факторію.

13-го августа мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Почти отъ самой факторіи начинаются кочевья хошуна Далай-хана, простирающіяся вплоть до нашей границы, до Томантинскаго перевала. Сперва верстъ на десять дорога шла по роскошной долинѣ, пересѣченной множествомъ рѣчекъ и прокоповъ для поливки хлѣбовъ, а потомъ мы выѣхали на голую каменистую степь, по которой пришлось ѣхать тоже не менѣе десятка верстъ до начинающихся здѣсь пашенъ. Хлѣба были рѣдкіе на пашняхъ и ничего не обѣщали за труды хлѣбопашцу.

Въ прокопахъ шло много воды, но мы не остановились здѣсь на полдневку, желая добраться до прокопа по ту сторону сухого русла р. Цаганъ-хуре. Но наши ожиданія не оправдались, когда мы сюда пріѣхали; въ прокопѣ воды не оказалось, видимо, она была вся пущена по тѣмъ прокопамъ, которые мы миновали. Пришлось ѣхать безъ полдневки до перевала Уланъ-дабы. Дорога скоро пошла въ

Кемеровская областная науч... ка
№ Б 10058

гору къ ущелью. Когда мы вступили въ ущелье Уланъ-дабы, насъ встрѣтили тучи комаровъ и мошки; наши лица и руки быстро начали покрываться шишками отъ укусовъ. На ночлегъ мы остановились на ключикѣ, гдѣ поспѣшили поставить палатки и развести курево, спасаясь отъ гнуса.

14-го августа. Поднялись по ущелью на пологій перевалъ Уланъ-даба. Слѣва шла торная дорога въ хановское хурье, наша же дорога пересѣкала неширокую долину и поднималась ложкомъ на гривку. Спустившись съ гривы въ небольшой ложекъ, мы свернули влѣво на высокую равнину около версты шириной, а съ нея спустились небольшимъ сухимъ каменистымъ логомъ въ равнину озера Юрюкъ-Нуръ. Къ сѣверу отъ озера виднѣлись неприступные высокіе бѣлки. Проѣхавъ долину и переваливъ каменистую гривку, мы остановились полудневать на ключикѣ около озера, противъ устья р. Бургусты. Намъ этотъ ключикъ указали стоявшіе тутъ юртами дёрбёты (въ озерѣ вода соленая).

Во время полудневки поднялся сильный вѣтеръ, а такъ какъ до слѣдующей воды было далеко,—на перевалѣ хотя и есть маленькій ключикъ, но онъ иногда высыхаетъ,—то мы рѣшили здѣсь переночевать.

Едва мы поставили наши палатки, какъ изъ сосѣднихъ юртъ пришли къ намъ въ гости дёрбётскія женщины и дѣвушки и принесли намъ молока.

Юрты эти здѣсь стояли временно и принадлежали такимъ же почлежникомъ, какъ и мы. Дербеты въ это время кочевали съ лѣтовки, съ горъ Баерыма, въ долину Улангома, на р. Бюгъ, на свои осеннія кочевья.

15 августа мы выѣхали пораньше. Хотя дорога шла немного и въ гору, но этотъ путь, въ сравненіи съ крутымъ и неудобнымъ для телѣгъ переваломъ Баерымъ-даба, намъ показался блаженствомъ,—мы ѣхали все время рысцей. На горѣ въ ключикѣ оказалась вода, и мы тутъ остановились пополдневать. Во время остановки какъ разъ пошелъ небольшой снѣгъ, но онъ скоро остановился. Къ вечеру уже мы пріѣхали на р. Бёконь-Мёринъ, къ Алтынъ-Хатысыну.

Этотъ путь проложенъ русскими ямщиками и очень удобенъ для телѣгъ и таратаекъ, и притомъ нисколько не дальше.

Около Алтынъ-Хатысына («Золотой гвоздь», какъ называютъ торчащую среди долины одинокую каменную глыбу краснаго цвѣта) мы переночевали.

16 августа намъ пришлось ѣхать по совершенно голой, покрытой круглой галькой степи, на протяженіи не менѣе 15 верстъ, вплоть до р. Бёконь-Мёринъ. Проѣхавъ черезъ эту рѣку, мы распо-

ложились на полдневку подъ тѣнью талянъ. Кто варилъ чай, кто собиралъ дрова, а любители отправились поудить хайрюзовъ, словомъ хотѣли поблагодушествовать на полдневкѣ. Но все наше настроеніе испортилъ вернувшійся монголъ, посланный нами въ сосѣднія юрты за молокомъ для дѣтей. Ему монголы разсказали, что вчера вечеромъ пришло много незнакомыхъ людей, которые окружили аршановскихъ и сегодня ихъ грабятъ, а скотъ разгоняютъ.

Это богатая китайская компанія Аршанъ, одно изъ отдѣленій которой находилось на р. Бёконь-Мёринъ около красныхъ горокъ Башенты, отъ мѣста нашей полдневки эти факторія находилась недалѣе трехъ верстъ. Послѣ этой вѣсти намъ было не до рыбалки.

Наскоро напившись чаю, мы запрягли коней и поторопились убраться отсюда подальше. Дорога хотя и шла по равнинѣ, но скоро ѣхать было нельзя,—мѣшали камни, кочки или топкія мѣста. Перебравшись черезъ рѣчку Ногонъ-Нуръ, мы выѣхали на каменистую степь, которая тянулась верстъ на десять до устья р. Хапцила. Рѣчка эта течетъ въ ущельѣ, сжатомъ съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими горами.

Когда мы подъѣзжали къ устью ущелья, то намъ стали видны поднимающіеся клубы дыма—это горѣла зажженная грабителями Аршановская заимка. Нашему монголу въ Ногонъ-Нурѣ старикъ разсказывалъ, что аршановскихъ китайцевъ было 23 человѣка, всѣхъ ихъ убили, а товары и имущество развезли и скотъ разогнали еще утромъ.

По Хапцылу ѣхать на телѣгахъ было довольно неудобно. Первоначально мы думали, было, ночевать въ устьѣ ущелья, но теперь рѣшили уѣхать по возможности подальше и ѣхали до поздней ночи, пока не добрались до оз. Цаганъ-Нуръ, гдѣ и ночевали около дёрбётскихъ складовъ. Корма для лошадей здѣсь почти не было.

17 августа. Поднялись по пологому логу р. Харъ-Магная къ двумъ озерамъ Холбо-нуръ, оттуда недалеко былъ и Тошантинскій перевалъ, очень пологій, и русская граница. Спустившись къ р. Тошангу, мы на ключикѣ остановились на полдневку попить чаю и выкормить коней.

Здѣсь къ намъ подъѣхало нѣсколько дербетовъ, направлявшихся въ Кошъ-Агачъ за кой-какими покупками. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ, что ему пришлось прикочевать къ Тошанту за 7 станцій изъ-за слуховъ о солдатахъ, двигавшихся изъ Шара-Сюмэ.

Съ полдневки мы поѣхали внизъ по р. Тошанту и вскорѣ встрѣтили ѣхавшихъ обратно въ Кобдо изъ Кошъ-Агача русскихъ торговцевъ на нѣсколькихъ телѣгахъ съ женщинами и дѣтьми. Получивъ извѣстіе о взятіи Кобдо монголами, они возвратились къ своимъ обычнымъ торговымъ дѣламъ.

Сдѣлавъ еще нѣсколько верстъ, мы увидѣли знакомый домъ тошантинскаго таможеннаго поста, къ которому вскорѣ и подъѣхали. Стражникъ намъ заявилъ, что все будетъ осматривать самымъ тщательнымъ образомъ. Такъ какъ солнце уже клонилось къ закату, то намъ пришлось остановиться на ночлегъ около поста. Мы просили стражника осмотрѣть сегодня же, чтобы на завтра не было задержки. Нашу просьбу онъ уважилъ. Перерывъ все и убѣдившись, что у насъ нѣтъ никакой контрабанды, онъ разрѣшилъ намъ все обратно связывать и складывать.

18 августа. Утромъ, получивъ отданные для отмѣтки стражнику паспорта, мы покатили по прекрасной дорогѣ въ Кошъ-Агачъ. Около сопочокъ, не доѣзжая верстъ 15 до Кошъ-Агача, мы остановились на дневку, гдѣ къ намъ пріѣхалъ мѣстный богатый киргизъ.

Онъ разспрашивалъ про монгольскія новости и, между прочимъ, и самъ сообщилъ, что у нихъ есть слухъ, будто, подданные Сюкурбая киргизы, въ количествѣ 1050 кибитокъ, во главѣ съ Кланомъ, возстали противъ Сюкурбая, сторонника Китая, и откочевали въ вершину р. Союка и Ойгоръ, съ намѣреніемъ присоединиться къ независимой Монголіи. Въ его головѣ звучала патріотическая нотка номада. Незамѣтно нашъ разговоръ коснулся ихъ прошлаго, и киргизъ мнѣ разсказалъ, что они тоже изъ-за внутренней распри прикочевали сюда съ Чингистая тридцать три года тому назадъ, въ количествѣ трехсотъ человѣкъ, вотъ на эти самыя мѣста.

«Сперва,—разсказывалъ киргизъ,—мы платили аренду за кочевья теленгитамъ, потомъ за послѣдніе годы русскимъ, а вотъ сейчасъ намъ нарѣзаютъ землю (недалеко бѣлѣли палатки землемѣровъ), и теперь уже мы, навѣрное, подать будемъ платить русскимъ». Къ нарѣзкѣ земли, видимо, онъ относился безразлично, а больше интересовался событіями въ Монголіи. Напившись чаю, мы поторопились отправиться, чтобы пораньше раздѣлаться съ таможней.

Противъ ожиданія, у насъ ничего не стали на таможнѣ растрясать. Стражники кой-гдѣ посмотрѣли, заглянули въ наши наглухо закрытыя повозки и, увидѣвъ, что, кромѣ женщинъ и ребятишекъ, тамъ ничего нѣтъ, отпустили насъ съ миромъ.

Благодаря ли сильному вѣтру, или просто какой-то случайности, мы такъ легко раздѣлались съ таможней. А то, бывало, только доберешься до таможни, какъ среди непролазной кошъ-агачской пыли стражники растрясутъ весь твой багажъ, переваляютъ его въ этой пыли. да и самъ весь перепачкаешься, развертывая багажъ.

Итакъ, благополучно миновавъ послѣднюю заставу, мы пріѣхали въ Кошъ-Агачъ.

А. Бурдуковъ.

Сборы Аполлинаріи Бурдуковой на хр. Ханноно, близъ р. Хангельцинъ, р. Сонгинъ и съ г. Цаганъ-Хайрханъ, 20 VII. 1914 г.

Районъ, въ которомъ собраны растенія, не былъ пройденъ русскими путешественниками. Ближайшіе маршруты на сѣверъ отъ этого района совершены П. Н. Крыловымъ въ 1892 г. и Б. К. Шишкинымъ въ 1909 г. Изъ нихъ наиболѣе приблизился къ району П. Н. Крыловъ, доходившій до оз. Убса. Съ юга мимо района прошелъ Г. Н. Потанинъ въ 1879 г. отъ западнаго берега оз. Киргизъ-норъ до сѣвернаго берега оз. Дурга-норъ.

Хребетъ Ханъ-коко тянется съ запада на востокъ, начинается низкимъ мысомъ въ меридіанѣ западнаго берега оз. Убса и постепенно повышается на востокѣ, гдѣ смыкается съ горами, соединяющими Танну-олу съ Хангаемъ.

Къ сѣверу отъ хребта простирается впадина оз. Убса, къ югу —впадина оз. Киргизъ-норъ. По гребню хребта проходитъ скотопрогонный трактъ, по которому прогоняютъ рогатый скотъ и овецъ изъ Алтая въ Иркутскъ.

Хребетъ Ханъ-коко (на русскихъ картахъ Ханъ-хухэй), по словамъ А. В. Бурдукова, лишенъ вѣчныхъ снѣговъ; только въ одной изъ сѣверныхъ долинъ хребта есть ледъ, который, не растаивая, лежитъ все лѣто до осени. Верстахъ въ 20-ти къ востоку отъ ставки А. В. Бурдукова, гребень хребта Ханъ-коко поднимается и образуетъ вершину подъ названіемъ Ханъ-коко-оро. Это высшая точка въ хребтѣ (оро—вершина), ее видно съ дороги, проходящей по равнинѣ параллельно р. Тесу.

Съ сѣверной покатости этой горы текутъ три Туруна; въ Барунъ-Турунъ, т. е. въ западный Турунъ впадаетъ рѣчка Гурбанъ-Саликъ („три Салика“); въ долинахъ этихъ саликовъ остатки ледника, ледъ не растаиваетъ и среди лѣта.

Факторія, въ ближайшихъ окрестностяхъ которой собрана наибольшая часть растеній, находится въ зонѣ лиственничныхъ лѣсовъ.

Палевый макъ (Papaver alpinum) и нѣкоторыя другія растенія указываютъ, что хребетъ Ханъ-коко поднимается до зоны альпійскихъ растеній.

Растенія опредѣлены ботаниками Т. К. Трипольтовой и В. С. Генишой-Поповой подъ руководствомъ проф. В. В. Сапожникова.

Мѣстныя монгольскія названія, сообщенныя г. Бурдуковой, набраны курсивомъ.

Г. Потанинъ.

Stipa consanguinea Trin.
Poa attenuata Trin., цв.
Festuca ovina L., цв.
Phragmites communis Trin. (въ огородѣ); цв.
Cobresia Bellardii Degland.
Carex sempervirens Vill.
Typha stenophylla Fisch. et Mey., ключъ Ценкиръ-булукъ, около оз. Арикъ-нуръ.
Allium amphibolum Ledb.? *Джимагулъ.*
Lilium Martagon L., луковица наз. *тёмусъ*. Соеты употребляютъ ее въ пищу въ видѣ приправы къ мясному навару.
Allium?, безъ цвѣтовъ. *Сонгинъ*. Южн. склонъ горы.
Rumex Acetosa L., въ огородѣ.
Polygonum alpinum? All.
Agriophyllum arenarium M. B. На пескахъ по р. Дзапхынъ. *Сулькуръ*. (Сартулы произносятъ Цулькуръ). Употребляется зерно, какъ хлѣбъ.
Trollius asiaticus L., цв.
Aconitum Napellus L. *Хоронъ дзимбу*. (Хоронъ по монг.— ядъ).
Aconitum barbatum Patr., цв.
Allyssum alpestre L., цв.
Papaver alpinum L. d. nudicaule Ledb., цв.
Linum usitatissimum L. Одни экземпляры были посѣяны въ огородѣ, другіе собраны въ полѣ. *Хар-дилъ*.
Dianthus Seguieri Vill., цв.
Alsine verna Bartl.
Potentilla fruticosa L., цв.
Potentilla gelida C. A. Mey., цв.
Potentilla sericea L.
Potentilla bifurca L., цв.
Dryas octopetala L., цв.
Geranium pratense L., въ огородѣ, цв.
Astragalus semibilocularis Fisch., цв.
Astragalus frigidus L.
Oxytropis lasiopoda Bge? пл.*) Оз. Киргизъ-нуръ.
Sedum Rhodiola D. C., сѣв. скл. г. Сонгина-орой.
Ribes nigrum L. *Укринъ-дӱду*. Близъ факторіи г. Бурдукова на р. Хангельцикъ, въ мѣстности Тӱръ-гунъ-сонгина-бель-чиръ.
Nitraria Schoberi L. Оз. Цаганобо.
Cynanchum acutum L. На р. Дзапхынъ.
Pyrola rotundifolia L., цв.
Aster altaicus Willd, цв., р. Толи-булукъ.
Saussurea alpina D. C. v. vulgaris. цв. *Бандзы-доу*.
Taraxacum officinale Wig., цв.
Leontopodium alpinum Cass. *Цаганъ-улынъ-убисынъ*. Изъ растенія монголы дѣлаютъ трутъ для своихъ огнивъ.
Gentiana decumbens L., цв.
Gentiana macrophylla L., цв.
Eritrichium obovatum D. C., цв.
Myosotis silvatica Hoffm., цв.
Phlomis tuberosa L.
Cynomorium coccineum L.
Plantago leptostachys Ledb., цв.
Salix Myrsinites L.?
Salix?

*) Тотъ же видъ собранъ мною раньше въ Зап. Монголіи въ полномъ цвѣту, но остался безъ точнаго опредѣленія.

В. Сапожниковъ.

Монгольскій Алтай между Булугуномъ и Барлыкомъ.

Эта статья написана по разсказамъ В. Д. Оболенскаго, который прожилъ въ Монголіи 15 лѣтъ, служа торговой фирмѣ бійскаго купца Н. И. Асанова. Резиденція г. Оболенскаго находилась въ котловинѣ оз. Цицикъ-нора, на р. Борджинъ-голѣ, гдѣ онъ и провелъ большую часть этого времени. Но онъ также по торговымъ дѣламъ бывалъ и въ долинѣ Булугуна и проѣзжалъ по ней на югъ до мѣстности Булугунъ-хошу; кромѣ того онъ, по случаю болѣзни, ѣздилъ брать ванны къ горячимъ водамъ при подошвѣ бѣлка Отханъ-хапрхана. Свои торговыя дѣла г. Оболенскій велъ въ аймакѣ Дзахачинъ и въ 3-хъ халхасскихъ хошунахъ: Мани-гуна, Сэрюнъ-гуна и Джальцынъ-бэйси. Къ этимъ хошунамъ и относятся свѣдѣнія, которыя онъ сообщилъ для этой статьи.

Районъ этотъ былъ уже посѣщенъ русскими путешественниками; по западной его окраинѣ, въ меридіанномъ направленіи пролегли два маршрута: 1) В. В. Сапожникова въ 1906 году отъ Кобдо до Уланъ-дабана на Булугунѣ*) и 2) Ладыгина вдоль долины Булугуна**). Въ 1877 году я прошелъ по сѣверо-восточной окраинѣ этого участка отъ Кобдо къ южному концу оз. Хара-усу, затѣмъ черезъ котловину Дзерге къ оз. Цицикъ-норъ, потомъ Хулму-норъ и черезъ Олонъ-дабанъ въ долину Барлыка***).

Въ 1878 г. Н. В. Пѣвцовъ на пути изъ Кобдо въ Гуй-хуа-ченъ повторилъ мою дорогу по долинѣ Дзерге и прослѣдилъ эту долину верстъ на 40 на востокъ дальше меня†).

Въ 1899 году г. Козловъ прошелъ въ томъ же направленіи, мѣстами отклоняясь отъ моего пути: отъ Кобдо къ южному концу оз. Хара-усу, по Бодхонъ-голу въ котловину оз. Цицикъ-норъ, на р. Бордзынъ-голъ, затѣмъ на оз. Хулму-норъ, на оз. Тункуль и, наконецъ, на оз. Цаганъ-норъ, находящееся во впадинѣ Шаргынъ-гоби†*).

---

*) *В. В. Сапожниковъ.* Монгольскій Алтай. Томскъ, 1911 г., стр. 111.

**) Изв. Р. Г. Об., т. XXXVI—1900 г., стр. 64.

***) *Потанинъ.* Очерки Сѣв. Зап. Монголіи, вып. I. Спб., 1881 г., стр. 97.

†) Записки Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. V.

Н. В. Пѣвцовъ. Очеркъ путеш. по Монголіи и Сѣв. провинц. внутр. Китая. Омскъ 1883.

†*) „Монголія и Камъ". Спб. 1905 г. стр. 41—72.

Съ юга этотъ районъ обошелъ Лодыгинъ отъ мѣстности Бакъ-Чецыргынъ*) на рѣкѣ Булугунѣ черезъ р.р. Укнчи и Бодончи до Барлыка, по которому поднялся до оз. Хулму-норъ**). Такимъ образомъ районъ со всѣхъ сторонъ обойденъ русскими путешественниками. Районъ этотъ перерѣзанъ съ востока на западъ хребтомъ, который служитъ сѣверной окраинной Алтайскаго плоскогорья и отдѣляетъ его отъ Дзапхынской котлевины. На гребнѣ хребта три бѣлка. У западной границы участка бѣлокъ Монко-цасту: восточнѣе его Батыръ-богдо или Батыръ-хаирханъ; у восточной границы участка бѣлокъ Часту-богдо***). Послѣдніе два бѣлка были извѣстны ранѣе. Я видѣлъ ихъ съ дороги, когда шелъ изъ Кобдо въ Баркуль въ 1877 году†). Западный же бѣлокъ Монко-часту былъ съ дороги не виденъ. Съ сѣвера онъ загороженъ предгорьями и съ ближайшей равнины его не видать; онъ открытъ только съ юга; его можно видѣть, напр., съ Булугуна при устьѣ р. Сенкёль. Монголы увѣряли г. Оболенскаго, что онъ виденъ съ мѣстности Гурбанъ-Хухутъ, которая лежитъ гдѣ-то далеко внизъ по Булугуну†*). Въ 1906 г. мимо этого бѣлка прошелъ В. В. Сапожниковъ. Выйдя изъ Кобдо прямо на югъ, путешественникъ на третій день дошелъ до берега р. Сенкэръ (у Сапожникова Сенкиръ); отсюда онъ поднялся на перевалъ Уланъ-дабанъ и по одному изъ притоковъ р. Булугуна спустился къ берегамъ этой послѣдней рѣки: затѣмъ онъ переправился черезъ Булугунъ и ушелъ на западъ къ вершинамъ Ку-иртыша. О Сенкэрѣ онъ говоритъ, что вершина его ушла отъ дороги на востокъ и что въ вершинѣ находятся два озера: Колба-нуръ и Бага-нуръ. Вотъ и все, что сказано въ книгѣ у В. В. Сапожникова объ этой мѣстности†**).

При личномъ моемъ свиданіи съ В. В. Сапожниковымъ, онъ къ сказанному въ книгѣ добавилъ еще слѣдующее. Въ вершинахъ Сенкира бѣлка нѣтъ. На горѣ видно только пятно вѣчнаго снѣга и, кромъ того, тутъ же виденъ небольшой остатокъ ледника. Изъ разсказа же одного монгола онъ узналъ, что большая снѣжная гора находится около оз. Цонкуль (по Оболенскому Сенкёль). Разсказ-

---

*) Бага-Цицргава, т. е. „малый облѣпишникъ".

**) Изв. Р. Г. Общ., т. XXXVI, вып. I-й, 1900 г., стр. 79—82.

***) *Пѣвцовъ.* (Очеркъ пут. по Монг., стр. 31) и самому восточному бѣлку даетъ названіе Мунку-цасагу-богдо.

†) Очерки Сѣв.-Зап. Монг., вып. I, стр. 97—130. Повидимому Часту-богдо былъ посѣщенъ Д. А. Клеменцомъ во время его разъѣздовъ по Монголіи; онъ говоритъ, что на этомъ бѣлкѣ кромѣ снѣга, есть и ледникъ. (Зап. Имп. Русск. Географ. Общества по отд. этн., т. XXXIV, стр. 456).

†*) См. Очерки Сѣв.-Зап. Монг., вып. III, стр. 108; перевалъ Горбу-кухёть рогёна до въ Гученъ.

†**) „Монгольскій Алтай". Г. Томскъ, 1911 г., стр. 111—114.

чикъ монголъ назвалъ эту гору В. В. Сапожникову Сэринъ-нуръ (Серинъ-нуру; нуру по монгольски хребетъ). Это имя нанесено на карту, приложенную къ труду Сапожникова, но въ самой книгѣ о горѣ ничего не сказано. Г. Оболенскій о вершинахъ Сенкира разсказываетъ слѣдующее: рѣка имѣетъ три вершины, которыя называются Хойту-Сенкеръ, Тонду-Сенкеръ и Урту-Сенкеръ (хойту по монгольски „задній", тонду — „средній", урту — „передній"). Хойту-Сенкеръ беретъ начало изъ мѣстности Коко-бельчиръ, которая лежитъ у сѣверной подошвы горнаго прохода Уланъ-дабанъ (это конечно тотъ Сенкиръ, по берегу котораго прошелъ В. В. Сапожниковъ. Вѣроятно Хойту-Сенкеръ беретъ начало дѣйствительно въ томъ недалекомъ разстояніи отъ Уланъ-дабана, какъ это назначено на картѣ В. В. Сапожникова). По устному сообщенію В. В. Сапожникова Коко-бельчиромъ называется сліяніе двухъ Сенкировъ (вѣроятно Хойту-Сенкира и Донду-Сенкира), которое въ самомъ дѣлѣ находится къ сѣверу отъ Уланъ-дабана. Тонду-Сенкеръ, по словамъ г. Оболенскаго, вытекаетъ подъ именемъ Алыкъ-тэхэ, что значитъ „пестрый козелъ", съ сѣвернаго склона западнаго крыла бѣлка, принимаетъ справа Урту-Сенкеръ и затѣмъ соединяется съ Хойту-Сенкеромъ. Урту-Сенкеръ вытекаетъ изъ двухъ озеръ — Цаганъ-норъ и Ногонъ-норъ, которыя лежатъ у сѣверной подошвы бѣлка; Урту-Сенкеръ принимаетъ слѣва рѣчку Уляты, вытекающую изъ мѣстности Долонъ-нуръ (по монгольски „семь озеръ") усѣянной мелкими озерами, и затѣмъ, въ 10-ти верст. отъ вершины, сливается съ р. Алыкъ-тэхэ; по сліяніи этихъ двухъ рѣчекъ общее теченіе получаетъ названіе Тонду-Сенкэръ. Между западными развѣтвленіями бѣлка бѣгутъ рѣчки, впадающія въ Булугунъ: Елту, Худжирту и Тюргунъ, который въ вершинахъ составляется изъ множества ключей; въ Тюргунъ слѣва впадаетъ Сенкёль. Г. Оболенскій однажды проѣхалъ съ Булугуна къ вершинамъ Урту-Сенкера; онъ поднялся по долинѣ р. Худжирту къ вершинѣ ея, перевалилъ черезъ западное крыло бѣлка и спустился въ мѣстность Долонъ-норъ; на этомъ перевалѣ снѣга не было. Самая главная высота снѣжной горы находится у озеръ Цаганъ-норъ и Ногонъ-норъ, отсюда снѣжный гребень тянется къ истоку рѣчки Сенкель на протяженіи 20 вер. По словамъ г. Оболенскаго, Монко-часту не уступаетъ высотѣ бѣлка Часту-богдо. Бѣлокъ въ вершинѣ Сенкира въ 1899 г. былъ посѣщенъ г. Лодыгинымъ, спутникомъ П. К. Козлова. Онъ называется Цаганъ-обогунъ*). Путе-

*) Не этотъ ли бѣлокъ Цаганъ-обогунъ подразумѣвается подъ именемъ горы Абахань въ дневникѣ Чанъ-чуня, китайскаго путешественника XIII в. (Труды пекинск. дух. миссіи, т. IV, Спб. 1866, стр. 294 и 337). Изъ пріуроченія дневника къ современнымъ картамъ

шественникъ поднимался къ бѣлку повидимому по долинѣ Тонду-Ценкира и Урту-ценкира, потомъ по лѣвому притоку послѣдняго Улястынъ-голу, а правый притокъ Улястынъ-гола р. Кёкъ-сары привелъ его въ долину Долонъ-нуръ, надъ юго-западной оконечностью которой поднимается снѣжная громада Цаганъ-обогунъ. Г. Лодыгинъ употребляетъ безразлично то бѣлокъ Цаганъ-обогунъ, то ледникъ Цаганъ-обогунъ. Къ в. отъ Цаганъ-обогуна г. Лодыгинъ видѣлъ другую группу снѣжныхъ вершинъ Табынъ-Хумусту (вѣроятно въ вершинѣ Урту-сенкира). Далѣе на востокъ хребетъ Алтанынъ-нуру понижается. Изъ долины Долонъ-нуръ г. Лодыгинъ перевалилъ въ долину Хучмурты*) и по ней спустился въ долину Булугуна. Сводя всѣ эти новыя данныя о вершинахъ Сенкера приходимъ къ заключенію, что тутъ находится три группы снѣжныхъ горъ: 1) Цаганъ-Обогунъ, возвышающійся надъ мѣстностью Долонъ-нуръ, 2) Таабынъ-Хумусту, вѣроятно въ вершинахъ Урту-Сенкера и 3) Сэринъ-нуру около оз. Цонкуль, или можетъ быть двѣ группы, если только Сэринъ-нуру есть названіе южнаго склона бѣлка Таабынъ-Хумусту. Г. Лодыгинъ не даетъ размѣровъ ледника Цаганъ-обогунъ и русскій приказчикъ, которому придется посѣтить эти мѣста, можетъ своими дополненіями къ разсказу Лодыгина оказать услугу наукѣ. Первое извѣстіе о существованіи этихъ снѣговъ было дано мною въ 1877 году по разспроснымъ свѣдѣніямъ, и нужно было ждать 23 года, чтобы получить свѣдѣнія объ немъ отъ русскаго очевидца. Этотъ срокъ значительно могъ бы сократиться, если бы русскіе приказчики, которые въ теченіе 23 лѣтъ неоднократно бывали въ этихъ мѣстахъ, были бы подготовлены къ собиранію хотя бы элементарныхъ географическихъ свѣдѣній.

По соединеніи Тонду-Сенкера съ Хойту-Сенкеромъ общее теченіе Сенкера направляется къ сѣверу, къ оз. Хара-усу. На картѣ,

---

надо отдать первенство сдѣланному г. Клеменцомъ (Зап. И. Р. Геогр. Об-ва, по этногр., Спб., Т. XXXIV, стр. 445), который направляетъ Чань-чуня для пересѣченія Алтая по гучэнской дорогѣ (по р. Уинчи), которая проходитъ къ в. отъ Паганъ-обогуна не далѣе 20 верстъ. Приближаясь къ Абоханю, за нѣсколько дней до него Чанъ-чунь встрѣтилъ уйгуровъ, орошавшихъ пашню; къ в. отъ Цаганъ-обогуна въ долинѣ Дзерге дѣйствительно существуетъ хлѣбопашество; ранѣе этого мѣста, т. е. восточнѣе, Чанъ-чунь пересѣкъ полосу песковъ; это, можетъ быть, пески, лежащіе между оз. Дурга и Дзапхыномъ. На сѣверной окраинѣ Гоби на продолженіи линіи р. Уинчи есть богатое угольями урочище Чаганъ-тунгэ; въ послѣднее смутное время изъ Гучена здѣсь былъ выставленъ китайскій отрядъ, который угрожалъ городу Кобдо. Это важный стратегическій пунктъ; дороги, ведущія чрезъ Алтай и идущія западнѣе и восточнѣе Чаганъ-тунгэ, гораздо менѣе удобны; онѣ или идутъ по маловодныхъ пустынямъ, или пересѣкаютъ гребни высокихъ вѣчноснѣговыхъ горъ. Вѣроятно, черезъ Чаганъ-тунгэ прошла и туркестантская армія Чингисъ-хана, и великое переселеніе народовъ изъ Средней Азіи въ Европу шло по этой же дорогѣ.

*) Вѣроятно опечатка. Хучмурты набрано вмѣсто Худжирты, по которой поднимался Оболенскій. На картѣ В. В. Сапожникова Хучмурты нѣтъ, а есть Худжирты, которая впадаетъ въ р. Булугунъ ниже р. Іолту.

приложенной къ „Монгольскому Алтаю“ В. В. Сапожникова, р. Сенкеръ ясно доведена до озера и впадаетъ въ его южный конецъ, но это не вѣрно. Въ 1877 г. я прошелъ по западному берегу озера до его южнаго конца и далѣе по направленію къ бѣлку Часту богдо, но никакой рѣки не пересѣкалъ.

Въ моемъ дневникѣ 1877 г. (Очерки с.-з. Монг. вып. 1, стр. 103) эти мѣста описаны такъ: Западный берегъ оз. Хара-усу сопровождается уваломъ съ сухой степной почвой; здѣсь перерыва для впаденія рѣки нѣтъ; къ южному же концу озера примыкаетъ плоское мѣсто съ глинистой солончаковой почвой, съ топями, озеринами и тальниками; эта низменность развѣтвляется на двѣ вѣтви: одна узкая, ущемленная горами, идетъ на юго-востокъ, другая широкая, окруженная горами, въ видѣ цирка, на югъ; по словамъ монголовъ въ глубинѣ цирка находится бѣлокъ Гурбанъ-часту-богдо*) (это Монко-часту г. Оболенскаго и Цаганъ-обогунъ г. Лодыгина); изъ этого бѣлка, по словамъ монголовъ, вытекаетъ рѣка Гурбанъ-сенкиръ, т. е. три Сенкира. Самый западный, Хойту-Сенкиръ, беретъ начало изъ мѣстности Кокобельчиръ (это очевидно тотъ Сенкиръ, на которомъ останавливался В. В. Сапожниковъ); восточнѣе течетъ Донду-сенкиръ, а еще восточнѣе Урту-сенкиръ. Соединенное теченіе трехъ Сенкировъ направляется на сѣверъ къ озеру Хара-усу; здѣсь къ нему справа присоединяется сухое русло р. Ботхонъ-гола; вода въ этой рѣкѣ изсякаетъ прежде, чѣмъ русло ея выйдетъ изъ ущелья въ долину Сенкира**).

Гряда горъ, которая сопровождаетъ правый берегъ Ботхонъ-гола далеко уходитъ на сѣверъ и кончается крутымъ мысомъ, который называется Тугурюкъ. Русло Ботхона, по словамъ г. Оболенскаго, подходитъ къ Сенкиру въ 6 верстахъ выше Тугурюка. Восточнѣе Тугурюка, при сѣверной подошвѣ бѣлка Батыръ-хаирхана лежитъ впадина Дзерге. Рѣка Сенкиръ, приблизившись къ мысу Тугурюкъ, сверхъ ожиданія, сказано въ моемъ дневникѣ, вмѣсто того, чтобы направиться къ южному концу оз. Хара-усу, достигнувъ мыса, поворачиваетъ на юг.-вост., пришибается къ южной подошвѣ горъ Ошю, которыя совершенно отгораживаютъ ее отъ озера Хара-усу и уходитъ во впадину Дзерге, гдѣ есть небольшое озеро***). Изъ этого описанія видно, что на картѣ, приложенной

*) Гурбанъ—по монгольски три. Это число поддерживаетъ предположеніе, что въ вершинахъ Сенкира дѣйствительно три бѣлка.

**) Въ Ботхонъ-голъ, по словамъ г. Оболенскаго слѣва впадаетъ р. Ангирты, которая беретъ начало изъ бѣлка, отдѣляющагося отъ Монко-часту; длина р. Ангирты 6 верстъ.

***) У Пѣвцова (loc. cit., стр. 28) долина Дзерге продолжается на востокъ за меридіанъ бѣлка Часту Богдо; въ нее включается и оз. Цаганъ-норъ, лежащее на сѣв.-востокъ отъ бѣлка и, по моимъ даннымъ, принимающее текущую съ бѣлка р. Дзавлганъ. Далѣе

къ „Монгольскому Алтаю“ В. В. Сапожникова, нижнее теченіе Сенкира изображено неправильно. Эта карта въ настоящее время есть самая вѣрная карта сѣв.-зап. Монголіи; всѣ русскія карты этой страны, вышедшія послѣ изданія карты Рафаилова, тщательно сравнены В. В. Сапожниковымъ, подвергнуты критикѣ, и ошибки ихъ выяснены; при этомъ В. В. Сапожниковымъ оцѣнена добросовѣстность работы Рафаилова, поэтому досадно, что на этой лучшей картѣ сѣв.-зап. Монголіи нижнее теченіе Сенкира нанесено со старыхъ, невѣрныхъ картъ; очевидно нашъ путешественникъ все свое вниманіе сосредоточилъ только на тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя проходилъ самъ, а остальныя части своей карты поручилъ чертежнику срисовать съ другихъ картъ. Чтобы избѣжать подобныхъ досадныхъ случаевъ слѣдовало бы, чтобы центральное картографическое учрежденіе въ имперіи издало руководящую карту, на которой были бы нанесены только маршруты современныхъ путешественниковъ, а весь остальной картографической матеріалъ, заимствованный изъ старыхъ источниковъ, былъ бы исключенъ.

По словамъ г. Оболенскаго, съ того-же бѣлка Монко-часту, съ его южнаго склона, текутъ рѣки: Уинчи и восточнѣе Бодончи. Черезъ рѣчку Бодончи проходитъ дорога изъ Кобдо въ г. Гученъ, о которой въ моемъ дневникѣ помѣщенъ разсказъ г. Кузнецова*). Онъ поднимался на хребетъ по долинѣ Ботхонъ-гола (по словамъ г. Оболенскаго эта рѣка беретъ начало съ южнаго склона бѣлка Батыръ-Хаирхана); оставивъ Ботхонъ-голъ, онъ взялъ вправо отъ него и, переваливъ черезъ хребетъ, шелъ далѣе подлѣ подошвы бѣлка, оставляя его въ правой рукѣ (это Монко-часту или, вѣрнѣе Таабынъ-Хумусту); потомъ онъ перевалилъ другой хребетъ, повидимому самый высокій на гученской дорогѣ, потому что на перевалѣ 28 іюня шелъ снѣгъ. Это Дабыстэнъ-дабанъ, названный такъ потому, что къ югу отъ него находится соленое озеро Дабысту-норъ. На слѣдующемъ переходѣ отъ Дабысту-нора онъ пересѣкъ р. Бодончи въ разстояніи 60—70 верстъ отъ послѣдняго ночлега на Ботхонъ-голѣ. Между оз. Дабысту-норомъ и р. Бодончи переваливаютъ еще одинъ горный хребетъ; перевалъ называется Уланъ-дабанъ, тѣмъ же именемъ, какъ и перевалъ изъ долины

Пѣвцовъ говоритъ, что изъ горы Батыръ-Хаирханъ течетъ р Сунынъ-голъ (очевидно опечатка: вмѣсто Сенкиръ?) которая впадаетъ въ оз. Цаганъ-норъ. Текстъ моего дневника не подтверждаетъ этого показанія, но е ли не теперь, то въ прежнее время, когда орошеніе края было богаче, соединенныя воды Ботхонъ-гола и Сенкира могли доходить до оз. Цаганъ-норъ. У Пѣвцова (l. c., 31) Дзаилгынъ не рѣка, а плоскій перевалъ, который отдѣляетъ впадину Дзерге отъ впадины Кыйсынъ-гоби.

*) Очерки сѣв.-зап. Монгол., вып. I, стр. 128.

Сенкира въ долину Булугуна. Между Дабыстэнъ-дабаномъ и р. Бодончи разстояніе 10 верстъ.

Участокъ, заключающійся между р. Булугуномъ и озеромъ Цицикъ-норъ, обойденъ съ юга Ладыгинымъ. О пространствѣ между маршрутомъ Ладыгина и сѣверной окраинной алтайскаго плоскогорья даетъ свѣдѣнія г. Оболенскій. Въ оз. Цицикъ-норъ съ ю.-з. направляется р. Борджинъ-голъ*); нижнее ея теченіе проходитъ къ з. отъ озера; потомъ, обогнувъ горы Ямату, рѣка поворачиваетъ къ озеру, но воды ея не достигаютъ озера 20 верстъ. Черезъ Борджинъ-голъ проходитъ одна изъ трехъ дорогъ, ведущихъ изъ г. Кобдо въ г. Гу-ченъ; самая западная проходитъ черезъ горный проходъ Уланъ-дабанъ, между Монко-часту и Булугуномъ; другая, средняя, по долинѣ Ботхотъ-гола и третья, восточная, по которой ѣздятъ ранней весной, когда горные проходы на Ботхонской дорогѣ еще завалены снѣгомъ, черезъ Борджинъ-голъ.

Г. Оболенскій имѣлъ случай проѣзжать отъ Цицикъ-нора до лѣтней резиденціи Дзахачинскаго куреня въ вершинахъ р. Бодончи. Сначала онъ ѣхалъ вверхъ по Борджинъ-голу, потомъ сразу принялъ направленіе на юг.-зап. на перевалъ Бёрикъ, съ котораго спустился въ мѣстность Балгата, гдѣ есть ключи, выходящіе съ сѣвернаго склона Алтайскаго хребта; они текутъ въ Борджинъ-голъ. За мѣстностью Балгата поднимаются на перевалъ Балгата, съ южнаго склона котораго течетъ р. Худжирта; слѣдуя внизъ по ней, выходятъ въ долину р. Бодончи и достигаютъ р. Бодончи верстахъ въ 3-хъ выше лѣтней резиденціи хурэня, которая лежитъ на правомъ берегу р. Бодончи. Длина всего пути считается 30 верстъ. На западѣ отъ Балгата течетъ р. Мухуръ-цаганъ-бургусы, впадающая въ Борджинъ-голъ. Еще западнѣе течетъ Урту-цаганъ-бургусы, тоже впадающая въ Борджинъ. Въ вершинахъ самого Борджинъ-гола находится перевалъ Ихи-дабанъ; по нему переваливаютъ въ долину р. Ангирты, притокъ р. Бодончи. Устье р. Ангирты находится отъ лѣтней резиденціи куреня въ 80 верстахъ; длина теченія Ангирты 45 верстъ. На юг.-зап. отъ оз. Хулму текутъ три рѣки (Гурбанъ-хулты): Хойту-хултэ, Донду-хултэ и Урту-хултэ, а далѣе р. Биджи.

По разсказамъ г. Оболенскаго съ бѣлка Часту-богдо стекаютъ слѣдующія рѣки: съ западнаго склона Улясты (въ ущельи которой есть тополевый лѣсъ); рѣчка направляется къ оз. Цицикъ-нору (указаніе на рѣчку есть въ моемъ дневникѣ стр. 111); съ

*) Черезъ р. Борджинъ-голъ прошелъ въ 1899 г. г. Козловъ (Монг. и Кам, т стр. 49).

сѣвернаго склона: Кошöты (это Дзаильганъ-голъ моего дневника). Мудзынъ, три рѣчки съ однимъ и тѣмъже именемъ Ольдзету и Бюянту; съ юг.-вост. склона рѣка Усундзуль. Въ вершинахъ рѣчекъ Кошöты, Мудзынъ, Ольдзету*) и Бюянту есть лиственичный лѣсъ. Рѣка Усундзуль направляется на юг. вост. и впадаетъ въ оз. Тункуль. Съ горъ, отдѣляющихъ Цицикъ-норъ отъ р. Усундзуль текутъ три рѣчки Хаджинды (Гурбанъ-Хаджинды); по одной изъ нихъ поднимаются изъ котловины Цицикъ-нора и попадаютъ въ вершину Усундзуля.

Восточнѣе озера, по словамъ г. Оболенскаго, лежитъ мѣстность Шаргынъ-гоби; на картѣ Рафаилова здѣсь назначена рѣка Шаргинъ-голъ, текущая навстрѣчу р. Усундзуль и не доходя до оз. Тункуль, образующая другое оз. Цаганъ-норъ. Шаргынъ-гоби есть такая-же впадина, расположенная при сѣверной подошвѣ Монгольскаго Алтая, какъ и впадина Дзерге; продольная ось ея (съ з.-с.-з. къ в.-ю. в.) есть восточное продолженіе продольной оси впадины Дзерге. Юго-восточный конецъ впадины Шаргынъ-гоби обставленъ высокими горами, среди которыхъ есть гора Хасыкту-хаир-ханъ съ пятнами вѣчнаго снѣга. Эти горы образуютъ дугу, рога которой направлены на сѣв.-западъ; внутри этой дуги вѣерообразно расположены истоки р. Шаргынъ-гола. Лѣтомъ 1877 года на пути изъ Хами въ Улясутай Рафаиловъ и я прошли по касательной этой дуги и Рафаилову удалось нанести на свою карту всѣ истоки Шаргынъ-гола. Другая гоби, а именно Куйсынъ-гоби, по словамъ г. Оболенскаго, лежитъ въ низовьяхъ Бюянту къ сѣв.-вост. отъ бѣлка Часту-богдо.

Къ югу отъ оз. Цицикъ-нора лежитъ оз. Хулму-норъ (Оч. сѣв.-зап. Монг., в. I, стр. 115), въ которое течетъ съ запада р. Бюянту.**)

Для проѣзда на горячія воды, лежащія при подошвѣ Отханъ хаирхана, г. Оболенскій воспользовалсз монгольскими почтовыми лошадьми; чтобы получить билетъ для проѣзда, онъ долженъ былъ выѣхать въ ставку Мани-гуна на оз. Хулму. Получивъ билетъ, онъ отправился отъ Хулму къ оз. Тункуль; между двумя озерами онъ встрѣтилъ только небольшіе перевалы. Къ сѣверу отъ Тункуля онъ пересѣкъ хребетъ Цаганъ-нуру и спустился къ мѣстности Ихисъ***). Это отдѣльная котловина, въ которой есть ключи Котло-

*) У Пѣвцова (l. c., 31) упоминается еще Хурынъ-голъ, котораго у Оболенскаго нѣтъ.

**) Повидимому, отъ Дабыстэна-дабана тянется на юго-зап. къ вершинамъ этой южной Бюянту горный кряжъ, который ограничиваетъ котловину озеръ Цицикъ-нора и Хулму съ запада; на этомъ кряжѣ лежитъ перевалъ Ихи-дабанъ; съ западнаго склона кряжа текутъ рѣки въ Бодончи, съ восточнаго въ Борджинъ-голъ.

***) На картѣ Рафаилова—Икысъ.

вина на югѣ соединяется съ Шаргынъ гоби. Изъ котловины Ихисъ подъемъ на горы Дарби*), на сѣверной сторонѣ которыхъ находится урочище Уланъ-Сайрь. Отъ Дарби спускъ къ мѣстности Даланъ-турю**), которая лежитъ въ центрѣ Куйсынъ-гоби***). Къ сѣверу отъ Даланъ-турю дорога шла черезъ мѣста: Курюна-худукъ и Нуръ-мого, небольшія горы Бечегинъ-нуру; отъ Кюйсынъ-гоби до Бечегинъ-нуру дорога все поднимается, а съ Бечегинъ-нуру спускъ къ р. Дзабхыну****). Земли Наръ-банджинъ-гегена, лежащія на рѣкѣ Дзабхынѣ, остались выше дороги г. Оболенскаго.

Остаются невыясненными отношенія впадинъ Ихисъ и Кюйсынъ-гоби къ общему рельефу страны, принадлежатъ ли онѣ къ Дзабхынской впадинѣ, или это отдѣльныя впадины на алтайскомъ плоскогорьѣ. Другими словами—неизвѣстно, какой кряжъ слѣдуетъ признать за сѣверную окраину алтайскаго плоскогорья, или Бичигинъ-олу, или Дарби-олу, или какой другой.

По мнѣнію г. Оболенскаго, котловина оз. Цицикъ-норъ выше котловины Дзерге; объ этомъ онъ заключаетъ изъ того, что травы въ котловинѣ Цицика осенью желтѣютъ ранѣе, чѣмъ въ котловинѣ Дзерге. Котловины Хулму и Тункуль онъ считаетъ выше Цицикъ-нора; оз. Тункуль-выше Ихиса.

Онъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о растеніяхъ и другихъ произведеніяхъ природы. Дзакъ (Haloxylon Ammodendron) достигаетъ высокаго роста только въ Шаргынъ-гоби; здѣсь онъ встрѣчается въ видѣ деревьевъ, болѣе сажени высотою и образуетъ рощи; въ частяхъ же болѣе сѣверныхъ этого участка онъ появляется только въ видѣ экземпляровъ не болѣе двухъ футовъ высоты. Г. Оболенскій слышалъ имя дерева „дзегде“, но нигдѣ его не видалъ. Въ долинѣ Борджинъ-гола растутъ кустарники: крыжовникъ и красная смородина; это единственныя ягоды въ котловинѣ оз. Цицикъ-нора. Если лѣто горячее—ягоды бываютъ крупныя, въ холодное же лѣто мелкія. Облѣпиха встрѣчается въ долинѣ Булугуна ниже устья р. Эндерты.

Въ вершинѣ р. Урту-Сенкеръ водится рыба хайрюзъ, г. Оболенскій самъ видѣлъ ее; этотъ хайрюзъ отличается отъ того, который водится въ русскомъ Алтаѣ темнымъ цвѣтомъ спины.

---

*) У Пѣвцова (Оч. путеш., стр. 32)—Дарибевъ-Нуру.

**) Даланъ-турю—монгольское названіе растенія Leontopodium alpinum; повидимому, это мѣсто высокое.

***) У Пѣвцова (Оч. пут., стр. 32—38) Кысынъ-тала; онъ прошелъ по ней съ запада на востокъ; восточная оконечность ея упирается въ массивъ Хасакту-ханрхана.

****) Всѣ эти станціи нанесены на карту Рафаилова.

Каменный уголь находится на сѣверномъ, окраинномъ хребтѣ на протяженіи отъ Батыръ-богдо и Хонгортологоя до котловины р. Буюнту; онъ никѣмъ не добывается.

Г. Оболенскій въ своей резиденціи имѣлъ огородъ; у него хорошо поспѣвали картофель, морковь и скороспѣлая китайская капуста, а также фасоль; горохъ обыкновенно не дозрѣваетъ; только одинъ разъ какъ-то удалось дождаться спѣлаго гороха. Около куреня на рѣкѣ Усундзуль торгующіе китайцы въ своихъ огородахъ разводятъ морковь, капусту и чеснокъ; арбузы и дыни сюда привозятъ изъ Баркуля. Въ котловинѣ Ихисъ монголы хошуна Джалцынъ-бэйси сѣятъ хлѣбъ. На существованіе хлѣбопашества въ котловинѣ Дзерге указано въ „Очеркахъ сѣв.-зап. Монголіи“ вып. 1 стр. 107. Кромѣ того въ литературѣ указаны хлѣбопахатныя мѣста внутри алтайскаго плоскогорья: 1) на р. Биджи (Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монг., вып. 1, стр. 120 и Казнаковъ, Изв. рус. Геогр. Общ. т. XXXVI, 1900 г., вып. 1, стр. 45). 2) Мѣстность Чаганъ-Тунгэ (Оч. сѣв.-зап. Монг., вып. 1, стр. 126). 3) На рѣкѣ Шаргынъ-голъ (Козловъ, „Монг. и Камъ“, Т. 1, стр. 63). 4) Лекъ (Потанинъ, „ Танг. Тиб. окраина Китая“, Т. I, стр. 490). 5) Въ низовьяхъ р. Уинчи (Лодыгинъ, Изв. рус. Геогр. Общ., Т. XXXVI, 1900 г., вып. 1, стр. 80). 6) Урочище Хоя, около горъ Бага-Таинъ (Изв. русск. Геогр. Общ., Т. XXXVI, 1900 г., вып. 1, стр. 50). 7) Урочище Даланъ-туру къ сѣверу отъ оз. Цайдамъ (Тамъ-же, стр. 53). 8) Ургуинъ-ширикъ въ долинѣ Дзерге (Зап. Зап.-Сиб. От. И. Р. Г. О., кн. V, Пѣвцовъ, стр. 30).

На описываемомъ въ этой статьѣ пространствѣ находится аймакъ Дзахачинъ и три халхаскихъ хошуна: Мани-гуна, Сэринъ-гуна и Джалцанъ-бэйси. У бѣлка Часту-богдо сходятся границы трехъ хошуновъ: Мани-гуна, Сэринъ-гуна и Джалцанъ-бэйси. Самый большой изъ нихъ—Джалцанъ-бэйси; въ немъ считается до 10.000 душъ, находится два куреня, одинъ на правомъ берегу рѣки Усунджуль (2000 ламъ), другой въ мѣстности Хармытъ. Курень Хошуна Мани-гуна находится на р. Бюянту, текущей въ оз. Хулму. Курень хошуна Сюкъ-Сёринъ-гуна — на р. Мудзынъ къ сѣверу отъ Часту-богдо. Курени аймака Дзахачинъ находятся: три къ сѣверу отъ Батыръ-хаирхана въ мѣстностяхъ Дзаргинъ, Тугурюкъ и Цаганъ-бургасу и два къ югу отъ Монко-Часту на р.р. Бодончи и Уинчи; отъ Уинчи куреня до Бодончи куреня 30 верстъ. Бодончи курень лѣтомъ уходитъ въ вершину р. Бодончи, а зимой стоитъ на той же рѣкѣ въ 100 верст. ниже. Уинчи курень на лѣто уходитъ съ р. Уинчи на р. Сенкёль, въ 70 верст. отъ зимней стоянки. Отецъ нынѣшнаго князя Джалцынъ-бэйси зиму проводилъ у куреня на р.

Усунъ-Дзуль, который лежитъ отъ Цасту-богдо въ 18 вер. Въ апрѣлѣ онъ уходилъ на оз. Тункуль, которое отъ куреня находится въ 10 верстахъ и стоялъ здѣсь до половины лѣта; затѣмъ уходилъ въ мѣстность Ихисъ и къ сентябрю возвращался въ курень; сынъ его пересталъ кочевать около куреня.

Халха называютъ свои хошуны по именамъ управляющихъ ими князей; это правило вошло въ употребленіе и у русскихъ приказчиковъ и въ канцеляріяхъ нашихъ консульствъ; путешественникъ П. К. Козловъ также называетъ хошуны по именамъ князей. Эти титулы не удобны, потому что со смертью князя наименованіе хошуна измѣняется. Житейская практика заставляетъ помнить теперешнее имя хошуна и кромѣ того имя, которое придавалось хошуну при умершемъ отцѣ князя. Такъ нужно помнить, что нынѣшній хошунъ Джалцанъ-бэйси назывался нѣсколько лѣтъ назадъ хошуномъ Ташарбынъ-бэйсы, что хошунъ Сюкъ-Сюрёнъ-гуна есть бывшій Аюръ-туше-гуна и хошунъ Мани-гуна — бывшій Юндынъ-Торджи-дзасыка. Было бы удобнѣе, если бы хошуны назывались по урочищамъ, гдѣ они кочуютъ; но это сдѣлать было нельзя, потому что хошуны только въ послѣднее время перестали перемѣщаться и князья сдѣлались до нѣкоторой степени осѣдлыми; прежде же хошуны были бродячими. Въ какой мѣрѣ они были не крѣпки въ своихъ границахъ, показываютъ данныя китайской книги И-тунъ-чжи, приведенныя въ книгѣ Мэнъ-гу-ю-мудзи, переведенной П. С. Поповымъ (СПБ., 1895 г.); хошуны, сидящіе теперь въ Алтаѣ кочевали по И-тунъ-чжи въ Хангаѣ, на 200—300 в. сѣвернѣе.

Чтобы избѣжать неудобства смѣнныхъ наименованій хошуновъ по князьямъ, монгольская администрація раздала хошунамъ имена по ихъ взаимному положенію. Для этого аймакъ Дзасыкту-хана раздѣленъ на два крыла, правое, расположенное на алтайскомъ плоскогорьѣ и прилегающее къ заалтайской гоби, и лѣвое, прилегающее къ Хангаю и Ханъ-Хухэю. Слѣдовательно аймакъ представлялся администратору въ видѣ фронта, обращеннаго лицомъ на востокъ. Каждое крыло опять дѣлилось на знамена по двумъ направленіямъ, во первыхъ вдоль фронта—на правое, среднее и лѣвое знамя, и по оси колонны—на переднія и заднія знамена. Хошунъ самого Дзасыкту-хана, ставка котораго находится къ югу отъ дуги р. Дзадхына, называется лѣвымъ знаменемъ праваго крыла.

Народъ обошелся безъ этой систематики, придуманной въ княжескихъ канцеляріяхъ. Народный языкъ не любитъ терминовъ, которые легко запоминаются только тогда, когда они освѣщены сознаніемъ системы;—онъ предпочитаетъ имена, запоминаемыя слѣпой памятью, имена въ родѣ ничего не говорящихъ именъ князей.

Печатая результаты своей поѣздки въ Монголію въ 1877 г., я упросилъ своего спутника П. А. Рафаилова нанести на карту сѣв.-западной Монголіи данныя о хошунахъ, собранныя экспедиціей, что онъ и сдѣлалъ; хошуны на картѣ названы по именамъ князей. За это на меня сильно обрушился извѣстный монголистъ А. М. Позднѣевъ. Онъ писалъ, что это все равно, какъ если-бы какой-нибудь иностранецъ, путешествуя по Россіи, называлъ бы русскіе уѣзды по именамъ исправниковъ. Сравненіе не совсѣмъ соотвѣтственное. Иностранецъ, путешествующій по Россіи, не найдетъ здѣсь населенія, которое бы называло уѣзды по именамъ исправниковъ. Въ русской жизни монгольская практика нашла бы скорѣе свою параллель въ томъ, какъ мы обходимся съ гостинным дворомъ, въ которомъ всѣ лавки перенумерованы. Мы не говоримъ, что товаръ купленъ въ лавкѣ № 6 или № 14, а говоримъ, онъ купленъ въ лавкѣ Второва, Смирнова и т. п. Я въ то время не рѣшился вступить въ споръ съ профессоромъ, отлагая его до окончанія новаго путешествія, въ теченіе котораго намѣревался собрать болѣе обширный и болѣе достовѣрный матеріалъ для возраженія, но новыми путешествіями я надолго былъ отвлеченъ отъ Халхи. Я не думаю, что путешественникъ дѣлаетъ большое преступленіе, если онъ приводитъ только тѣ титулы, которые употребительны въ народѣ, и не приводитъ ихъ канцелярскихъ синонимовъ. Узнать послѣдніе путешественнику не всегда возможно. Другое дѣло, если бы монголистами было сдѣлано пріуроченіе административныхъ названій хошуновъ къ русскимъ картамъ. Но этого не сдѣлано, кажется, до сихъ поръ*); эту задачу можно было исполнить въ кабинетѣ, не ѣздя въ Монголію,—взять китайскую книгу Мэнъ-гу-ю-му-цзи, — „Описаніе монгольскихъ кочевьевъ“ и пріурочить указанныя въ ней границы къ русской картѣ. Къ сожалѣнію, исполненіе этой задачи затрудняется тѣмъ, что въ китайской книгѣ, въ качествѣ пограничныхъ пунктовъ, приведены такія малозначительныя урочища, что ихъ на русской картѣ находишь съ трудомъ.

Я попытаюсь здѣсь пріурочить къ русской картѣ три хошуна, въ которыхъ г. Оболенскій дѣлалъ свои разъѣзды по торговымъ дѣламъ. На аймакъ Цзахачинъ не распространена административная терминологія; онъ подъ именемъ Цзахачинъ значится и въ „Описаніи монгольскихъ кочевій“. Цзахачинъ образуетъ тылъ Дзасыкту-хановскаго аймака; его территорія перепоясываетъ алтайское плоскогорье съ с. на ю. отъ впадины озера Хара-усу до Заалтайской гоби.

*) Книгу проф. Котвича о Халхасскихъ хошунахъ я не успѣлъ достать.

Граница хошуна Мани-гуна, по словамъ г. Оболенскаго, идетъ по слѣдующимъ урочищамъ. Начинаясь у бѣлка Цасту-богдо, граница тянется на ю. или ю.-в. по хребту Хаджинты-нуру, съ котораго въ котловину оз. Цицикъ-нора текутъ три рѣки Хаджинды, доходитъ до мѣстности Дзасыкъ-булыкъ, отсюда идетъ на ю. до р. Донду-Хултэ*) и по теченію ея достигаетъ до мѣстности Убчу**), далѣе направляется къ небольшой возвышенности Уланъ-Хаирханъ***); отсюда поворачиваетъ на сѣверъ вверхъ по р. Ангирты, текущей въ Бодончи, переваливаетъ Халюнъ-котель; затѣмъ, переваливъ черезъ Ихи-дабанъ, достигаетъ вершины р. Борджинъ-гола. Лѣвый берегъ этой послѣдней рѣки принадлежитъ Цзахачину, правый хошуну Мани-гуна. По Борджинъ-голу граница доходитъ до урочища Холдзынъ-хошу, выходитъ къ хребту Батыренъ-нуру, на гребнѣ котораго стоитъ бѣлокъ Батыръ-хаирханъ, доходитъ до перевала Детхенъ-дабанъ и наконецъ упирается въ Цасту-богдо.

Въ этихъ данныхъ г. Оболенскаго замѣчаются нѣкоторыя совпаденія съ данными китайской книги, приведенными при описаніи лѣваго знамени средняго праваго крыла (стр. 110), а именно: 1) у китайскаго автора сказано, что это знамя на сѣверовостокъ у мѣстности Татаху граничитъ съ правымъ знаменемъ лѣваго крыла; Татаху повидимому Детхенъ-дабанъ, который дѣйствительно находится въ с.-в. углу хошуна Мани-гуна и отдѣляетъ этотъ хошунъ отъ хошуна Сирёнъ-гуна, подъ которымъ, какъ увидимъ ниже, слѣдуетъ признать правое знамя лѣваго крыла; 2) Халчжанъ-хошу на сѣверѣ отдѣляетъ Мани-гуна отъ Цзахачиновъ, сказано у китайца; у Оболенскаго Халдзынъ-хошу помѣщается въ сѣверномъ концѣ хошуна и въ самомъ дѣлѣ придется на границѣ съ Цзахачиномъ. 3) На ю.-з. границѣ у китайца указано уроч. Гултэ; это вѣроятно Гурбанъ-Хултэ, „три Хултэ“ г. Оболенскаго, по которому Донду-Хылтэ, т. е. средняя, приходится на границѣ Мани-гуна. Изъ остальныхъ пограничныхъ пунктовъ — у китайскаго автора принято границы каждаго хошуна опредѣлять восемью пунктами или румбами — четыре г. Оболенскому не извѣстны, а р. Барлукъ, кажется, показана не вѣрно. Я прошелъ по ней въ 1877 г.; встрѣченное мною здѣсь населеніе заявило себя принадлежащимъ къ хошуну Тачжи-урянхай, а не къ хошуну Энкэ-дзасыка, какъ на картѣ моего спутника Рафаилова названъ хошунъ Мани-гуна.

*) См. выше стр. 29 Гурбан-Хултэ. Несомнѣнно, два притока этой же рѣки значатся у Казнакова подъ именами Хоет-холуттэ и Урду-холуттэ (Изв. Русск. Геогр. Общ., т. XXXVI, вып. I, стр. 44).

**) Оч. сѣв.-зап. Монг., вып. I, Спб. 1881 г., стр. 119 (Эбчу).

***) См. у Лодыгина: Изв. Русск. Геогр. Общ., т. XXXVI, вып. I, стр. 81.

Хошунъ Сирёнъ-гуна скрывается въ Мэнъ-гу-ю-му-цзи подъ названіемъ праваго знамени лѣваго крыла; такъ надо думать, благодаря указанію китайскаго автора, что это знамя лежитъ къ ю. отъ озера Дурга-норъ (стр. 105). Такъ какъ онъ никакого другого хошуна къ ю. отъ этого озера не называетъ, да и пространство между озеромъ и сѣверной границей хошуна Мани-гуна не велико, и хватитъ только для помѣщенія тутъ только одного хошуна, то придется допустить, что правое знамя лѣваго крыла и хошунъ Сюрюнъ-гуна одно и то же. Такимъ предположеніемъ устанавливается согласіе между китайскимъ авторомъ и г. Оболенскимъ въ томъ, что два знамени: правое знамя лѣваго крыла и лѣвое знамя средняго правого крыла, т. е. хошуны Мани-гуна и Сирёнъ-гуна смежны, а такъ же въ томъ, что хошунъ на западѣ примыкаетъ къ Цзахачинамъ. Изъ восьми пограничныхъ пунктовъ, приведенныхъ по принятому китайцемъ правилу, въ русскихъ источникахъ можемъ указать только два: горы Дарби, указанныя у китайца на югѣ хошуна (на картѣ Рафаилова онѣ назначены къ с. отъ оз. Икысъ) и Хойсу, это вѣроятно Куйсынъ-гоби (на картѣ Рафаилова на полградуса сѣвернѣе Икыса).

Хошунъ Джалцанъ-бэйсы, по словамъ г. Оболенскаго, называется Ихи-Уріанханъ (большой Уріанханъ)*); это имя указываетъ на иностранное происхожденіе. Подъ словомъ Уріанханъ или Урянхай монголы разумѣютъ чужія племена низшей культуры, или калмыцкія или турецкаго происхожденія. Слѣдовательно населеніе этого хошуна не природные халха; это чужое племя, включенное въ халхаскій аймакъ. Въ числѣ девятнадцати хошуновъ Дзасыктухановскаго аймака есть одинъ, на который не распространяется административная терминологія. Въ книгѣ Мэнъ-гу-ю-му-цзи онъ значится подъ именемъ хошуна Хойтовъ. Хойты одно изъ четырехъ племенъ, входившихъ въ составъ калмыцкаго союза Дурбэнъ-Ойратъ. Вотъ въ этомъ-то хошунѣ Хойтовъ и скрывается, надо думать, хошунъ Джалцанъ-бэйсы. Съ этимъ предположеніемъ совпадаетъ указаніе китайца, что хошунъ находится тамъ, гдѣ рѣка Цзирха, составившись изъ трехъ истоковъ, образуетъ озеро Цаганъ-норъ. Въ сѣв.-зап. Монголіи можно указать только два похожихъ имени: Дзерги и Шаргы, но первое находится въ аймакѣ Цзахачинъ, поэтому придется остановиться на Шаргынъ-голѣ, который находится въ Шаргымъ-гоби, къ в. отъ хошуна

*) Хошунъ Мани-гуна называется Бага-Уріанханъ (Малымъ Уріанханомъ). Хошуны Дзасыктухана и Сюрюнъ-гуна называются Олганутъ; есть еще третій Олганутъ (можетъ быть Батыръ-бэйсы, хошунъ, лежащій между Сюрюнъ-Гуномъ и Дзабхыномъ). Всѣ три вмѣстѣ называются Гурба-Олганутъ. Есть еще другія подобныя наименованія: Сартагулъ (Сартолъ), Табынъ-хото-хойту, Эльджигенъ.

Мани-гуна. Изъ восьми пограничныхъ урочищъ, приведеныхъ китайцемъ, не оказалось ни одного извѣстнаго г. Оболенскому. Такъ же мало утѣшительны показанія книги о смежности хошуна хойтовъ съ сосѣдними; одно знамя возможно пріурочить къ русской картѣ, именно лѣвое знамя праваго крыла; это знамя самого Дзасыкту-хана, ставка котораго у горы Тайширъ, но въ книгѣ сказано, что ханскій хошунъ прилегаетъ къ хошуну хойтовъ съ запада, тогда какъ хошунъ Джалцанъ-бэйсы лежитъ западнѣе ханскаго. П. К. Козловъ въ 1899 году прошелъ оба хошуна Мани-гуна и Джалцынъ-бэйси съ запада на востокъ, коснувшись береговъ озеръ Хулму, Тункуль и Цаганъ-норъ въ Шаргынъ-гоби. Хошуномъ Мани-гуна управлялъ тогда еще Юндунъ-дзацыкъ; хошунъ Джалцынъ-бэйси онъ называетъ хошуномъ Дабэйси; по словамъ Козлова этотъ послѣдній хошунъ простирается на востокѣ до урочища Дзакъ-обо, восточнѣе котораго начинаются владѣнія Дзасыктухана (П. К. Козловъ, „Монголія и Камъ“ Спб., 1905 г., стр. 54—68)*). Я, пересѣкая алтайское плоскогорье въ 1877 году и пройдя хошунъ Энке-дасыка (теперешній Мани-гуна) отъ оз. Хулму началъ встрѣчать монголовъ, которые называли себя принадлежащими къ хошуну Тачжи-урянхай (Оч. сѣв.-зап. Монголіи, вып. 1, стр. 117—112); это могли быть люди или хошуна Джалцынъ-бэйси (Ихи-урянханъ)**), или хошуна Мани-гуна. По этой части хошуна прошелъ съ запада на востокъ Лодыгинъ, спутникъ Козлова, отъ р. Бодончи до р. Барлыка, оставляя въ лѣвой рукѣ хребетъ Уланъ-Хаирханъ (Изв. Р. Геогр. Общ., т. XXXVI, вып. 1, СѢб., 1900 г., стр. 81).

Затрудненія, съ которыми пріурочиваются наши свѣдѣнія о хошунахъ въ китайской книгѣ Мэнъ-гу-ю-му-цзи, въ концѣ концовъ всетаки заставляютъ послѣднее слово предоставить русскимъ приказчикамъ, живущимъ въ сѣв.-западной Монголіи. Они могли бы сдѣлать это проще, собравъ свѣдѣнія о границахъ хошуновъ, съ которыми имъ приходится вести знакомства по своимъ торговымъ дѣламъ; они могли бы узнать въ хошунныхъ канцеляріяхъ, подъ какой административной кличкой какой хошунъ значится.

Г. Потанинъ.

---

*) Въ 1899 г. г. Козловъ пересѣкъ семь халхасскихъ хошуновъ, изъ нихъ шесть дзасыкту хановскихъ: Мани-гуна, Джалцанъ-бэйси, Дзасыкту-хана, Гунбу-гуна, Сюрюнъ-гуна и Юнъ-бэйси; послѣдніе три хошуна соприкасаются въ одной точкѣ у оз. Хутукъ-норъ. Хошунъ Юнъ-бэйси простирается на востокъ до мѣстности Унта, близъ оз. Ногонъ-норъ. Далѣе Козловъ пересѣкаетъ хошунъ Балданъ-дзасыка, принадлежащій къ аймаку Саинъ-наина („Монг. и Камъ“, т. I, стр. 79).

**) По показанію г. Оболенскаго, и жители хошуна Мани-гуна тоже называютъ себя Уріанханъ, такъ что монголы, которыхъ я встрѣтилъ на Хулму и Биджи могли быть Маниугуновцы.

Самоѣдскій эпосъ.

Кай Доннеръ.

(Выдержка изъ „Journal de la Société Finno-Ougrienne").

Переводъ съ англійскаго В. М. Крутовскаго).*

Кастренъ утверждаетъ, что „южные самоѣды, а тѣмъ болѣе сѣверные, любятъ пѣніе, сказки и легенды", „но надо имѣть ввиду, что въ большинствѣ случаевъ эти сказки не оригинальны, а являются позаимствованіями. По крайней мѣрѣ въ Томской губерніи я не нашелъ ни одной, которая была бы мѣстнаго происхожденія"**).

Впродолженіе перваго періода моего пребыванія среди остяковъ-самоѣдовъ на Оби и ея притокахъ—Тымѣ и Васьюганѣ, я пришелъ къ тому же заключенію; я записалъ большое число героическихъ поэмъ и сагъ, но онѣ всѣ оказались заимствованными у татаръ, какъ и самое слово герой—мадуръ (*madur*), которое въ нихъ встрѣчается. Впослѣдствіи я нашелъ среди нихъ большое количество сагъ, очевидно христіанскаго происхожденія. Случайно попадаются пѣсни, которыя можно было бы назвать мѣстными, но эти лишены всякаго значенія, такъ какъ составляются и поются, исключительно, подъ вліяніемъ опьяненія и содержатъ лишь выраженія вродѣ слѣдующихъ: „я благодарю тебя, мой благородный братъ, ты далъ мнѣ водки, ты напоилъ меня пьянымъ; я преклоняюсь передъ тобою до земли, я благодарю тебя, цѣлую тебя—я ничтожество" и т. д. Пѣсни шамановъ, дѣйствительно,

---

*) При передачѣ въ русской транскрипціи собственныхъ именъ героевъ поэмы приходилось пользоваться исключительно указаніями Г. Н. Потанина; въ виду же того, что фонетика самоѣдскаго языка недостаточно знакома Г. Н. и совершенно неизвѣстна переводчику, возможны значительныя неточности. Подобныя же неточности, къ сожалѣнію, оказались неустранимыми и при печатаніи приводимыхъ авторомъ подлинныхъ выраженій самоѣдскаго текста, такъ какъ типографія Спб. Т-ва Печ. Дѣла не имѣетъ спеціальнаго шрифта; насколько удачна та комбинація буквъ польскаго, греческаго и латинскаго алфавитовъ, которой, по возможности, слѣдовали мы,—пусть судитъ самъ читатель.

Переводчикъ.

**) Nordische Reisen und Forschungen, II, 184.

являются по большей части ихъ собственными произведеніями, но онѣ относятся скорѣе въ религіозному культу и не подлежатъ здѣсь нашему обсужденію.

Болѣе глубокое изученіе этихъ самоѣдовъ, однако, дало результаты, совершенно опровергающіе взгляды Кастрена на ихъ народную поэзію. Во время моего пребыванія на рѣкѣ Тымъ я имѣлъ возможность записать нѣсколько сагъ, которыя по особенностямъ ихъ содержанія значительно отклонялись отъ такъ называемыхъ героическихъ пѣсенъ, и у меня явилось предположеніе, что между ними существуетъ взаимная близость происхожденія, благодаря герою, который появляется во всѣхъ нихъ.

Главное дѣйствующее лицо всегда носитъ имя *Id'ę*, а его противникомъ часто является великанъ-людоѣдъ, по имени *Pūnęgęrę*.

Во время моего путешествія по рѣкѣ Кэти осенью 1912 года я нашелъ полное подтвержденіе моихъ догадокъ. Чѣмъ выше вверхъ по рѣкѣ мнѣ приходилось путешествовать и чѣмъ глубже я проникалъ въ тундру, тѣмъ многочисленнѣе оказывались эти саги и тѣмъ ближе становилась ихъ связь между собою.

Шестьсотъ верстъ вверхъ отъ устья этой рѣки, въ самоѣдскомъ поселкѣ Меташкина, я въ первый разъ услышалъ отъ сына прославленнаго шамана въ полномъ видѣ эту великую эпическую самоѣдскую поэму. Однако, онъ не могъ сообщить ее дословно, такъ какъ, хотя извѣстное число эпизодовъ онъ могъ воспроизвести слово въ слово, другія части поэмы онъ разсказывалъ лишь по памяти. Во всякомъ случаѣ у меня получилась схема поэмы и впослѣдствіи оказалось значительно болѣе легкимъ включить въ нее какъ отдѣльные эпизоды, съ которыми я познакомился ранѣе, такъ и тѣ, которые мнѣ привелось услышать позднѣе. Впослѣдствіи, когда я перешелъ границу этой области и путешествовалъ по Енисейской губерніи среди такъ называемыхъ Natsko-Pumpokol самоѣдовъ, я сдѣлалъ еще болѣе, цѣнную находку. Ибо здѣсь, въ обѣтованной странѣ шаманизма, эпическія пѣсни и саги все еще существуютъ въ изобиліи. Можно было бы область верхней Кэти назвать Кореліей самоѣдовъ (вѣдь извѣстно, что въ Кореліи былъ найденъ самый богатый матеріалъ для Калевалы, нашей національной финской поэмы). Быть можетъ, это сравненіе и не вполнѣ точно, но съ его помощью я, быть можетъ, смогу дать представленіе о томъ, насколько богата въ

данномъ отношеніи эта область для тѣхъ, кто занимается изученіемъ самоѣдскаго фольклора. Если принять во вниманіе, что Кастренъ путешествовалъ исключительно по Оби и такимъ образомъ приходилъ въ соприкосновеніе лишь съ самоѣдами, уже подпавшими до извѣстной степени подъ вліяніе русской культуры, причемъ онъ работалъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, преодолѣвая серьезное нездоровье, то легко себѣ представить, почему онъ пришелъ къ упомянутому выводу.

Что эта большая эпическая поэма несомнѣнно является одной изъ самыхъ первобытныхъ и характеристичныхъ у самоѣдовъ,— станетъ очевиднымъ изъ схематическаго изложенія, которое я приведу дальше. Что этотъ эпосъ древняго происхожденія,— подтверждается и тѣмъ фактомъ, что остяцко-самоѣдскія племена, посѣщенныя мною, начиная отъ обитающихъ неподалеку отъ Томска вплоть до Тазовой губы на Сѣв. Ледов. океанѣ, знаютъ дѣйствующихъ лицъ, которыя въ немъ являются, какъ по ихъ именамъ, а такъ и по наиболѣе характернымъ эпизодамъ. Нѣкоторыя части несомнѣнно позаимствованы, или болѣе поздняго происхожденія, но о какомъ эпосѣ нельзя было бы сказать того же? Во всякомъ случаѣ это не уменьшаетъ его интереса и значенія.

Такъ какъ въ мою цѣль входитъ только дать краткое содержаніе этого цикла легендъ, открытыхъ мною, то мнѣ кажется лучше всего, въ интересахъ ясности изложенія, кратко передать его содержаніе въ томъ видѣ, какъ я самъ съ нимъ познакомился въ самой полной и связной формѣ въ области верхней Кэти. А затѣмъ я сдѣлаю нѣсколько необходимыхъ замѣчаній.

Первая сага повѣствуетъ о героѣ Итьте (*It't'e*), живущемъ на рѣкѣ Кэти вмѣстѣ со своими родителями. Вскорѣ, однако, миръ въ тундрѣ былъ нарушенъ прибытіемъ съ сѣвера страшнаго, дотолѣ неизвѣстнаго, великана-людоѣда *Pünegusse*. Великанъ убиваетъ и съѣдаетъ родителей Итьте; самъ же Итьте спасенъ былъ отъ этой участи старушкой, которая вначалѣ укрываетъ его, а затѣмъ уводитъ далеко-далеко, въ долину отдаленнаго притока Кэти. Здѣсь проходитъ его дѣтство и юность въ охотѣ и рыбной ловлѣ и онъ мужаетъ и крѣпнетъ умомъ. Уже и въ этотъ періодъ жизни съ нимъ происходитъ цѣлый рядъ приключеній, которыя подготовляютъ его къ великимъ подвигамъ, выпадающимъ на его долю впослѣдствіи.

Такъ, однажды, во время путешествія въ лодкѣ, онъ встрѣчается съ семью сыновьями лѣсного духа (*massul-lōzi*), которые ловили рыбу изъ своихъ лодокъ. Въ своей юношеской самонадѣянности, онъ гребетъ мимо ихъ съ такой силой, что ихъ лодки заливаются водою, а они сами попадаютъ въ рѣку и съ трудомъ выплываютъ къ берегу, герой же возвращается домой очень довольный. За исключеніемъ небольшихъ экскурсій по сосѣдству, Итьте никогда не предпринималъ во время своей юности никакихъ путешествій въ болѣе отдаленныя страны.

Старая женщина постоянно предупреждаетъ его далеко не отлучаться, чтобы не подвергнуться опасности. Но чѣмъ болѣе она его предупреждаетъ, тѣмъ сильнѣе растетъ въ немъ страсть къ открытію невѣдомыхъ странъ. Однажды утромъ, когда старуха крѣпко спала, онъ, взявъ свою сѣть съ собою въ лодку, поплылъ къ озеру, на которомъ никогда не бывалъ ранѣе. Все здѣсь оказалось необычнымъ; вода увлекала его лодку такъ стремительно, что не надо было грести, и едва онъ успѣлъ забросить сѣть въ воду, какъ она оказалась наполненной большими карпами. Онъ возвращается домой въ восторгѣ со своей добычей, но старуха бранитъ его. Несмотря на это, онъ снова отправляется на озеро и встрѣчаетъ тамъ стараго слѣпого человѣка, сидящаго въ лодкѣ и удящаго рыбу. Старику удалось поймать крупную рыбу, которую Итьте перехватываетъ, какъ онъ думаетъ, тайкомъ отъ старика, но, вернувшись домой, ему вскорѣ приходится раскаяться въ своемъ поступкѣ. Итьте слышитъ, какъ кто-то вдали бьетъ въ бубенъ и призываетъ духовъ на помощь. Это былъ старый слѣпой человѣкъ, великій могущественный шаманъ, какъ ему объяснила старуха. Итьте слышитъ, что шаманъ приказываетъ духамъ привести къ нему своего обидчика для того, чтобы его проглотить*). Поэтому Итьте заползаетъ въ свою юрту вмѣстѣ со старухой и со своей вѣрной собакой и привязываетъ себя накрѣпко къ стѣнѣ, для того, чтобы духи не могли его утащить прочь. На всякій случай онъ кладетъ въ карманъ ножъ и точильный брусокъ. Едва только онъ успѣлъ окончить свои приготовленія, какъ являются духи. Не будучи въ состояніи оторвать его отъ стѣны, они уносятъ по воздуху всю юрту къ слѣпому старику. Шаманъ съ пренебреженіемъ проглатываетъ Итьте, стару-

*) На рѣкахъ Тымѣ и Чаѣ, гдѣ эта исторія также извѣстна, разсказываютъ, что этотъ старикъ и есть тотъ самый Пюнегуссе, съ которымъ Итьте такимъ образомъ встрѣчается въ первый разъ.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

ху и находившуюся съ ними въ юртѣ собаку, а затѣмъ, удовлетворенный, засыпаетъ. Вскорѣ однако онъ просыпается отъ странныхъ звуковъ, исходящихъ изъ его желудка, такъ какъ Итьте вынувъ изъ кармана брусокъ и ножъ, принялся точить послѣдній. Вскорѣ шаманъ чувствуетъ боль въ своемъ огромномъ животѣ: это Итьте прорѣзываетъ въ немъ отверстіе для выхода. Старый шаманъ начинаетъ догадываться о томъ, что происходитъ, но слишкомъ поздно. Итьте вылѣзаетъ, убиваетъ людоѣда и освобождаетъ старуху съ собакой. Вымывши самого себя и другихъ, онъ съ гордостью возвращается домой. Благодаря хитрости и искусству, онъ въ первый разъ спасаетъ себя и свой народъ отъ великой опасности *).

Послѣ этого и другихъ подобныхъ приключеній Итьте жаждетъ отправиться дальше на болѣе значительныя и болѣе опасныя испытанія, чтобы провѣрить свою силу. Поэтому онъ предпринимаетъ долгія путешествія, и наконецъ, приходитъ къ большому озеру (морю). Здѣсь живетъ огромная птица называемая *Püne*. Она была въ состояніи схватить и проглотить самые большіе предметы, она пожирала деревья и скалы, людей и животныхъ—всѣхъ и все. Но еще далѣе по срединѣ великаго озера жило еще болѣе могущественное и сильное чудовище *tāri āmdi kuəl'*, *pēkk'ri āmdi kuəl'* (рыба съ волосатымъ рогомъ, рыба съ пятнистымъ рогомъ), которая была такъ огромна, что могла поднять самое землю. Пюне однажды отправилась на охоту за этой рыбой, напала на нее, вцѣпившись когтями въ ея спину, но, конечно, не была въ состояніи подняться на воздухъ со своею добычею. Рыба нырнула подъ воду и птица не могла сразу освободиться; когда послѣ большихъ усилій ей это удалось, Пюне потеряла свои могущественные когти, оставшіеся въ спинѣ рыбы. Прошло три года, и вотъ Итьте повстрѣчался съ нею голодной и слабой на берегу моря. Птица попросила Итьте о помощи, она слышала о его силѣ и хитрости. Итьте согласился помочь ей, но потребовалъ, чтобы птица доставила его къ гигантской рыбѣ. Итьте сѣлъ на спину птицы и перелетѣлъ черезъ озеро (море). Однако, во время путешествія птица трижды роняла Итьте въ воду и поднимала его снова въ самую послѣднюю

*) Это единственный эпизодъ, которые былъ записанъ и опубликованъ. Н. П. Григоровскій въ своей книгѣ «Азбука сюссогой гулани» (Казань, 1879 г, стр. 30—33) напечаталъ его подъ названіемъ „Итя" посамоѣдски и порусски въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его слышалъ на Чаѣ.

минуту кончикомъ своихъ крыльевъ. Все это было сдѣлано для того, чтобы испытать его мужество. Наконецъ птица спустилась съ нимъ на берегъ большого озера (моря), гдѣ жила гигантская рыба. Итьте сидѣлъ, обдумывая, что бы ему предпринять. И вотъ онъ придумалъ слѣдующій планъ. Онъ сдѣлалъ музыкальный инструментъ съ семью струнами и заигралъ на немъ. Его игра была такъ прекрасна, что всѣ живыя созданія понимали ее и различныя животныя собирались кругомъ послушать его: всѣ лѣсные звѣри, рыбы живущія въ водѣ, всѣ птицы летающія въ воздухѣ, всѣ онѣ слушали музыку Итьте. Наконецъ и гигантская рыба также приплыла, очарованная его игрою, а Итьте, не прекращая игры, зашелъ ей на спину, рыба же поплыла въ открытое море. Во время этого путешествія рыба разсказала ему о своей болѣзни. Когти Пюне все еще крѣпко сидѣли въ ея спинѣ, которая начинала оттого гнить. Если, говорила она Итьте, онъ могъ бы спасти ее, вытащивъ когти, рыба дала бы ему, какъ вознагражденіе, въ жены дочь рыбы съ волосатымъ рогомъ. Итьте вынулъ свой ножъ и принялся вырѣзывать когти Пюне изъ спины рыбы. Гной вышелъ изъ ранъ въ такомъ количествѣ, что покрылъ всю поверхность моря. Итьте вытащилъ когти и сохранилъ ихъ. Рыба же, вѣрная своему обѣщанію, приглашаетъ его войти въ свое, рыбье, ухо, что онъ и дѣлаетъ. Тамъ внутри была какъ бы большая комната; въ ней онъ находитъ дѣвушку, которую беретъ съ собою и возвращается съ нею къ Пюне. Чтобы отплатить птицѣ за свое невольное троекратное купанье въ морѣ, онъ трижды прикрѣпляетъ когти птицы такъ слабо, что когда Пюне пытается схватить ими различные предметы, они не держатъ добычу. Только въ четвертый разъ онъ привязываетъ когти, какъ слѣдуетъ. Послѣ этихъ приключеній и испытаній Итьте возвращается домой со своей молодой женой.

Прежде чѣмъ герой этой саги предпринялъ свою великую борьбу противъ врага людей Пюнегуссе, у него было много приключеній различнаго рода, такъ какъ онъ постоянно отправлялся въ свѣтъ, чтобы видѣть и знать все больше и больше. Однажды, разсказываютъ, онъ попалъ въ лѣсъ, въ которомъ жилъ *massu-lozi* (лѣсной духъ). Итьте вошелъ въ его жилище и былъ немедленно узнанъ сыновьями лѣсного духа, который, однако, ничего не сказалъ объ этомъ. Напротивъ, онъ пригласилъ Итьте самымъ дружескимъ образомъ отужинать съ ними и уго-

щалъ его самымъ радушнымъ образомъ ѣдой и питьемъ. Въ это время семь его сыновей собрались всѣ вмѣстѣ и, когда насытились, самый младшій изъ нихъ разсказалъ о томъ, какъ съ ними поступилъ однажды Итьте на рѣкѣ. Слѣдующій сынъ также разсказалъ эту исторію, а затѣмъ и остальные повторили ее каждый въ свою очередь. Но Итьте сидѣлъ спокойно въ домикѣ и дѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ. Внезапно всѣ они набросились на него и принялись его бить, спрашивая его все время, почему онъ такъ скверно поступилъ съ ними на рѣкѣ. Итьте былъ силенъ и крѣпокъ, но противъ семерыхъ сыновей лѣсного духа ничего не могъ подѣлать. Они связали его и продолжали бить. Итьте умолялъ отпустить его, но тѣ держали его крѣпко. Наконецъ одинъ изъ братьевъ разсказалъ, что *mā̆urla* (герои, всины) отобрали у нихъ ихъ сестеръ и они не знаютъ, какъ бы вернуть ихъ обратно. Если Итьте отправится съ ними и ему удастся привезти назадъ ихъ сестеръ, они согласны даровать ему жизнь. Итьте, обсудивъ и обдумавъ, въ концѣ концовъ согласился, такъ какъ смерть угрожала ему въ обоихъ случаяхъ.

Прежде чѣмъ онъ отправился, сыновья лѣсного духа надавали ему наилучшіе совѣты. Тогда отправившись въ дорогу, онъ путешествовалъ далеко-далеко и, наконецъ пришелъ къ одному изъ богатырей (*mаɒur*). Этотъ обѣщалъ ему вернуть дѣвушку, которой онъ завладѣлъ, если Итьте сумѣетъ получить прежде остальныхъ дочерей лѣсного духа. Итьте продолжалъ свой путь черезъ необъятныя тундры и переплылъ черезъ огромный океанъ, прежде чѣмъ онъ достигъ жилища второго *mаɒur'*а. Этотъ богатырь поставилъ ему тѣ же условія, что и первый, и Итьте вновь отправился въ дальнѣйшій путь, съ значительно облегченнымъ сердцемъ. Послѣ различныхъ приключеній Итьте приходитъ къ третьему и послѣднему изъ богатырей и, съ помощью присущей ему хитрости, ему удается похитить третью дочь лѣснаго духа. Похитивъ и двухъ остальныхъ, онъ возвращается къ лѣсному духу, который охотно отдаетъ ему въ жены всѣхъ трехъ.

Безъ сомнѣнія, самою странною частью этой саги является ея конецъ. Въ немъ разсказывается, что послѣ того какъ Итьте женился на трехъ дочеряхъ могущественнаго лѣсного духа, одна изъ нихъ родила ему сына *pārgäi-kuorgai lōzi*, или *pārgäi kuorg'* (медвѣдь-духъ, медвѣжій духъ) и отъ этого сына ведутъ свое начало самоѣды рѣки Кэти. Вотъ

по какой причинѣ они называются *kuorgai-tamdər* (медвѣжье племя), но въ сагѣ, записанной мною, нѣтъ никакихъ комментарій, какимъ образомъ самоѣды производятъ свое происхожденіе отъ этого медвѣдя, отцомъ котораго былъ Итьте, а матерью дочь духа.

Послѣ всѣхъ пройденныхъ испытаній Итьте былъ уже подготовленъ къ борьбѣ противъ злѣйшаго врага его народа, могущественнаго людоѣда сѣвера Пюнегуссе, который былъ такъ великъ, что самыя высокія деревья едва достигали его колѣнъ. Людоѣдъ былъ жестокъ и безпощадно охотился за людьми, которыхъ пожиралъ безъ разбора. Итьте повстрѣчался съ нимъ во время своихъ скитаній, завязалъ съ нимъ знакомство и поселился съ нимъ вмѣстѣ въ лѣсу. Для того, чтобы отвлечь великана отъ человѣческаго мяса, Итьте добывалъ и предлагалъ ему птицъ, рыбъ, мясо сѣвернаго оленя и другихъ животныхъ, но Пюнегуссе продолжалъ оставаться людоѣдомъ. Наконецъ, народъ этой страны сталъ просить Итьте присоединиться къ нимъ, чтобы убить чудовище. Итьте согласился, такъ какъ ему было уже тяжело жить съ Пюнегуссе. И вотъ однажды вечеромъ случилось, что людоѣдъ былъ боленъ, а Итьте попросилъ его спуститься внизъ къ рѣкѣ, чтобы добыть свѣжей воды. Великанъ не могъ этого сдѣлать и просилъ Итьте снести его на рукахъ внизъ. Итьте согласился, но посовѣтовалъ Пюнегуссе снять кольчугу и все вооруженіе, такъ какъ въ немъ онъ былъ слишкомъ тяжелъ. Когда Пюнегуссе оставилъ всѣ эти вещи дома, Итьте снесъ его внизъ, къ рѣкѣ, но едва онъ это сдѣлалъ, какъ тотчасъ же, напавъ на него, схватилъ его. Въ тоже самое время онъ изъ всѣхъ силъ сзывалъ народъ, который поджидалъ ихъ. Тѣ второпяхъ присоединились къ нему и всѣмъ вмѣстѣ имъ удалось убить людоѣда и разрубить его тѣло на части. Но, какъ и многіе другіе могущественные шаманы, Пюнегуссе возсталъ изъ мертвыхъ. Онъ пріобрѣлъ новую жизнь и еще новую силу, сдѣлавшись несравненно болѣе могущественнымъ, чѣмъ былъ ранѣе.

Существуетъ слѣдующая интересная легенда объ ихъ послѣдней борьбѣ. Итьте отправился въ лѣсъ, чтобы овладѣть двумя самыми прекрасными дочерьми лѣсного духа. Итьте удалось это сдѣлать. Онъ схватилъ ихъ и предпринялъ обратное путешествіе домой. Къ несчастію онъ забылъ взять съ собою своихъ *lōsila* ъвохду) ,(которые служили ему и предохраняли его отъ всякаго

зла. По дорогѣ онъ повстрѣчалъ Пюнегуссе, который также хотѣлъ овладѣть этими дѣвушками. Великанъ нападаетъ на Итьте ломаетъ у него руку и, крѣпко связавъ, покидаетъ его на берегу его судьбѣ. Самъ же ушелъ, смѣясь, съ дѣвушками, которыхъ засунулъ себѣ въ карманы. Когда Итьте лежалъ раненый и безпомощный на берегу въ ожиданіи смерти, ангелы, хранители его, явились къ нему съ вопросомъ, почему онъ оставилъ ихъ безъ вниманія дома. Итьте объяснилъ, что все это случилось не вслѣдствіе его злого умысла, а просто по забывчивости и обѣщалъ имъ всегда брать ихъ съ собою и въ надлежащихъ случаяхъ просить ихъ о помощи; послѣ того духи освободили Итьте и сдѣлали его годнымъ снова къ битвѣ. Тогда они взяли на себя покончить съ людоѣдомъ. Послѣ цѣлой серіи сраженій, во время которыхъ хитрость Итьте играла выдающуюся роль, имъ удалось счастливо завершить свое намѣреніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда только грубая сила могла повліять на исходъ борьбы, въ открытомъ бою, Пюнегуссе никогда не могъ быть сраженнымъ, но они хитростью заманили его въ ловушку и предали смерти. Чтобы предупредить для него всякую возможность вновь ожить, какъ это уже раньше случилось, необходимо было совершенно уничтожить его тѣло. Поэтому Итьте срубилъ нѣсколько большихъ деревьевъ, сдѣлалъ изъ нихъ костеръ, развелъ огонь и бросилъ на него тѣло великана, который вскорѣ сгорѣлъ и превратился въ пепелъ, но въ тлѣющихъ углях челюсти Пюнегуссе все же двигались, скрипя другъ о друга, и былъ слышенъ голосъ, вскричавшій: „вы убили и сожгли меня, но я все же буду продолжать мучить людей: каждое лѣто вѣтеръ будетъ развѣвать мой пепелъ и пылинки будутъ летать кругомъ людей и сосать ихъ кровь“. Изъ пепла великана каждое лѣто въ Сибири поднимаются тучи комаровъ, которые поистинѣ являются язвою для людей и животныхъ, кровь которыхъ они сосутъ. Въ такомъ видѣ представляютъ себѣ самоѣды великаго людоѣда, который впродолженіе всей своей жизни пожиралъ ихъ цѣликомъ, а послѣ своей смерти продолжаетъ дѣлать ихъ жизнь нестерпимой во время лучшей части года, когда они могли бы наслаждаться теплomъ и солнечнымъ свѣтомъ *).

*) Кромѣ комаровъ, и другія созданія были порождены изъ пепла великана. Самоѣды на рѣкѣ Тымъ маленькую черную птичку называютъ „кусочекъ тѣла Пюнегуссе“. Они думаютъ, что эта птичка родилась изъ кусочковъ сожженнаго тѣла великаго людоѣда.

Послѣ смерти людоѣда, „Итьте, обладающій мудростью семи боговъ, Итьте обладатель семи (всѣхъ) странъ“ сталъ править своимъ народомъ. Повсюду царилъ миръ, не было ссоръ, лѣса были полны дичи, а рѣки рыбы; и все же миръ въ концѣ концовъ былъ нарушенъ.

Демонъ съ семью зубами явился къ Итьте и потребовалъ отъ него человѣческаго мяса и другихъ вещей. Въ продолженіе трехъ лѣтъ Итьте давалъ ему вмѣсто человѣческаго мяса камни, наконецъ демонъ обратился къ другому пришельцу *K'ristos*,—который уже къ тому времени появился съ дѣтьми своими, русскими, и *K'ristos*, отецъ всѣхъ русскихъ, далъ демону пищу и питье и людей, которыхъ тотъ требовалъ. Когда Итьте увидѣлъ, что *K'ristos* и демонъ пріобрѣтали все болѣе и болѣе вліянія, онъ рѣшилъ удалиться изъ земли своего народа. Онъ ушелъ далеко за моря, чтобы отдохнуть и спать, но отправляясь, онъ сказалъ пріятелю демона *K'ristos*: „сегодня вашъ день, завтра будетъ мой“, и когда наступитъ время, Итьте проснется отъ своего сна и вернется, соберетъ вмѣстѣ всѣхъ своихъ разсѣянныхъ по землѣ дѣтей и прогонитъ чужеземцевъ изъ Сибири. Въ настоящее время, когда *K'ristos* и демонъ царствуютъ надъ землей, всѣ несчастны, бѣдны, ранѣе же всѣ были богаты и счастливы. Теперь почти нечего ѣсть, а прежде все было въ изобиліи; но Итьте только спитъ, онъ не умеръ и онъ вернется, — и до сихъ поръ самоѣды ожидаютъ появленія „божественнаго принца Итьте, спящаго принца, отдыхающаго принца Итьте“.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этой эпической поэмы въ томъ наиболѣе полномъ видѣ, въ какомъ его передаютъ самоѣды рѣки Кэти. Прежде чѣмъ кратко разсмотрѣть ее, т. е. оцѣнить ея давность и происхожденіе, я, ради полноты изложенія, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно ея появленія среди племенъ, которыя ближе всего стоятъ къ Кэтскимъ самоѣдамъ и по языку, а нѣкоторые и географически. Какъ уже ранѣе было упомянуто, всѣ остяки-самоѣды, которыхъ я посѣтилъ, знакомы съ дѣйствующами лицами этой поэмы, повсюду они знаютъ нѣкоторые изъ эпизодовъ; но вслѣдствіе недостаточной полноты моихъ изслѣдованій я не могу въ настоящее время съ положительностью утверждать, до какой именно степени они знаютъ ее въ цѣломъ. По вышеизложенному конспекту читатель можетъ использовать матерьялъ, который я до сихъ поръ собралъ.

Населеніе рѣки Чаи, которое географически и лингвистически очень тѣсно связано съ Кэтскими самоѣдами, обладаетъ, какъ и населеніе близъ лежащихъ областей по рѣкѣ Оби, довольно яснымъ представленіемъ этого цикла сагъ и наиболѣе существеннаго изъ его содержанія. Правда, эпизоды съ людоѣдомъ они частью забыли, но герой Идя, какъ здѣсь его зовутъ, а также и его труды на пользу самоѣдскаго народа выдѣляются въ ихъ представленіи тѣмъ яснѣе. Они разсказываютъ о томъ, какъ, Идя вступался и за другія племена. Вкратцѣ привожу этотъ разсказъ, — до такой степени онъ характеристиченъ для этихъ первобытныхъ племенъ.

Котда Итьте все еще жилъ въ тундрѣ со старой женщиной, къ нимъ является татарскій принцъ, князь, просить помощи. Въ татарскомъ городѣ былъ голодъ и ни-откуда не было помощи. Поэтому въ своей крайней нуждѣ они обратились къ Итьте, чтобы онъ попытался умилостивить боговъ. Итьте обѣщаетъ имъ сдѣлать, что онъ сможетъ, и въ красивыхъ саняхъ татары его увозятъ въ свою страну. Прибывъ туда онъ вынимаетъ свою арфу и начинаетъ играть на ней, чтобы войти въ сношеніе со всемогущимъ Богомъ. Онъ играетъ и поетъ семь дней безпрерывно и все же ему не удается подняться на небо. Тогда онъ бросаетъ свою арфу, ложится на спину и проситъ старую женщину разрѣзать его животъ. Какъ только она это сдѣлала, его пустой желудокъ вылетаетъ къ Богу просить пищи для умирающихъ отъ голода татаръ. Богъ согласился на эту мольбу, и старуха притягиваетъ внизъ желудокъ, все время находившійся въ связи съ кишечникомъ, и укладываетъ все это обратно на свое мѣсто, зашиваетъ животъ и моетъ свои руки. Немедленно лѣса наполняются животными, а рѣки рыбой, и татарскій князь въ знакъ благодарости выдаетъ за Итьте свою дочь, послѣ чего онъ возвращается домой въ свою страну. Здѣсь нѣкоторое время супруги живутъ счастливо, „жена родитъ ему сына и дочь. Мальчика онъ тянетъ къ себѣ какъ бы крючками, дочь онъ прогоняетъ прочь палкой (выдаетъ ее за мужъ)“.

Ниже по Оби и во всей долинѣ рѣки Тыма эти саги обычно хорошо извѣстны. Все же мнѣ не удалось открыть ни одного эпизода, касающагося лѣсного духа и нашего героя. Не замѣтно и никакихъ элементовъ тотемизма. Довольно интересно, что лѣсной духъ здѣсь зовется *parγä*—должно быть, тѣмъ же самымъ

именемъ, которое въ формѣ *pargäi kuorg'* является именемъ сына Итьте и дочери лѣсного духа.

На Енисеѣ и его притокахъ Туруханѣ, Бэихѣ и на Тазу повсюду извѣстенъ великій Итьте и его борьба съ людоѣдомъ; они такъ же знаютъ и всѣ мельчайшія подробности, какъ напримѣръ, его свадьбу съ дочерью лѣсного духа, но они не считаютъ себя потомствомъ, происходящимъ отъ этого брака. Это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что медвѣдь не является ихъ тетемомъ, или прародителемъ ихъ племени. Поскольку я могъ себѣ выяснить, имъ не извѣстны сказанія и пѣсни о борьбѣ Итьте съ Христомъ, хотя они все-же разсматриваютъ его, какъ чрезвычайно могущественнаго духа-хранителя, какъ это явствуетъ изъ пѣсенъ шамановъ.

Изъ вышеприведеннаго краткаго очерка несомнѣнно чрезвычайно широкое распространеніе и извѣстность этого цикла сагъ среди остяковъ-самоѣдовъ. Конечно, это не является еще несомнѣннымъ доказательствомъ ихъ древности, общности и оригинальности происхожденія, но все же мы должны имѣть въ виду, что эти бѣдные культурой кочевники Сибири живутъ далеко другъ отъ друга, въ области во много разъ превышающей пространствомъ Финляндію, и хотя они насчитываютъ не болѣе 3-хъ тысячъ жителей, они говорятъ на 20-ти различныхъ діалектахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ сильно разнящихся, что обладатели ихъ не въ состояніи понимать другъ друга. Такимъ образомъ въ этихъ областяхъ сказанія не могутъ переходить отъ одного племени къ другому такъ быстро, какъ въ другихъ мѣстахъ. Я не имѣю въ виду категорически утверждать, что этотъ циклъ сагъ долженъ быть разсматриваемъ въ цѣломъ, какъ памятникъ тѣхъ временъ, когда всѣ племена жили вмѣстѣ и говорили на одномъ нарѣчіи. Но все же мнѣ кажется несомнѣннымъ, что многое въ этомъ эпосѣ и особенно нѣкоторыя изъ именъ героевъ весьма древняго происхожденія, иначе эти имена, по крайней мѣрѣ въ различныхъ мѣстахъ, приняли бы различныя формы, что является характернымъ относительно группы позаимствованныхъ словъ. Не разсматривая ихъ хотя бы до извѣстной степени оригинальными, трудно объяснить ихъ глубокое проникновеніе въ циклъ религіозныхъ идей остяковъ. Сравните общее среди нихъ представленіе о героѣ Итьте, его миссіи и значеніи. Припомните сказанія о лѣсномъ духѣ, его имена и

шаманскія пѣсни, въ которыхъ они постоянно повторяются. Такъ напримѣръ: на Верхней Кэти я повстрѣчался съ пѣснею, въ которой имѣется слѣдующая строфа: *tau paᴅārge pārgä, Itten id, tau māᴅur paᴅārge pārgäi kuarγ'* (это мѣдное парго сынъ Итьте, этотъ герой мѣднаго парго медвѣдь). Если такимъ образомъ приходится допустить, что нѣкоторыя изъ этихъ именъ сравнительно первичнаго происхожденія, хотя не удалось объяснить ихъ этимологически *), все же весь циклъ этихъ сагъ самъ по себѣ, быть можетъ, не является твореніемъ болѣе ранней эпохи. Нѣкоторыя саги, и между ними эпизодъ о борьбѣ съ людоѣдами, предоставляются все же чрезвычайно первобытнаго характера и возможно, что являются основою для всего цикла. Относительно существованія именно этой саги у самоѣдовъ Кастренъ, какъ и другіе, утверждаетъ: „я дѣйствительно нашелъ среди сѣверныхъ самоѣдовъ нѣсколько сказаній, въ которыхъ *Sjudube*—великаны—характеризуются, какъ страшные, жестокіе, свирѣпые людоѣды“ **). Значительное число другихъ эпизодовъ могутъ быть разсматриваемы, да несомнѣнно и являются дополненіями болѣе поздняго періода. Измѣнивъ имена, возможно было приспособить ихъ и вставить между ранѣе уже существовавшими отдѣльными частями этого цикла.

Разсказъ, извѣстный на рѣкѣ Чаѣ и описывающій помощь Итьте татарамъ, несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія. То же самое приходится сказать и относительно версіи со средней Кэти, въ которой говорится про нашего героя, что онъ убилъ людоѣда потому, что послѣдніи перешелъ въ христіанство. Жена же людоѣда и его дѣти убѣжали къ русскимъ и такимъ образомъ спаслись. Несомнѣннымъ придаткомъ къ этому разсказу является эпизодъ о посѣщеніи самымъ могучимъ изъ его дѣтей сынове героя по ту сторону моря. Здѣсь они пировали семь дней и когда ни тотъ ни другой изъ нихъ не могли напиться пьяными, для нихъ стало ясно, что они принадлежатъ къ той же самой могучей расѣ.

Послѣдній эпизодъ, излагающій борьбу съ христіанствомъ, слѣдуетъ разсматривать также, какъ позднѣйшее добавленіе. Начало естественно не находится съ нимъ въ связи, а почти во всемъ напоминаетъ описаніе отъѣзда и прощанія Väinä-Möinen'а въ Калевалѣ. Точно также какъ Väinä-Möinen при приближеніи

*) id'e, быть можетъ, означаетъ *паукъ*.
**) Nordische Reisen und Forschungen, II, 174.

новой эры чувствуетъ себя вынужденнымъ покинуть свою родину и народъ, такъ и Итьте прощается со своимъ племенемъ, послѣ того какъ оно вступило въ конфликтъ съ новыми условіями жизни, созданными пришествіемъ иноземцевъ. Конечно, нѣтъ необходимости разсматривать этотъ разсказъ, какъ позаимствованіе. Скорѣе всего онъ является откликомъ мрачнаго, подавленнаго настроенія, охватывающаго народъ, когда онъ видитъ, что все старое и привычное исчезаетъ въ новыхъ условіяхъ жизни подъ вліяніемъ новаго міра идей. Этотъ эпизодъ саги краснорѣчиво рисуетъ любовь народа къ извѣстнымъ установившимся традиціямъ, существующему порядку, и недовѣріе ко всему, что является новымъ и непривычнымъ. Въ то же самое время онъ является доказательствомъ существованія надежды на возвращеніе старыхъ временъ: ихъ герой и спаситель вновь будетъ съ ними и, подобно Чингисхану монгольской легенды, соберетъ вокругъ себя народъ, прогонитъ чужестранцевъ и возстановитъ старые устои и вѣру предковъ.

Исторія героя, чарующаго животныхъ, несомнѣнно не является оригинальной. Въ данномъ случаѣ, повидимому, мы встрѣчаемся съ мотивомъ Орфея, какъ это имѣетъ мѣсто въ финской Калевалѣ. Но все же чрезвычайно трудно выяснить, какимъ образомъ этотъ мотивъ нашелъ дорогу въ сагу самоѣдовъ. Не только въ данномъ случаѣ, но несомнѣнно и въ другихъ въ настоящее время абсолютно невозможно утверждать, что именно является позаимствованіемъ и что было продуктомъ творческаго воображенія самого народа. Наши познанія о фольклорѣ южныхъ татаръ Сибири чрезвычайно неполны. Все, что мы знаемъ это то, что самоѣды и алтайскіе инородцы имѣли между собою сношенія въ продолженіе столѣтій. Въ этомъ отношеніи тунгусы совершенно не изучены. Нечего и говоритъ объ остальныхъ самоѣдскихъ племенахъ (*tribes*). Все, что мнѣ извѣстно въ этой области и что можно было бы сравнить съ однимъ изъ эпизодовъ самоѣдскаго эпоса, это отрывокъ саги, который я записалъ весною 1912 года на рѣкѣ Вахъ у остяковъ. Вотъ содержаніе этой саги:

Большая птица, по имени *pùtkäl äniśäg*, однажды поймала огромную щуку и отдала ее сварить своей сестрѣ; сестра же вмѣсто этого приготовила блюдо изъ внутренностей собаки. Птица въ негодованіи улетѣла и, наконецъ, явилась къ людоѣду

sew'si'ki. Въ его хижинѣ, оказавшейся пустою, птица нашла большую кастрюлю, полную сала. Едва она досыта имъ наѣлась, какъ людоѣдъ вернулся домой и въ гнѣвѣ приготовился убить птицу. Послѣдняя, обѣщаніемъ отдать за людоѣда замужъ свою сестру, добивается свободы. Птица возвращается домой, забывъ весь гнѣвъ по отношенію къ сестрѣ, и придумываетъ, какимъ бы образомъ спасти ее. Они вмѣстѣ крѣпко запираютъ дверь и оставляютъ въ ней только маленькое отверстіе. Людоѣдъ является за сестрой птицы и влѣзаетъ въ отверстіе, но не можетъ ни пролѣзть въ него, ни освободиться. Тогда птица убиваетъ его большимъ ножомъ и поджигаетъ домъ. Трупъ людоѣда, сгорая, превращается въ пепелъ, но духъ его громкимъ голосомъ возвѣщаетъ, что его пепелъ будетъ возрождаться каждое лѣто и, подъ видомъ комаровъ, будетъ пожирать мясо людей и сосать ихъ кровь. Таково происхожденіе сибирскихъ комаровъ. Приведенный выше разсказъ чрезвычайно напоминаетъ самоѣдскую версію. Между ними несомнѣнно должна быть извѣстная связь, но въ настоящее время совершенно невозможно сказать—остяки-ли сдѣлали позаимствованія отъ самоѣдовъ, или наоборотъ. Быть можетъ, оба варіанта происходятъ отъ одного и того же источника. Но независимо отъ вопроса, поскольку тѣ или другіе элементы въ этомъ обширномъ циклѣ являются позднѣйшими добавленіями, или позаимствованіями, онъ имѣетъ значительную цѣнность, какъ законченный продуктъ поэзіи самоѣдовъ, столь бѣдной въ другихъ отношеніяхъ.

Всѣ народы, находящіеся на стадіи первобытной культуры, создавали легенды, въ которыхъ находили выраженіеихъ философія и настроеніе. Но формы бываютъ различны, и эта эпическая поэма носитъ характерную печать самоѣдскаго творчества: стоитъ только припомнить заключающійся въ ней тотемическій элементъ, дающій прекрасную иллюстрацію къ до сихъ поръ неизвѣстнымъ и не изученнымъ религіознымъ представленіямъ самоѣдовъ. Чрезвычайно отрадно сознавать, что племя кочевниковъ, живущее въ ужасныхъ условіяхъ, вымирающее, все же было способно создать такой сравнительно связный кругъ представленій, стремящійся къ идеализаціи и замѣтно отличающійся отъ обыкновенной саги. И для того, кто, какъ авторъ этихъ строкъ, жилъ съ этимъ народомъ, слышалъ ихъ пѣсни о подвигахъ ихъ героя, ихъ разсказы о тяжелыхъ временахъ принише-

нія ихъ расы, слышалъ ихъ полные затаенной надежды вопросы — „не слышно-ли чего-нибудь о возвращеніи Итьте?“ — для того повторяю, становится яснымъ, что эта эпическая поэма является точнымъ выраженіемъ ихъ думъ, настроеній, мечтаній и что для нихъ живая реальность весь этотъ созданный ихъ воображеніемъ міръ, который хотѣлось бы назвать самоѣдской національной эпопеей.

Сказки черневыхъ татаръ.

(Записаны В. Хворовымъ*).

I.

Жилъ на свѣтѣ татаринъ Екселёкъ. Бѣденъ онъ былъ, а ребятишекъ — 12 человѣкъ, такъ нагишомъ всѣ и бѣгали.

Всталъ онъ однажды утромъ и пошелъ изъ стана... Гладь, а около юрты кругомъ обвился большой-большой змѣй и пасть разѣваетъ. Испугался Екселёкъ, да дѣлать нечего, обулся онъ, одѣлся, снова выходитъ.

А змѣй-то съ нимъ почеловѣчески заговорилъ.—„А что," спрашиваетъ: „шибко силенъ ты, Екселёкъ?"

— Да ничего, годно. Ты шибко ли силенъ?

— Да и я ладно! Давай силой мѣряться!

— Ну такъ чего.... давай!

Обвился змѣй вокругъ камня и давай давить его — капли воды выступили изъ камня. Зашелъ Еселёкъ въ юрту, наложилъ чегеня за пазуху, вышелъ, взялъ камень, обнялъ его, да какъ придавитъ къ груди, вода такъ и полилась....

— О—о ! И вѣрно, что силенка-то есть у тебя. У меня капли еле-еле выступили, а у тебя такъ вода побѣжала. Помѣряемся еще давай, кто сильнѣе свиснетъ.

Ка-акъ свиснетъ змѣй — у Екселёка чуть-чуть ошкуръ не лопнулъ.

— Ну-ка свисни ты...

— Свиснутъ-то я свисну, только ты вотъ завязалъ бы глаза, а то какъ бы не выскочили, если путемъ-то свисну.

Снялъ онъ опояску, завязалъ змѣю глаза да какъ двинетъ его по глазамъ-то стягомъ.... Искры изъ глазъ посыпались у змѣя.

„Вотъ это свиснулъ," думаетъ тотъ про себя: „ какъ только голова не раскололась. Давай", говоритъ, заключимъ ясловіе, чтобы промышлять вмѣстѣ."

— Давай!

Стали они вмѣстѣ промышлять. Посылаетъ змѣй Екселёка къ сосѣднему татарину, у котораго на лугу ходило много воловъ,

*) Объ сказки и преданіе записаны со словъ Порфирія Параева, инородца изъ улуса Артыбашъ, на Телецкомъ озерѣ (20 лѣтъ, грамотный, умѣетъ читать и писать по-русски и по-алтайски).—В. Хворовъ.

на ужинъ одного изъ нихъ притащить. Пошелъ Екселёкъ — а ужъ гдѣ ему вола притащить — надралъ онъ лычекъ и давай воловъ хвостами связывать. Ждалъ — ждалъ его змѣй, не дождался, самъ пошелъ.

— Да ты, чего же это дѣлаешь, спрашиваетъ.

— А чего я по одному-то буду таскать, перевяжу всѣхъ да сразу и припру.

— Куда тебѣ столько-то, одного хватитъ....

Сгребъ вола, притащилъ къ стану. Сталъ налаживать обѣдъ варить.

— Сходи-ка на озеро за водой, говоритъ онъ Екселёку, а самъ подаетъ ему ведро, сдѣланное изъ цѣльной воловьей кожи. Пошелъ Екселёкъ на озеро.... Ну гдѣ же ему столько притащить? Подумалъ онъ, подумалъ, давай вокругъ озера канаву капать. Не могъ дождаться его змѣй, самъ бѣжитъ...

— Чего ты тутъ дѣлаешь?

— Буду я по ведру тебя таскать, окопаю озеро кругомъ да и принесу все сразу.

— И ведра хватитъ, куда тебѣ съ озеромъ-то? говоритъ змѣй. Взялъ онъ ведро, почерпнулъ воды и тащитъ на станъ.

— Приниси-ка дровъ, костеръ разжечъ, снова посылаетъ онъ Екселёка.

Пошелъ Екселекъ. А мало развѣ дровъ нужно на цѣлаго-то быка?.. подумалъ, подумалъ да и давай лычкомъ валежникъ перевязывать. Опять не могъ дождаться его змѣй, пошелъ къ нему и спрашиваетъ:

„Ты чего опять дѣлаешь?“

— Видишь лѣсъ перевязываю!...

— Да куда тебѣ съ нимъ?

— А чего я тебѣ по одной лѣсинѣ что-ли буду таскать, вотъ припру штукъ десять сразу—и хватитъ.

— Вотъ не знаетъ, куда силу-то дѣвать. говоритъ змѣй: ну куда ему 10 лѣсинъ, когда и одной-то за глаза.

Схватилъ онъ цѣлую лѣсину, притащилъ къ стану да какъ хватитъ о-земь—въ щепки раскалолъ. Развелъ огонь, сварилъ, быка, сѣли ѣсть.Отсюда возметъ Екселёкъ кусочекъ, оттуда кусочекъ—яу и сытъ, много ли ему надо.

— Чего мало ѣшь? спрашиваетъ змѣй

— Да такъ, не хочу больше....

Принялся змѣй ѣсть—живо всего быка съѣлъ, ничего не оставилъ..

„Теперь къ тебѣ въ гости поѣдемъ“, говоритъ змѣй Екселёку.

— Поѣдемъ!..

А у Екселёка конь хорошій былъ. Сѣли они на него и поѣхали. Ѣдутъ, а Екселёкъ и думаетъ, какъ бы змѣй ребятишекъ у него не поѣлъ.

— У меня дома 12 человѣкъ ребятишекъ, нагишомъ всѣ бѣгаютъ, голодные дожидаются меня. Смотри, какъ бы не съѣли тебя, ты ужъ поберегайся ихъ.

— Ладно, говоритъ змѣй.

Подъѣжаютъ они къ юртѣ. Выскочили ребятишки на встрѣчу, орутъ, увидавши змѣя: „Тятя змѣя везетъ,тятя змѣя везетъ“...

А сами-то съ перепуга еще больше ревутъ.

Собразилъ змѣй, что дѣло плохо. Самъ вонъ какой сильный да 12 ребятишекъ.... разорвутъ. Испугался. Соскочилъ съ коня да бѣжатъ, а Екселёкъ въ догонку еще кричитъ: „Ловите его, догоняйте!“

Ну ужъ гдѣ тамъ догонишь его!....

12. VI. 909.
Телецкое оз. Подножіе
г. Кара-Корум'а.

II.

Былъ охотникъ-алтаецъ. Звали его Екселёкъ. Отправился онъ въ тайгу на промыселъ. Много-много убилъ онъ на этомъ разъ, повезло ему. Были и соболи и маралъ. Возвращается онъ домой.... Вдругъ слышитъ гуденіе трубы и голосъ, который велитъ ему воротиться. Это былъ великанъ-людоѣдъ Ельбегенъ. Всегда, когда завидитъ онъ проѣзжающаго человѣка, гудитъ въ трубу и приказываетъ пріѣхать къ нему. Лучше всего повиноваться ему, тогда онъ не сердится и даетъ день или два пожить еще на бѣломъ свѣтѣ и уже потомъ съѣстъ. Не послушаешься, сейчасъ же догонитъ—а лошадь у него хорошая—и тутъ же конецъ ослушнику: съѣстъ. Хорошо зналъ это Екселёкъ и рѣшилъ послушаться Ельбегена. Поѣзжаетъ онъ къ людоѣду, а тотъ: „А, гостюшко, гостюшко!“ (Представляется все! Какой ужъ тутъ „гостюшко“). Проводитъ Екселёка въ юрту: „Угостить тебя надо!...“

Взялъ быка, ударилъ его, убилъ, бросилъ въ котелъ — а котелъ-то такой, что весь быкъ ушелъ туда да еще мѣсто осталось.

„Ступай за водой,“ приказываетъ онъ Екселёку, подавая ему ведро, сдѣланное изъ цѣлой бычачьей шкуры. Еле-еле, волокомъ дотащилъ Екселёкъ пустое ведро до ключика, опустилъ его въ воду и.... заплакалъ. Долго онъ плача сидѣлъ здѣсь. Ждалъ, ждалъ его Ельбегенъ съ водой, наконецъ самъ пошелъ. Видитъ — Екселёкъ сидитъ и плачетъ.

„Ты чего плачешь?“

„Да, какъ же мнѣ не плакать? Я въ гости къ тебѣ пріѣхалъ, а ты заставляешь меня воду таскать. Стыдно мнѣ и обидно!...

„Ахъ, дуракъ я, дуракъ!“ закричалъ Ельбегенъ: „ведь и вправду то... человѣкъ въ гости ко мнѣ пріѣхалъ, а я вонъ чего его заставилъ дѣлать... Пойдемъ!“

Сгребъ однимъ мизинчикомъ ведро и потащилъ домой. Пришли. Вылилъ великанъ воду въ котелъ, поставилъ на огонь, сварилъ быка и приглашаетъ Екселёка ѣсть. Ну много-ли надо обыкновенному человѣку, чтобы наѣсться? Отъ одного мѣста отрѣзалъ кусочекъ, отъ другого кусочекъ, и сытъ.

— Чего же ты не ѣшь? спрашиваетъ его Ельбегенъ.

Да видишь ли ты, дѣло-то какое.... на разныхъ войнахъ я бывалъ со многими богатырями дрался. Одинъ изъ нихъ и выстрѣлилъ въ меня, прямо вотъ сюда въ грудь. Пуля засѣла да такъ и осталась, съ тѣхъ поръ я и не могу ничего ѣсть...

— „А это можетъ быть, это — можетъ быть," представляется Ельбегенъ: „это все возможно."

Давай самъ уплетать—большія кости изо рта идутъ, маленькія изъ носу сыпятся.

„Ну теперь ложись спать, вотъ тутъ тебѣ и постелятъ."

„Видишь-ли,"" началъ Екселёкъ: „когда я бываю въ гостяхъ, то не ложусь спать въ юртѣ."

„А гдѣ же?"

„А на улицѣ у юрты." (Прим. разсказчика: съ передней стѣны — будто бы подъ окошкомъ.)

„Ну ладно, ложись спать тамъ,—тамъ постелятъ."

Улегся Екселёкъ, а самъ слушаетъ, что въ юртѣ говорятъ.

„Иди, убей его, а я огонь разводить начну," говоритъ жена Ельбегена.

„Ну вотъ, дай уснуть-то ему, пускай на послѣдокъ сны посмотритъ."

„Да ну, иди."

Душа дрожитъ у Екселёка. Собрался съ духомъ, сбѣгалъ на гору, притащилъ оттуда длинный камень, одѣлъ его въ свою одежду, положилъ на свое мѣсто, а самъ спрятался неподалеку, слушаетъ, что въ юртѣ говорятъ.

— Ну ладно, пойду, согласился наконецъ Ельбегенъ. Взялъ онъ свою саблю, подошелъ... Царапъ по шеѣ!,.. Сабля на двое переломилась. Перепугался Ельбегенъ, бѣжитъ къ женѣ. „Ну пропали мы," говоритъ онъ: „сабля на двое переломилась, а онъ и не пошевельнулся."

„Возьми свою большую трехпудовую саблю и иди снова!"

Пошелъ Ельбегенъ, ударилъ что было духу по Екселёку, хотѣлъ пополамъ разрубить. Хватъ!... а сабля-то опять пополамъ. Совсѣмъ испугался Ельбегенъ, бѣжитъ въ юрту, къ женѣ.

„Пикой попробуй" — учитъ она его. Взялъ онъ пику, подбѣжалъ, хотѣлъ бокъ проколоть. Разбѣжался, ударилъ, что было духу —отскочила пика. Бѣжитъ къ женѣ. „Пропали совсѣмъ," говоритъ: „онъ и на самомъ дѣлѣ богатырь! Больше ужъ ничего не надо дѣлать. Спитъ онъ, ничего поди не слыхалъ."

Передъ утромъ оттащилъ Екселёкъ камень на мѣсто, одѣлся и легъ самъ. Утромъ встаетъ, идетъ въ юрту.

— Ну, какъ спалъ гостюшко? егозитъ Ельбегенъ.

— Худо, совсѣмъ худо! Сны все худые видѣлъ. Снилось будто какой-то человѣкъ пришелъ и ударилъ меня саблей по шеѣ. Ну да шея-то у меня крѣпкая — отскочила небось сабля. Пошелъ онъ тогда за трех-пудовой саблей, ударилъ ею по мнѣ, да вотъ лопать

просѣкъ. А мнѣ-то хоть бы что, саблею только сломалъ. Въ третій разъ пришелъ — пикой хотѣлъ, да пика-то отскочила. А ужъ плохо же будетъ этому человѣку, коли я доберусь до него."

— Ну да мало-ли чего снится, успокаиваетъ его Ельбегенъ: Разные сны бываютъ, а такъ вѣдь это все...

Стали они пить-ѣсть. Началъ Ельбегенъ уговаривать Екселёка въ дружбу вступить съ нимъ. Екселёкъ согласился. Пріѣхалъ онъ домой, въ юрту къ себѣ. А юрта у него стояла отдѣльно, въ тайгѣ. Ельбегенъ же наказывалъ, что онъ черезъ 3 дня къ нему въ гости пріѣдетъ.

Пріѣхалъ онъ домой и разсказываетъ хозяйкѣ, что съ нимъ случилось. Пошелъ онъ въ тайгу, вырубилъ самую большую сосну и давай пику изъ нея тесать. Потомъ сдѣлалъ изъ дерева большущую саблю и ружье такое же и все это выкрасилъ въ темную краску подъ цвѣтъ желѣза. Когда Ельбегенъ пріѣхалъ къ нему въ гости, выставилъ все это онъ у юрты.

Сѣли они ѣсть, а Екселёкъ все поближе да поближе къ саблѣ пододвигается, будто бы на Ельбегена напасть хочетъ. Видитъ все это Ельбегенъ, труситъ. Екселёкъ пододвигался, пододвигался да какъ вскочитъ, да за саблю... А Ельбегенъ — бѣжать. Отбѣжалъ да и давай издали ругать Екселёка.

Такой сякой", говоритъ: „я къ тебѣ въ гости пріѣхалъ, а ты какъ со мной поступилъ?—убить меня хотѣлъ? Хоть ибогатырь ты, а явлюсь я къ тебѣ черезъ три дня драться.

Ну не сталъ, конечно, Екселекъ дожидаться, когда Ельбегенъ къ нему явится, а забралъ все свое хозяйство да и уѣхалъ поближе къ людямъ, въ свой родъ.

5. VI. 09.
Телецкое оз.,
устье р. Кокши.

III.

Лѣтъ 300 тому назадъ жили здѣсь инородцы сами по себѣ, не находясь ни подъ чьей властью. Но и русскіе и (і)ойроты брали съ нихъ подать. Только русскіе брали подать умѣренно, какъ слѣдуетъ быть. Каждые 5 человѣкъ давали имъ соболя, а если отдѣльно одинъ человѣкъ, то 20 хорошихъ, черныхъ, зимнихъ бѣлокъ. (І)ойроты же брали все, что попадется—и соболя, и бѣлку, и даже таганы желѣзные. Бѣлка и другой звѣрь шелъ какой попало, и хорошій и плохой. Брали хотя и плохое, но помногу, прямо какъ бы грабили. Вотъ однажды встрѣтились въ Яйлу *)—а въ Яйлу тогда юртъ 30 было—два чиновника, которые подать собирали—русскій и (і)ойротскій. Раньше никогда они не ссорились, бывало даже и такъ, что сразу вмѣстѣ ѣздили. Но на этотъ разъ вышелъ у нихъ споръ. (І)ойротскій начальникъ, видя, что у русскаго все хорошее, сталъ уговаривать его подѣлить пополамъ все, и хорошее и худое, А русскій и говоритъ ему: „А у тебя гдѣ глаза-то были? видѣлъ, что бралъ“... Слово-за слово, поссорились, поблѣднѣли оба.

Вышелъ русскій и велитъ своему слугѣ коней сѣдлать. А съ нимъ и слугъ-то всего двое было. Осѣдлали коней, поѣхали къ себѣ, въ свою сторону.

(І)ойротскій чиновникъ тоже велѣлъ коней сѣдлать. Сѣлъ на лошадь и погнался за русскими. На горѣ Ать-кыры, недалеко отъ Яйлу, гдѣ перевалъ въ Кылыкъ, притокъ Лебеди, началъ догонять онъ ихъ. Выстрѣлилъ изъ лука—первой стрѣлой убилъ слугу, ѣхавшаго сзади—свалился тотъ съ сѣдла. Выстрѣлилъ другой разъ въ чиновника, да не попалъ, попала стрѣла въ пихту и насквозь прошла ее. Потомъ тѣ перевалили дальше въ чернь, а этотъ уже не погнался больше.

Сътѣхъ поръ 3 года не пріѣзжали ни русскіе, ни (І)ойроты за податью.

А въ это время пріѣхали въ Артыбашъ 3 (і)ойрота силачи—отецъ съ 2 сыновьями, и житья народу отъ нихъ не было. Убилъ марала—половину мяса имъ отдай, убилъ козла—имъ отдай, ѣду сварилъ хорошую—половину имъ неси. А не понесъ, сталъ противиться—убьютъ. Думали—думали татары, рѣшили, что надо отъ нихъ избавиться. Вотъ набралось 3 смѣльчака, которые посильнѣе и отправились къ нимъ, зовутъ одного изъ сыновей съ собой на

*) Небольшой улусъ на сѣверномъ берегу Телецкаго озера.

охоту. „Въ Уймени *)", сказываютъ: „маралъ ходитъ, пойдемъ его бить".

А любили (І)ойроты на охоту ходить—сидитъ въ стану да ѣстъ, а тѣ маются. Пошелъ онъ.

А другіе немного погодя пришли да другого также въ Пыжу**) увели. Тамъ и того, и другого убили стрѣлами.

А старикъ дома сидитъ. Какъ съ нимъ быть? Былъ у татаръ одинъ силачъ, не хуже (і)ойрота, да смиренъ ужъ больно былъ. Кое-какъ уговорили его. Боялся онъ прямо-то подступиться. Взяли полкозленка, сварили его и понесли къ (і)ойроту. Доволенъ тотъ, сидитъ и ѣстъ. Въ это время силачъ-татаринъ и говоритъ ему: „У тєбя сынъ на Уймени нечаянно застрѣлился".

„Чего?" не разслышавъ какъ слѣдуетъ, спрашиваетъ (І)ойротъ,

Какъ листъ, задрожалъ силачъ—смиренъ былъ. „У тебя сынъ въ Уймени нечаянно застрѣлился", повторилъ онъ.

Какъ звѣрь вскочилъ (і)ойротъ и бросился на татарина, но этотъ изловчившись такъ брякнулъ его о полъ, что тотъ сразу же и умеръ.

Такъ вотъ и освободились татары отъ (і)ойротовъ.

Собрались тогда всѣ татары, думали, думали и надумали.... Собрали они за эти 3 года дань, какъ слѣдуетъ быть, и повезли сами въ Кузнецкъ. Тамъ и сдали. И тогда-то вотъ Екатерина за это и дала имъ зайсанство, свое управленіе и печать. Далось имъ обѣщаніе, что до 1000 лѣтъ ихъ не трогать, земли у нихъ не отнимать, въ солдаты—не брать и не обижать. Это было обѣщано татарамъ Кузнецкимъ, Комляшскимъ, Кергешскимъ и др. Все это было прописано въ толстой большой книгѣ изъ синей бумаги большими буквами. Книга эта лежала въ Кергемской волости, въ Кебезени. И вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьянскій начальникъ велѣлъ зайсану прислать эту книгу ему. Зайсану говорили не посылать, да какъ ослушаться-то?—нельзя. Въ Улалѣ становой говорилъ сотнику, что не годится книгу отдавать, нехорошо татарамъ будетъ отъ этого, ну а сотникъ чего сдѣлаетъ ему велѣли отвезти, онъ и привезъ.

Такъ вотъ и отдалъ эту книгу, а сами теперь ни при чемъ остались ***).

14. VI. 909.
Телецкое оз., близъ устья Колдора.

---

*) Притокъ Сара Кокши, пр. Біи.

**) Притокъ Біи.

***) Татаринъ изъ улуса Яйлу Попанакъ Тюбешевъ разсказывалъ это преданіе Порф. Параеву, причемъ называлъ имена и фамиліи Крестьянскаго Начальника и Станового При-а. Между прочимъ онъ утверждалъ, что синюю большую книгу съ большими буквами онъ видѣлъ своими глазами. Записано со словъ Параева.

ТЕЛЕУТСКІЕ МАТЕРІАЛЫ[1])

(собраны Г. М. Токмашевымъ).

I.

Сказка объ Алтай-Куучуны.

(записана у бачатскихъ телеутовъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ Томск. губ., въ улусѣ Челухоѣ, со словъ сказочника Чымыя (68 л.).

Это было тогда, когда сотворилась земля;
Когда со всѣхъ сторонъ сталъ проявлять себя Іези[2]),
Когда земля, раскалываясь, стала покрываться травой,
Когда деревья раскалываясь, покрывались листьями,
Когда появились живыя существа, опираясь на ноги,
Когда они стали дышать.
Алтай-Куучуны владѣлъ тогда столькими народами,
что они не знали другъ друга языка,
И было у него столько скота, что и по шерсти
всѣхъ не запомнить.

---

[1]) Сказка Алтай Куучуны извѣстна и алтайцамъ подъ названіемъ Алтай-Бучый; варіантъ записанный мною въ долинѣ Катуни, печатается въ „Запискахъ Западно-сибирск. Отдѣла Геогр. Общества, кн. XXXVII; другой, записанный въ долинѣ Урсула, отправленъ въ Геогр. Общество въ Петроградѣ. У черневыхъ татаръ варіантъ записанъ покойнымъ Н. М. Ядринцевымъ подъ именемъ Демичи-еренъ (Потанинъ, Очерки с.-З. Монг., IV, 369).

Сказка Козика и Баянъ-Сылу извѣстна и Киргизамъ подъ названіемъ Козу-Курпешъ и Баянъ-Слу. Окончаніе *ка* въ имени Козика ср. съ окончаніями имени Есугай, отца Чингисъ-хана, которыя приводитъ Petit de la Croix: Pesoukai, Pisouka, Mysüka Jesuka (Oppert, Presbiter Joannes, 96). У алтайцевъ этой сказки не записано. Чолтошъ, отъ котораго г. Никифоровъ записывалъ сказки въ долинѣ Катуни (печатающіяся теперъ въ Зап. Зап.-сиб. Отд. Геогр. Об. въ Омскѣ) зналъ сказку Козу Еркетъ, или слышалъ объ ней, но онъ могъ узнать объ ней отъ Киргиз; одно время онъ жилъ въ селѣ Черно-ануйскомъ, гдѣ много крещеныхъ киргизъ. Телеутскій варіантъ едва-ли слѣдуетъ поставить на счетъ киргизъ.

Сюжетъ о Бобырганѣ алтайцы разсказываютъ о Джеркапатѣ (летучей мыши). См. Потанинъ, Очерки с. з. Мон., IV, 169.

Преданіе объ открытіи огня напечатано мной въ Очеркахъ с. З. Монг., IV, 331; птица названа колбырхы. Преданіе записано отъ телеута. *Г. Потанинъ.*

[2]) Іези, на языкѣ алтайцевъ — Иезимъ — хозяинъ горъ, горный духъ.

Сидя въ сѣдлѣ, пилъ онъ хлѣбное вино, въ айранѣ [1])
мылъ онъ руки.
Живетъ и кричитъ онъ по-богатому, свиститъ
по-богатырски.
Одинъ конь его — Темчи-йеринъ [2]) небомъ данный;
Другой конь его — Бай-чокуръ [3]), данный Байяномъ [4])
Третій конь его Ульбусъ-чокуръ [5]), данный Ульгенемъ [6]).
Есть сестра у него младшая, зовутъ ее Эрке-ченъ,
Есть жена у него, зовутъ ее Эрме-ченъ,
У него пара птицъ-соколовъ, пара борзыхъ собакъ —
Если ужъ дальше говорить, то изъ всѣхъ четырехъкопытныхъ
Нѣтъ лучше коня его Темчи-йерина.
Изъ людей, которые имѣютъ пять пальцевъ,
Нѣтъ и не родился лучше еще Алтай-Куучуны —
Самъ онъ воевать не ходитъ,
А кто пойдетъ противъ него,
Того онъ домой живымъ уже не отпуститъ.
Говорить о немъ можно скоро.
Но жить ему было дано долго.
Сталъ Алтай-Куучуны изъ юныхъ лѣтъ выходить,
Сталь подходить къ среднимъ годамъ,
Тогда говоритъ онъ сестрѣ своей Эрке-ченъ
И женѣ своей Эрме-ченъ:
„Я поѣду на охоту на девять лѣтъ
Вы (до моего пріѣзда) на гору, которую зовутъ
Іуутунын, іурун ту, Кан-кылдаган-Кара ту не заходите.
Взялъ онъ съ собой пищу на девять лѣтъ
И обуви на девять лѣтъ
И еще разъ сказалъ: „Смотрите-жъ,
Не заходите на гору Іуутунынъ іурун ту
Кан-кылдаган-Кара ту
Пока я не вернусь домой“.
Выпустилъ онъ своихъ двухъ птицъ-соколовъ,

---

[1]) Айранъ — кислое молоко.
[2]) Темчи-йеринъ — значитъ рыжій и прыткій.
[3]) Бай-чокуръ — сильно чубарый.
[4]) Байянъ — добрый духъ у телеутовъ.
[5]) Ульбусъ-чокуръ — чубарый съ инымъ оттѣнкомъ.
[6]) Ульгень — небесное доброе существо.

Отпустилъ своихъ двухъ собакъ борзыхъ —
Коня Ульбусъ-чокуръ, даннаго отъ Ульгеня,
Взялъ онъ на поводъ съ правой стороны,
Коня Бай-чокуръ, даннаго отъ Байяна,
Взялъ на поводъ съ лѣвой стороны.
На коня Темчи-йеринъ, даннаго съ неба
Сѣлъ онъ самъ и отправился на охоту.
Переѣхалъ онъ свои бѣлыя тайги [1])
Въѣхалъ въ черную чернь
И сталъ тамъ охотиться.

Какъ только онъ уѣхалъ, сестра его Эрке-Чеченъ говоритъ женѣ его Эрме-чеченъ: „Сноха! братъ мой никогда не запрещалъ намъ ходить на эту гору Іуутунын іурун ту Кан-кылдаган Кара ту. Чтобы это такое могло значить?“. И вотъ Эрке-чеченъ съ Эрме-чеченъ сговорились побывать на той горѣ Іуутунынъ іурун ту Кан-кыльдаганъ Кара ту. На слѣдующій день, когда, встряхиваясь, взошло солнце, вздрагивая, блеснула заря, Эрке-чеченъ съ Эрме-чеченъ стали подниматься на гору Іуутунын іурун ту Кан кылдаган Кара ту. Достигнувъ вершины горы, онѣ стали осматриваться и увидали за семью небесами, за семью лугами, землю двухъ братьевъ Арайана и Чарайана, и еще увидѣли двухъ утокъ, плавающихъ на водѣ, около мостка, гдѣ Арайанъ и Чарайанъ брали воду. Кромѣ утокъ онѣ ничего не видѣли и спустились съ горы. Возвратясь, Эрке-чеченъ и Эрме-чеченъ, стали посылать птенцовъ соколовъ и щенковъ собакъ, и наказывать имъ: „Идите вы за семь небесъ и за семь луговъ, гдѣ живутъ два брата Арайянъ и Чарайанъ. И тамъ, около мостка, гдѣ они берутъ воду, плаваютъ двѣ утки. Поймайте ихъ и принесите намъ. Принесите, покрывши ихъ вашими крыльями, принесите ихъ, защѣпивши вашими когтями, не проливайте ихъ крови и не причиняйте имъ боли. Если вы не принесете ихъ, то срѣжемъ мы вамъ вашу красную душу и прольемъ вашу дорогую кровь. Если вы не вернетесь, то мы за вами пошлемъ другихъ щенятъ и птенцовъ, двухъ молодыхъ соколовъ и двухъ молодыхъ собакъ, которые догонятъ васъ и умертвятъ. Эрке-чеченъ и Эрме-чеченъ отпустили двухъ дѣтенышей тайгановъ [2]) и двухъ шонкоровъ [3]).

[1]) Горы.
[2]) Тайганъ — охотничья собака.
[3]) Шонкоръ — соколъ.

И изъ-за семи небесъ, изъ-за семи луговъ, изъ царства Арайана и Чарайана посланные соколы и собаки принесли двухъ утокъ. Принеся ихъ, соколы стали на свои мѣста, собаки тоже стали на свои мѣста. Эрке-чеченъ и Эрме-чеченъ взяли двухъ утокъ и понесли въ жилище. Онѣ, поглаживая спины уткамъ, накормили ихъ всякой пищей и стали спрашивать ихъ: „Знаете-ли вы на этомъ свѣтѣ кого-нибудь лучше богатыря Алтай-Куучуны? Вѣдь нѣтъ рѣки, черезъ которую бы вы не перелетали, нѣтъ горъ, черезъ которыя бы вы не перебирались, нѣтъ народа, котораго бы вы не знали, нѣтъ царя, котораго бы вы не видали. Состарился, вѣдь, Алтай-Куучуны, прошли ужъ его годы". Тѣ двѣ утки отвѣчаютъ: „И теперь лучше Алтай-Куучуны нѣтъ богатыря". Тогда Эрке-чеченъ и Эрме-чеченъ утокъ разсадили, приговаривая: „что одна скажетъ, то другая повторяетъ". Одну въ одну сторону посадили, другую въ другую. Разъединивъ ихъ, стали онѣ спрашивать прежде селезня: „Скажи намъ, какъ же не можетъ быть лучше богатыря Алтай-Куучуны на бѣломъ свѣтѣ? А вы не говорите... Вы, вѣдь, птицы съ крыльями, должны, видѣть и знать". „Такого нѣтъ!" отвѣчаетъ птица. „Говори!" спрашивали Эрке-чеченъ и Эрме-чеченъ. Стали при этомъ щипать перья на спинѣ. „Говори, спрашивали, говори". „Нѣтъ, такого не знаю; умереть я долженъ за правду!" говоритъ селезень: „Лучше Алтай-Куучуны нѣтъ богатыря. Я не говорю неправды!" Стали онѣ тогда щипать пухъ на зобу. Но и такъ птица ничего не говорила, кромѣ одного: „Если умереть, то за правду, не говоря худого и ложнаго!" Тогда Эрке-чеченъ и Эрме-чеченъ стали говорить: „Чѣмъ умирать, говори лучше. И если только укажешь лучшаго богатыря, то у насъ есть лекарство; на мѣсто пера будутъ перья, на мѣсто пушинки, будетъ пухъ". Селезень говорилъ одно: „если и умереть, то за правду". Тогда изломали онѣ ему крылья и оторвали голову по шею. И погибъ тогда селезень. А когда погибъ селезень, напали они тогда на самку-утку: „Скажи, что есть богатырь лучше Алтай-Куучуны. Если не скажешь, то и тебѣ тоже будетъ, что селезню. Не можетъ быть, чтобы на этой землѣ не было лучше богатыря Алтай-Куучуны". Эрке-чеченъ и Ерме-чеченъ говорятъ: „Пусть они надъ нами не смѣются и пусть не говорятъ о насъ". И Эрке-чеченъ и Эрме-чеченъ снова стали допрашивать: „Неужто нѣтъ лучше богатыря, чѣмъ прожившій свой вѣкъ и проведшій свои молодые годы?" И опять стали щипать уткѣ спину и шею. Но не успѣли онѣ щипнуть на шеѣ

три раза, какъ утка вскрикнула: „Постойте, скажу, не шиплите пухъ мой на спинѣ и шеѣ моей!“. Эрке-чеченъ и Эрме-чеченъ снова допрашиваютъ: „Гдѣ есть лучшій богатырь?“. „За семью небесами, за семью лугами два брата Арайанъ и Чарайанъ. Самые лучшіе богатыри они; лучше ихъ нѣтъ!“. Такъ сказала утка. Тогда Эрке-чеченъ и Эрме-чеченъ прилѣпили на спину утки бѣлую бумагу съ письмомъ: „въ полнолунье седьмого мѣсяца пригоните семь тысячъ воиновъ, завоюйте нашу землю и увезите насъ. Когда возвратится Алтай-Куучуны, напоимъ мы его хлѣбнымъ виномъ и предадимъ въ ваши руки. Напоимъ его виномъ, пока онъ не опьянѣетъ. И тогда рѣжьте мясо готовое, тогда рвите матерію готовую“. А въ это время уѣхавшій на охоту Алтай-Куучуны убивалъ черныхъ соболей, навьючивалъ ихъ на коня Ульбусъ-чокуръ; убивалъ звѣрей жирныхъ, навьючивалъ ихъ на коня Бай-чокуръ; и уже возвращался домой. Но вотъ конь Темчи-йеринъ что-то споткнулся. Тогда Алтай-Куучуны говоритъ ему: „ни разу не спотыкался ты, почему же ты споткнулся? Ни разу ты не запинался, почему же ты запнулся? Не узналъ-ли ты свою смерть, не предсказываешь-ли мнѣ мою смерть?“. Конь Темчи-йеринъ говоритъ: „Сестра твоя Эрке-чеченъ и жена твоя Эрме-чеченъ приготовили столько вина, что даже некуда ногой ступить, и ждутъ тебя домой. Если напьешься хлѣбнаго вина, умрешь раньше времени, предашься смерти не во время. Суслики твои останутся послѣ тебя, плача. Царство твое останется пустымъ, черная война найдетъ на него, кровяныя пули налетятъ на него“. Ѣдетъ онъ дальше. Когда доѣхалъ до половины пути, конь йеринъ опять споткнулся. Алтай-Куучуны спрашиваетъ: „Эхъ, что же ты спотыкается! Развѣ узналъ ты свою смерть, или чуешь мою?“. Конь Темчи-йеринъ говоритъ тогда: „Черное твое царство осталось раззореннымъ, кровяныя пули побывали въ немъ. Сестра твоя Эрке-чеченъ, жена твоя Эрме-чеченъ напоили пьянаго виномъ хлѣбнымъ, а напоивши виномъ, предали пьянаго“. Сталъ онъ подъѣзжать къ дому. Конь Темчи-йеринъ опять споткнулся. Алтай-Куучуны свалился черезъ его голову внизъ. Онъ поднялся и снова вскочилъ на коня. Тогда конь йеринъ сталъ говорить: „жена твоя и сестра твоя тебя предали понапрасну“. У богатыря Алтай-Куучуны гнѣвъ сталъ какъ море разливаться, онъ, какъ гора, сталъ пухнуть и сказалъ: „Ужъ я этимъ двумъ женщинамъ! повыдергаю я имъ косы и проверчу имъ

ноздри". Алтай-Куучуны пріѣхалъ домой. Жена Эрме-чеченъ налила въ золотую чашу вина и вынесла навстрѣчу. Алтай-Куучуны поднялъ плеть свою до самаго царя-неба, плеть, свитую изъ бычьихъ кожъ, но въ это время жена Эрме-чеченъ повернула назадъ и ушла въ домъ. Алтай-Куучуны успѣлъ ударить только по подолу, отсѣкъ часть его и разсѣкъ слой земли. Потомъ вошелъ онъ въ свое бѣлое жилище. Тамъ было приготовлено много пищи и соли. Даже ступить было некуда. И говоритъ Алтай-Куучуны: „Свадьба ли сына твоего, который еще не родился? Свадьба ли дочери твоей, которая родилась послѣ сына? Зачѣмъ приготовлено столько вина и пищи?". Сталъ бить жену Эрме-чеченъ. Тогда сестра Эрке-чеченъ говоритъ: „ты былъ одинъ, не было съ тобой проводника и никого, кто бы гнался за тобой по слѣду. Мы думали, онъ соскучился въ полѣ и усталый ѣдетъ домой. Мы ждали брата, не имѣющаго дѣтей, приготовивши хлѣба, пищи, вина и соли. Если братъ не будетъ пить, то пусть выпьетъ земля". И она понесла выливать вино на землю. Тогда подумалъ старикъ Алтай-Куучуны: „Я повѣрилъ лошади, у которой снаружи твердо, а внутри жидко". И закричалъ: „постой, постой, не выливай вино! Неси его мнѣ!". Сестра Эрке-чеченъ внесла вино, и Алтай-Куучуны говоритъ: „Мнѣ-ли не выпить вина? Налейте вина въ золотую чашу!" Сестра Эрке-чеченъ налила вина въ золотую чарку. Алтай Куучуны продолжалъ: „вина можно выпить. Я повѣрилъ лошади, у которой снаружи твердо, а внутри жидко. Избилъ напрасно жену свою Эрме-чеченъ. Налейте еще одну чарку. Налейте три чарки, я выпью". Вино, которое онъ пилъ, если вылить на камень, камень сгоралъ, не оставляя пепла; если вылить на дерево, оно сгорало, не оставляя золы. Онъ выпилъ третью чарку и опьянѣлъ. Итакъ, онъ сталъ говорить: „Ситцевую подушку и постель, подобно озеру, приготовьте мнѣ на улицѣ. Я опьянѣлъ и теперь буду спать девять лѣтъ. Мой алмасъ-полотъ [1]), саблю, положите на руку мою. Пику мою, рѣжущую подобно мѣсяцу, положите, подпирая. Двухъ птицъ моихъ соколовъ отпустите. Двухъ собакъ моихъ борзыхъ отпустите. Коня, даннаго отъ Ульгеня, Ульбусъ-чокуръ, отпустите. Коня даннаго отъ неба — Темчи-йеринъ отпустите. Кона, даннаго отъ Байана — Бай-чокуръ тоже отпустите". Старый Алтай-Куучуны передъ сномъ девятилѣтнимъ продолжалъ:

[1]) Алмас-полотъ — значитъ сталь-алмазъ.

„Жена и сестра мои! На гору Іуутунын іурун, на черную гору, которая стучитъ, не заходите“. Эрме-чеченъ жена и Эрке-чеченъ сестра стали совѣтоваться: „Что это значитъ? Сколько разъ пріѣзжалъ онъ съ охоты и не говорилъ никогда, чтобы не заходить на эти горы. Зайдемъ на гору Іуутунын іурынъ, на гору черную, которая стучитъ“. Онѣ сговорились пойти туда, когда заря займется, встряхиваясь, когда взойдетъ солнце, встряхнувшись. Заря занялась, солнце взошло. Двое: Ерме-чеченъ и Ерке-чеченъ стали подниматься на гору. Съ утра, какъ только солнце взошло и до заката все шли онѣ. Зашли на вершину горы и переночевали. Тогда изъ царства двухъ братьевъ: Арайана и Чарайяна направилось войско въ семь тысячъ. Концы его копій подобны были лѣсу. Концы его мечей подобны были огню. Лица людей подобны пламени. На царство Алтай-Куучуны шла черная война. Множество пуль надвигалось. Народъ, данники Алтай-Куучуны, стали тогда говорить: „Не вырѣзайте нашу красную душу, не проливайте нашу дорогую кровь. Нашъ богатырь напился хлѣбнаго вина и потерялъ голову“.

Братья Арайанъ и Чарайанъ покорили весь народъ и данниковъ. А старику Алтай-Куучуны отрѣзали большой правый палецъ. Оказалось, душа Алтай-Куучуны была въ его большомъ правомъ пальцѣ. Все пришедшее войско не могло поднять отрѣзанный палецъ. Тогда Эрке-чеченъ, младшая сестра его, говоритъ: „Охъ! Оказывается братъ мой былъ оченъ сильный. Пришедшее войско не можетъ поднять одинъ его палецъ“.

Сама погладила себѣ обѣ руки и подтыкала себѣ два подола. Подняла палецъ и положила его себѣ въ кибитку, въ которой она поѣдетъ сама. Въ эту минуту изъ-подъ подола Эрме-чеченъ жены спустился ребенокъ-мальчикъ и побѣжалъ на гору Іуутунынъ іурунъ, на гору черную, которая стучитъ. Эрме-чеченъ, мать его, погналась за нимъ. Въ рукѣ она держала мѣдныя ножницы. Ребенокъ забирался все выше и выше. Мать Эрме-чеченъ кричитъ:

„Постой дитя мое! Пососи молоко изъ правой груди. Оно будетъ тебѣ пищей: ты никогда больше ѣсть не захочешь, оно будетъ тебѣ обувью,, никогда неизносимой!“

Мальчикъ отвѣчалъ:

„Иди и роди отъ Чарайана! Иди, роди отъ Арайана! Иди, корми дѣтей отъ нихъ.“

Такъ они перекрикивались, и въ это время Эрме-чеченъ догнала мальчика. Мѣдными ножницами отсѣкла мальчику правую ногу. Мальчикъ сталъ взбираться дальше. Мать Эрме-чеченъ говорила:

„Куда ему безъ ноги! будетъ пищей птицъ и собакъ.“

Сама повернула, сѣла въ кибитку и уѣхала. Ѣхали они три дня. На третій день конь, данный отъ Ульгеня—Ульбусъ-чокуръ, притворившись мертвымъ, легъ. Человѣкъ, на немъ ѣхавшій, побѣжалъ къ Эрке-чеченъ, сестрѣ, и говоритъ:

„Ты говорила, что твой братъ богатырь и силачъ. Конь, на которомъ онъ ѣздилъ, не могъ провезти меня три дня.“

Эрке-чеченъ сестра говоритъ:

„Не можетъ быть, чтобъ пропалъ конь богатыря. Смотрите, хоть хватайтесь за гриву и не отпускайте.“

Когда они пришли, на трехъ мѣстахъ конь повалялся, поѣлъ на трехъ мѣстахъ, а самъ убѣжалъ. Дальше они ѣдутъ. На пятую ночь издохъ конь, данный отъ Байана—Бай-чокуръ. Человѣкъ, который гналъ его, прибѣжалъ, говоритъ Эрке-чеченъ сестрѣ:

„Ты говорила, что братъ твой богатырь и сильный. Коня, на которомъ онъ ѣздилъ, намъ не хватило ѣздить на пять дней.“

Эрке-чеченъ говоритъ:

„Не пропадаютъ кони, на которыхъ ѣздитъ алыпъ. [1]) Идите держите его за гриву до моего прихода и не отпускайте.“

Когда они пришли, то конь, данный онъ Бай-чокуръ, повалялся на пяти мѣстахъ, поѣлъ вершинки пяти растеній и убѣжалъ. Они ѣдутъ дальше. Доходятъ на седьмой ночлегъ. Не дойдя до седьмого ночлега, конь Темчи-йеринъ издохъ. На немъ ѣхалъ самъ Арайанъ. Онъ пинаетъ въ животъ и бьетъ по головѣ. Снимаетъ съ коня узду, снимаетъ сѣдло и всѣ принадлежности. Потомъ бѣжитъ къ Эрке-чеченъ и говоритъ:

„Ты говорила, что твой братъ богатырь. Конь, на которомъ онъ ѣздилъ, меня не могъ провезти семь дней.“

Эрке-чеченъ говоритъ:

„Горе, идите и хватайтесь хотя за гриву, пока я не приду. Конь, на которомъ ѣздилъ богатырь, не пропадаетъ.

Когда прибѣжали они, йеринъ атъ — конь рыжій повалялся на семи мѣстахъ, оторвалъ у семи травокъ вершинки. Онъ фыркнулъ—разсѣялся соленый туманъ. Былъ туманъ такой, что другъ

1) Алыпъ—великанъ.

друга не найдешь; былъ вѣтеръ такой, что крича другъ другу, не услышишь. Отъ вѣтра остались камни. Эрке-ченъ говоритъ:

„Когда убѣжалъ рыжій конь (Темчи-йеринъ) должно быть все освободится. Свѣтъ, въ которомъ мы будетъ жить, будетъ намъ (служить) не долго". Посмотрѣвъ туда, потужила, посмотрѣвъ сюда, всплакнула. Три коня (Алтай Куучуны) сошлись. Данный отъ Байана, Бай-чокуръ конь и конь, данный Ульгенемъ, Ульбусъ чокуръ, спрашиваютъ у коня, даннаго небомъ, Темчи йерина:

„Какъ это поправить! Арайанъ и Чарайанъ везутъ двухъ птицъ, двухъ собакъ и большой палецъ нашего богатыря Алтай-Куучуны. Вотъ, какъ же это выручить? Это ты долженъ же знать." Стали кланяться йеринъ-коню. Они кланялись, протягивая свою суставную шею.

„Сноровку ты имѣешь, а у насъ нѣтъ".

Они кланялись йеринъ ату. Вотъ сдѣлался йеринъ атъ лисицей золотошерстной и легъ на пути. Увидали эту лисицу люди Арайана и Чарайана и стали спускать своихъ собакъ. Кто-то отпустилъ двухъ собакъ Алтай Куучуны. Два кезеръ тайгана (гнались за лисой) тѣснили тамъ и тутъ, ловили, поворачивали тамъ и тутъ. Когда скрылись съ глазъ, они узнали йеринъ ата. Они собрались всѣ пятеро. Всѣ кланялись йеринъ-ату. „Только на тебя надежда. Ты долженъ выручить".

Иеринъ атъ пошелъ выручать двухъ птицъ соколовъ. Онъ превратился въ птицу съ золотыми перьями и улетѣлъ на путь. Увидали птицу люди Арайана и Чарайана и говорятъ:

„Восходитъ мѣсяцъ."

„Не мѣсяцъ, а звѣзда (взошла)", говорили нѣкоторые. Народъ Арайана, когда подошла ближе, сказали:

„Птица съ золотыми перьями!" Давайте поймаемъ!" говорили они.

Кто-то спустилъ двухъ птицъ шонкор, говоря: „Птицы богатыря должны быть богатырями".

Погнались два „шонкор куніа" за золотоперой птичкой. Крылья ихъ закрывали мѣсяцъ. Ловили птичку тамъ, хватали здѣсь, поймать не могли. Они исчезли изъ глазъ. Дальше они всѣ собрались вмѣстѣ. Соединившись, стали кланяться кан йерику:

„Ты долженъ знать, надежда на тебя, на насъ нѣтъ надежды. Нужно выручить большой палецъ нашего богатыря."

Йейринъ атъ говоритъ:

„Тогда я постараюсь. Смотрите, возлѣ нашего богатыря пусть не ходитъ собака (букв. „не давайте ходить худой собакѣ"). Пусть не клюетъ его птица, хоть тогда, когда онъ перейдетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ не надо, и перевалится не на томъ мѣстѣ (хоть когда умретъ).

Сказалъ такъ и убѣжалъ. Онъ ушелъ къ хозяину камней и льда. И поднялся къ хозяину дождя. Сталъ молиться. Онъ умолялъ и просилъ. Протягивалъ свою позвонковую шею. Хозяинъ града спрашиваетъ:

„Йеринъ атъ, зачѣмъ пришелъ?"

Тотъ говоритъ:

„Мой богатырь Алтай Куучуны, напившись хлѣбнаго, опьянѣлъ, напился вина и одурѣлъ. Умеръ тамъ, гдѣ ненадо, перешелъ, гдѣ не надо. Мы теперь — вода безъ берега, одежда безъ ворота. Мы теперь — скотъ въ пустынѣ. Я теперь конь безъ хозяина. Добрый мой хозяинъ умеръ. Побѣдили его кровяныя пули, накрыла его черная война. Правый большой палецъ идетъ въ царство къ двумъ братьямъ къ Арайану и Чарайану. Выручить (палецъ) дай теперь градъ!".

Хозяинъ льдовъ говоритъ:

„Ну, хорошо, дамъ!"

Сталъ спускать градъ каменный. Народъ Арайана сталъ погибать. Когда народъ сталъ гибнуть, Эрке-ченъ взяла большой палецъ Алтай-Куучуны, сдѣлала изъ него сарай. Оставшійся народъ собрался подъ сарай и тамъ спасался отъ каменнаго града. Въ это время йеринъ атъ превратился въ птичку, сѣлъ на большой палецъ и со стукомъ клюетъ, съ грохотомъ бѣгаетъ по пальцу Тогда Эрке-ченъ сестра говоритъ:

„Кто тамъ, посмотрите!"

Народъ не выходитъ изъ-подъ пальца.

„Кто выйдетъ? Если упадетъ еще камень, значитъ придется умирать", говорили они. Сестра Эрке-ченъ, жена Эрме-ченъ говорятъ:

„Почему не выйти? (Нужно вѣдь посмотрѣть)".

Одинъ вышелъ, посмотрѣлъ и говоритъ:

„Тамъ птичка".

Спрашиваетъ Эрке-ченъ:

„Носъ птички горбатый?"

„Да, носъ горбатый".

„Ахъ, крикнула она, йеринъ атъ прибѣжалъ!"

Йеринъ атъ схватилъ большой палецъ и исчезъ, а Эрке-ченъ осталась плачущая.

„Ахъ, говорила она, отпустили Йеринъ ата. Онъ унесъ теперь большой палецъ, теперь для насъ будетъ свѣта мало".

А Йеринъ атъ принесъ правый большой палецъ приложилъ его къ рукѣ Алтай Куучуны, но оживить не было средства. Говоритъ Йеринъ атъ:

„Теперь вы оказывайте помощь".

Два кезеръ тайгана, двѣ корош шонкор куги птицы, конь отъ Ульгеня—ульбусъ чокуръ, конь отъ Байана бай-чокур—всѣ молили Темчи йеринъ-ата:

„Ты можешь подать помощь, у насъ же нѣтъ такой силы, какъ у тебя.

Йеринъ атъ говоритъ:

„Такъ я пойду. Смотрите, не давайте ходить собакамъ[1]), не давайте летать птицамъ возлѣ хозяина моего, Алтай Куучуны. Если же умретъ, смотрите, караульте (сына) Алтай Куучуны богатыря на горѣ Іуутунын іурун, на горѣ Кан-кылдаганъ Кара ту. Не давайте ходить собакамъ, не давайте летать птицамъ".

Йеринъ атъ зашелъ на девять небесъ, къ Старшему Творцу. У девяти творцовъ девять дочерей. У старшаго Творца одна дочь. Девять дочерей девяти творцовъ устраиваютъ игрище, а дочь старшаго Творца стоитъ и смотритъ на нихъ. Прибѣжавшій туда Йеринъ атъ положилъ золотой поводъ черезъ сѣдло, сталъ ходить, какъ не хаживалъ, сталъ гулять (возлѣ дочерей Творцовъ), какъ не гуливалъ. Увидала его дочь Старшаго Творца и говоритъ:

„Мой отецъ много творилъ лошадей. Поймайте его, я поѣзжу на немъ".

Девять дочерей девяти Творцовъ хотѣли поймать Йеринъ ата. Онъ самъ имъ въ руки дался. Дочь старшаго Творца сѣла на него и ѣздила туда и сюда. Проѣзжая такъ, она говоритъ:

„Это конь, съ котораго не нужно спускаться, а только ѣздить на немъ"

Йеринъ атъ, прогуливаясь такъ, вдругъ пустился въ бѣгъ и сталъ спускаться на землю. Если дочь старшаго Творца думаетъ упасть съ правой стороны, Йеринъ атъ придерживаетъ правой

[1]) Собакъ телеуты считаютъ нечистыми животными.

щекой, если спустится сзади, придерживаетъ хвостомъ, если хочетъ упасть черезъ голову коня, придерживаетъ двумя ушами. Йеринъ атъ прибѣжалъ на землю и сталъ молиться единственной дочери Jajачи Творца:

„Привезъ тебя не отъ радости, привезъ тебя, когда нѣтъ радости. Привезъ тебя не отъ надежды, привезъ, когда нѣтъ надежды. Померъ мой добрый хозяинъ, привезъ тебя лечить его. Ты не бойся. Я тебя свезу обратно".

Единственная дочь Творца говоритъ:

„Много имѣется лекарствъ лечить его. Есть средство оживить его. Только оно далеко. Дорога туда есть, но обратно нѣтъ дороги. Хорошіе богатыри тамъ умираютъ, силачи падаютъ тамъ".

Йеринъ атъ говоритъ:

„Тамъ умираютъ лучшіе чѣмъ я, тамъ падаютъ лучшіе чѣмъ я. Жизни моей не жаль, почему же мнѣ не идти? Я пойду".

Единственная дочь Творца говоритъ:

„За девяносто небесъ, за девяносто луговъ отсюда обитаетъ нечистый змѣй. Рога его въ девяносто отростковъ. Внутри его летаютъ птицы, живетъ скотъ и народъ. Ѣдущіе къ нему не возвращаются. Лекарство въ его рогахъ между отростковъ. Если добудешь его, то погаснувшій огонь добудешь, умершаго человѣка воскресишь. Кто пойдетъ къ нему, не возвращается".

Тогда Йеринъ атъ говоритъ:

„Внутренность моя зін (?), наружность моя тулак (?). Послѣ смерти моего хозяина, нѣтъ пользы въ моей жизни. Поѣду. Давай, садись теперь на мою спину, я увезу тебя на небо".

„Охъ! сказала дочь Творца, теперь я неспособна возвратиться къ Отцу моему. Теперь я утратила небесную силу. Я должна жить теперь на землѣ".

Йеринъ атъ возвратился обратно къ Царю Неба. Собралъ въ кучу сто звѣздъ, сдѣлалъ изъ нихъ сто дѣвицъ и спустился. Эти сто дѣвицъ, которыя спустились и единственная дочь Творца остались на землѣ и устроили игрища. Йеринъ атъ сказалъ двумъ собакамъ, двумъ птицамъ соколамъ, коню бай чокур ат, коню Ульбусъ чокуръ ат:

„Смотрите, не давайте голодать этимъ дѣвицамъ, не давайте имъ похудѣть и изнашиваться ихъ одеждѣ. Убивайте звѣря и этимъ питайте. Ловите птицъ и кормите".

Самъ йеринъ отбѣжалъ за девяносто небесъ, за девяносто луговъ, переѣхалъ черезъ бѣлыя горы и переправился черезъ текущія рѣки. Кан йеринъ атъ дальше продолжаетъ путь. То, что нужно ѣхать въ мѣсяцъ, онъ пробѣгаетъ въ одинъ день. Путь, на который нужно потратить годъ, онъ проѣзжаетъ въ одинъ мѣсяцъ. Когда бѣжалъ йеринъ атъ такимъ образомъ, то увидѣлъ богатыря ростомъ до неба, который ѣхалъ домой на ворономъ конѣ. И увидѣлъ онъ двухъ Кан-Кереде. Стянувъ вершины семи желтыхъ сосенъ и семи черныхъ лиственницъ устроили они себѣ гнѣздо и сидѣли въ немъ.

Говорятъ они:

„Вотъ одного ведегъ. Онъ будетъ нашей пищей“.

Кан йеринъ сталъ ломать четырнадцать лѣсинъ. Кан-Кереде погнались за нимъ, стали шумѣть крылья. Горла ихъ проглатываютъ волосъ. Гнались семь дней. Устали ихъ крылья, вышла ихъ сила, ударились они грудью о земь и сѣли на черный камень. И закричали вслѣдъ йеринъ ату:

„Куда бѣжишь Кан-йеринъ? Постой, будемъ золотыми друзьями“.

Кан йеринъ, не оглядываясь, бѣжитъ дальше, а два Кан-кереде опять кричатъ ему:

Постой, Кан-йеринъ, будемъ золотыми друзьями. Если намъ будетъ предстоять мученіе, прибѣгай къ намъ на помощь, если тебѣ будетъ грозить бѣда, мы прилетимъ къ тебѣ“.

Не оглянувшись, Кан йеринъ бѣжалъ дальше, вытягиваясь какъ ошлага, вытягиваясь какъ талиновая кора. Разсказать объ этомъ можно скоро, но ему пришлось бѣжать долго. Не доѣзжая семидневнаго разстоянія, почувствовалъ кан-йеринъ, что притягиваетъ его къ себѣ нечистый змѣй съ рогами въ девяносто отростковъ. Увидалъ йеринъ атъ, что огромный змѣй верхними губами уперся въ небо, нижними въ землю. Изо рта птицы вылетаютъ и влетаютъ, звѣри выбѣгаютъ и забѣгаютъ, богатыри выходятъ и заходятъ.

Богатыри говорили:

„Земля съ солнцемъ имѣетъ вѣтры. Пойдемте обратно. Тамъ нѣтъ вѣтра и тихо“.

Йэринъ атъ пьетъ у воды сильную, ѣстъ у травы вершинную. Видитъ йеринъ атъ, что змѣй съ рогами въ девяносто отрост-

ковъ спускаетъ верхнюю губу. Тогда кан йеринъ сталъ звать небеса въ свидѣтели, сталъ взывать къ Ульгеню и всѣмъ богамъ:

„Зачѣмъ же вы творили меня, если мнѣ суждено погибнуть отъ змѣя?“.

Йеринъ атъ повернулся и побѣжалъ обратно. Јек-јыланъ (змѣй) погнался за нимъ. Попадется гора йеринъ ату на пути, онъ (ударами заднихъ ногъ) вталкиваетъ ее въ ротъ змѣю. Попадется камень или кустъ, вталкиваетъ туда же. На седьмой день животъ јек-јылана наполнился. Отяжелѣлъ змѣй, остановился и закричалъ.

„Йеринъ атъ, никто еще отъ меня не убѣгалъ. То, чѣмъ набилъ мнѣ животъ, будетъ мнѣ пищей пять дней. Хотя эти пять дней будешь бѣжать отъ меня, все таки возвратишься ко мнѣ и попадешь въ мой ротъ. И никто изъ моего рта не вырывался еще“.

Пять дней бѣжалъ йеринъ атъ, на шестой стало притягивать его назадъ. Тогда йеринъ атъ легъ на пластъ и сталъ отдыхать. Пять дней тянетъ его јек-јылан. Смотритъ йеринъ атъ, змѣй вытащилъ нижнюю губу изъ земли, а верхнюю спускаетъ съ неба. Йеринъ атъ повернулъ обратно и опять сталъ наполнять животъ змѣя камнями и деревьями. Въ три дня наполнилъ его. И закричалъ тогда јек-јылан:

„Когда сказали, что ты родился, кольнуло меня въ мое колючее сердце и вздрогнула моя рука—пулано (?). Йеринъ атъ, скажи, зачѣмъ пришелъ, по какому дѣлу?“.

Повернулся къ нему йеринъ атъ, сталъ кланяться, умолять, протягивая свою шею, и говорить:

„Добрый мой хозяинъ умеръ, какъ животное валяется въ пустынѣ, сдѣлался одеждой безъ ворота, сдѣлался водой безъ берега. Чтобы исцѣлить его, я пришелъ къ тебѣ, прибѣжалъ за чернымъ мозгомъ, который у тебя среди роговъ въ девяносто отростковъ“.

Говоритъ јек-јыланъ съ рогами въ девяносто отростковъ:

„Йеринъ атъ, что ты просишь у меня, я тебѣ дамъ. Почему не дать? Черный мозгъ лежитъ между рогами. Какъ ты добудешь его? Попробуй расшиби ударомъ. Если не расшибешь, я отъ боли могу втянуть тебя въ свой ротъ. Не обижайся тогда на меня, йеринъ атъ!“.

Отвѣчаетъ йеринъ атъ:

„Jек-jылан съ рогами въ девяносто отростковъ! На что мнѣ теперь жизнь? Я—лошадь безъ хозяина; я вода безъ берега: я одежда безъ ворота. Если разобью твой лобъ, то воскрешу своего хозяина, если нѣтъ, то буду жить въ твоемъ животѣ".

Послѣ этого jек jыланъ крѣпко уперся, а йеринъ атъ побѣжалъ на полдень мѣсяца грѣть свои ноги. Онъ бѣжалъ впередъ три дня. Не согрѣлись его ноги. Онъ бѣжалъ девять дней и повернулъ обратно. Прибѣжавши разбилъ чарку Jек-jылану. Досталъ черный мозгъ и побѣжалъ къ хозяину. Мѣсячный путь пробѣгалъ въ одинъ день, дневной путь пробѣгалъ въ полдня. Тянулся какъ отшлага, вытягивался какъ таловая кора. Прибѣжалъ йеринъ атъ въ царство двухъ Кереде. Послѣ погони за йеринъ атомъ, они только что вернулись въ свое гнѣздо. Отъ усталости крылья ихъ дрожали.

Одинъ говоритъ:

„Бѣжитъ йеринъ атъ. Давай погонимся за нимъ".

Другой отвѣчаетъ:

„Нѣтъ не будемъ гнаться. У меня до сихъ поръ дрожатъ крылья".

Добѣжалъ йеринъ атъ до розстани, ошибся и взялъ другой путь. Тамъ между двумя горами воевалъ земляной сорупу-jер соруп съ пепельнымъ сорупомъ—куль сорупомъ.

Куль соруп кричитъ:

„Йеринъ атъ бѣжитъ помогать мнѣ!".

Jер соруп возражаетъ:

„Зачѣмъ тебѣ долженъ помогать йеринъ атъ, онъ за меня постоитъ."

Во время ихъ спора йеринъ атъ повернулъ обратно. Тогда они оба, засыпали его множествомъ стрѣлъ. Воткнулись стрѣлы какъ чаща въ бока йеринъ ата и бѣжалъ онъ съ ними на свою землю. Употребивъ послѣднія силы, перевалилъ послѣдній перевалъ, но не добѣжалъ до хозяина своего и палъ, истекая кровью. На родинѣ Алтай Куучуны сто дѣвицъ еще забавлялись игрищами. Сто первая, дочь старшаго Творца, сказала имъ:

„Постойте, человѣкъ спустился съ гривы. Я пойду, посмотрю его."

Когда она пришла, йеринъ атъ лежалъ, истекая кровью. Бока его были утыканы стрѣлами. Говоритъ онъ дѣвицѣ:

„Я сбился съ дороги и попалъ къ воюющимъ. Меня одолѣли кровяныя стрѣлы. Вынимай стрѣлы и обмой мои раны. Среди основанія моихъ большихъ зубовъ есть мозгъ јек-јылана, намажь мои раны, чтобы не умереть мнѣ, когда не нужно.“

Единственная дочь Творца вынимала стрѣлы. Брала черный мозгъ и мазала по-немногу раны. Вскочилъ йеринъ атъ на ноги сильнѣе чѣмъ прежде въ десять разъ, лучше чѣмъ прежде въ два раза. Онъ пришелъ къ своему юрту, собралъ сто дѣвицъ, сдѣлалъ изъ нихъ сто звѣздъ и унесъ на небо. Стали онѣ снова звѣздами. Дочь старшаго Творца говорила:

„Я не могу идти къ отцу, я не буду любима имъ. Живя на этой землѣ, я потеряла свои небесныя свойства.“

Вотъ они двое приложили на мѣсто правый большой палецъ Алтай Куучуны и помазали черным мозгомъ. Вскочилъ Алтай Куучуны и сказалъ:

„Проснулся-ли я отъ сна, или воскресъ отъ смерти?“

Втроемъ зашли они на гору Іутунын-іурун ту Кан кылдаган кара ту. Зайдя туда увидили, что у сына Алтай Куучуны тѣла не осталось, а оголившіяся кости распались. Помазали они разъ кости мозгомъ—соединились кости, помазали два раза—наросло мясо, помазали три раза—вскочилъ сынъ Куучуны живымъ и сказалъ: „Я воскресъ изъ мертвыхъ, загорѣлся погасшій.“

Послѣ этого сталъ Алтай Куучуны внимательно осматривать свои владѣнія и видитъ, что царство его ископано, черная война завоевала его, пули засыпали.

Говоритъ ему Кан-йеринъ атъ:

„Добрый мой хозяинъ! Теперь я не буду твоимъ конемъ, а буду конемъ твоего сына Эрке Мӧндӱр'а.“

У Алтай Куучуны остались кони Бай чокуръ и Ульбусъ чокуръ. Эрке Мӧндӱр сталъ говорить:

„Слушай, отецъ, соръ не гніетъ, месть не старится. Поѣдемъ къ этимъ псамъ, двумъ братьямъ къ Арайану и Чарайану.“

Сѣлъ Эрке Мӧндӱръ на йеринъ ата, Алтай Куучуны на чокуръ ата и поѣхали за семь небесъ, за семь луговъ, въ царство Арайана и Чарайана. Неизвѣстно, сколько луговъ, сколько небесъ проѣхали, показалось царство двухъ братьевъ. Царство увеличилось, народъ умножился.

Заговорилъ Алтай Куучуны:

„Сынъ мой, незачѣмъ намъ ѣхать къ Арайану и Чарайану, нечего намъ тамъ дѣлать. Поѣдемъ обратно домой.“

Отвѣчалъ Эрке-Мӧндӱръ:

„Отецъ, пришли мы мужьями, зачѣмъ же намъ возвращаться землей? Подожди меня здѣсь, а я посмотрю ихъ царство.“

Слѣзъ Алтай Куучуны съ коня, досталъ трубку, досталъ табакъ, сѣлъ подъ деревомъ и закурилъ. Сынъ же сѣлъ на коня и поскакалъ въ царство Арайана. Подъѣхалъ подъ окно и крикнулъ:

„Дома-ли Арайанъ?

Арайанъ отвѣчаетъ: „дома.“

Эрке Мӧндӱръ кричитъ ему:

„Выходи поиграть со мною. Потянемся сквозь желѣзную лиственицу.“

„Что это за чертовскій человѣкъ?“ говоритъ Арайанъ. Посмотрѣлъ въ окно, увидѣлъ Эрке-Мӧндӱра и согласился выйти къ нему. Вотъ пошли они къ желѣзной лиственицѣ, протянули свои руки другъ другу и стали тянуться. Эрке-Мӧндӱръ не сильно тянулъ, но оторвалъ Арайану руку, вытащилъ его самого, схватилъ за ногу и ударилъ о желѣзную лиственицу. Не осталось крови, которую полизала бы собака, ни мяса, которое пободала бы корова. Только въ рукѣ осталась его черная голова. Отрубилъ Эрке-Мӧндӱръ головы Арайану и Чарайану. Пригналъ свой бѣлый скотъ, пригналъ свой албаты народъ. Сталъ собираться смотрѣть себѣ невѣсту. Смотря на jуртъ Сары-каана отправился туда и сталъ сватать:

„Погнался я сюда по слѣду краснаго звѣря, пріѣхалъ сватать твою дочь, погнался я за синимъ звѣремъ, услыхалъ, что у тебя молодая дочь. Будемъ раскалывать голову и доставать мозгъ вмѣстѣ, будемъ раскалывать кость и доставать мозгъ вмѣстѣ. Коровy, которая пришла съ ревомъ, не бей по головѣ. Меня, который пріѣхалъ сватать, не гони обратно“. Такъ сказалъ онъ. А Сары каанъ говоритъ: „Если человѣкъ не сватается, я звать не буду, если же сватается, то не буду гнать. На шестомъ катѣ—слоѣ (неба)—мѣсяцъ. Принеси его ко мнѣ, поставь сколо дверей моихъ. Пусть идетъ на маргаан. [1]) Тогда я выдамъ дочь свою.“

---

[1]) Маргаан—поклонъ (?).

Эрке-Мӧндӱръ повернулся и пошелъ къ кузнецу. Наложилъ на себя желѣзную кольчугу въ шесть слоевъ и сталъ подниматься на шестой катъ къ отцу мѣсяцу. Отецъ-мѣсяцъ спрашиваетъ

„По какимъ дѣламъ пришелъ? Зачѣмъ ко мнѣ поднялся?“

Говоритъ Эрке-Мӧндӱръ:

„По какимъ дѣламъ мнѣ идти? Не отъ радости я пришелъ. Когда было радостно, не приходилъ я. Сары каанъ проситъ принести тебя къ его дверямъ. Если принесу, то выдастъ за меня свою дочь. Если не съумѣю—отсѣчетъ мнѣ голову. Вотъ почему я пришелъ къ тебѣ.“

Говоритъ ему отецъ-мѣсяцъ:

„Если такъ, я пойду.“

Когда спускался съ мѣсяцемъ Эрке Мӧндӱръ, четыре слоя кольчуги лопнули отъ мороза и отпали. Стали умирать отъ мороза ближніе народы Сары каана, сталъ пропадать отъ мороза ближній скотъ. Въ печкѣ у Сары каача чугунокъ съ кипящей водой замерзъ и лопнулъ. Тогда проситъ Сары каанъ:

„Неси обратно, народъ мой умираетъ “

„Что говоритъ Сары каанъ?“ Спрашиваетъ отецъ-мѣсяцъ Эрке-Мӧндӱръ отвѣчаетъ:

„Проситъ отнести тебя на мѣсто.“ Эрке-Мӧндӱръ хотѣлъ взять отца-мѣсяца и отнести, но мѣсяцъ самъ сталъ подниматься. Сурланъ басто полетѣлъ. (?)

Эрке Мӧндӱръ сталъ и говоритъ:

„Чѣмъ умирать слову, пусть умираетъ голова. Держишь-ли ты свое слово?

Сары каанъ отвѣчаетъ:

„Нѣтъ, не будетъ на одинъ—маргаанъ. На седьмомъ катѣ-слоѣ неба—мать-солнце. Принеси, поставь подъ окномъ моимъ. Вотъ тогда я выдамъ за тебя дочь свою.“

Эрке Мӧндӱръ наложилъ на себя мѣдную кольчугу въ семь слоевъ, сталъ подниматься къ матери-солнцу. Спрашиваетъ его мать-солнце!

„По какому дѣлу пришелъ?“

Эрке Мӧндӱръ говоритъ:

„Не отъ радости я пришелъ. Сары каанъ выдастъ дочь свою за меня только, если я принесу тебя къ нему подъ окно.“

Говоритъ мать солнце:

„Ну, хорошо я опущусь. Спускайся впередъ, ты а я за тобой.“

Когда спускался Эрке Мӧндӱръ, расплавилась его кольчуга на пять слоевъ. Принесъ онъ мать-солнце и поставилъ подъ окномъ Сары каана. У Сары каана чугунокъ съ водой въ печи выкипѣлъ до дна, а народы стали умирать отъ жары. Тогда говоритъ Сары каанъ:

„Иди, унеси солнце, народъ мой сгораетъ. Отдаю тебѣ теперь свою дочь.“

Мать-солнце само взлетѣло вверхъ. Блеснула только солнечная искра. Оно стало на своемъ мѣстѣ. Эрке Мӧндӱръ опять говоритъ Сары каану:

„Чѣмъ умирать слову, пусть умираетъ голова. Выдаешь или нѣтъ свою дочь за меня?“

Отвѣчаетъ Сары каанъ:

„Почему не выдать? Выдамъ. Только прежде спущу темный день, будетъ черное озеро безъ начала и конца. Если дойдешь до конца и головы этого озера, будетъ дочь твоей женой, если нѣтъ, то смерть твоя будетъ тамъ.“

Такъ настращалъ Сары каанъ Эрке Мӧндӱра.

„Хорошо, я опять пойду, говоритъ Эрке Мӧндӱръ. Сары каанъ спустилъ темноту, переселилъ камни вихремъ. День сталъ темнымъ. Не услышишь крика другъ друга. Въ темнотѣ не найдешь другъ друга. Эрке Мӧндӱръ отправился. Онъ бѣжалъ, бѣжалъ. Камни вихремъ перемѣщаются съ мѣста на мѣсто. Далѣе спускается онъ въ темнотѣ. Шелъ, шелъ онъ и усталъ. Думая, что дошелъ до конца, прилегъ, зажмурились глаза его и онъ заснулъ. Утромъ, проснувшись увидѣлъ, что до конца озера только шесть саженъ. Въ черномъ озерѣ остался золотой ножъ безъ конца. Возвратился обратно Эрке Мӧндӱръ и видитъ, дочь Сары каанъ какъ золото стала желтѣть, стала сохнуть подобно дереву. Лежитъ больная. Говоритъ она ему: „Мужъ мой, Эрке Мӧндӱръ, видѣлъ ли ты въ черномъ озерѣ золотой ножъ! Это моя душа. Думалъ ты, что до конца дошелъ и ночевалъ. Оказалось, что нѣтъ. Теперь этотъ ножъ не попадетъ въ наши руки и мы разлучимся. Если добудешь его, я выздоровлю. Тогда Эрке Мӧндӱръ сѣлъ на кан йерина, пустился къ черному озеру. Долго ѣхалъ онъ. Наконецъ доѣхалъ. Отпускаетъ кан йерина и приказываетъ ему! „Пей на бѣломъ молочномъ озерѣ, ѣшь на горѣ Сӱрӱн.“

Эрке Мӧндӱръ самъ превратился въ бѣлаго чебака съ золотыми плавниками. Тотъ ножъ съ золотой ручкой проглотила большая щука съ ртомъ томыл. Сталъ гнаться, сталъ рыскать по дну моря. Схватился за большую гриву щуки чебакъ. Сдѣлавъ такъ, бѣлый чебакъ съ золотыми плавниками, плылъ по берегу бѣлаго моря и вдругъ встряхнулся, сталъ богатыремъ. Большую щуку выбросилъ на берегъ моря. Ставши богатыремъ, вспоролъ животъ щукѣ, разорвалъ желудокъ ей, досталъ золотой кестикъ ножъ, обмылъ бѣлымъ молокомъ. Сталъ блестѣть ножъ, какъ блескъ мѣсяца. Поѣхалъ Эрке Мӧндӱръ домой и видитъ, что дочь Сары каана ходитъ, опираясь на костыль. Послѣ этого они сдѣлали шестимѣсячный пиръ, семь лѣтъ веселились. Убили девять животныхъ байталъ, ихъ не хватило на пиръ. Убили еще девять животныхъ. Худые люди дрались за волосы лежа. Худыя собаки дрались (ѣли другъ друга) лежа. Эрке Мӧндӱръ съ женой пріѣхалъ домой. Что зналъ—разсказалъ, что не зналъ—осталось. Отъ себя я не говорилъ, отъ хорошихъ людей эти слова я слышалъ.

Козика и Баян-Сылу*).

Давно-давно жили черный царь и бѣлый царь. Черный царь выѣхалъ на охоту и встрѣтилъ бѣлаго царя; они поѣхали вмѣстѣ и увидѣли маралиху; замѣтивъ, что она была беременная, они не стали ее стрѣлять и стали спорить. Одинъ другому говоритъ: „ты стрѣляй“. А тотъ этому говоритъ: „ты стрѣляй“. „Нѣтъ, я не буду стрѣлять, потому что моя жена беременна“. „И моя жена съ животомъ“. И оба они не стали стрѣлять. Они говорятъ другъ другу: „такъ какъ наши жены обѣ беременны, заключимъ договоръ, до сихъ поръ мы были друзьями, а теперь да будемъ сватами. Если у одного изъ насъ родится сынъ, а у другого дочь, пусть они поженятся и составятъ новый домъ“. Тутъ они пожали другъ другу руки въ знакъ договора, распростились и разъѣхались. Черный царь, пріѣхавъ домой, узналъ, что его жена родила сына. Онъ говоритъ женѣ: „я уже высваталъ моему сыну невѣсту и сдѣлался сватомъ“. Жена спрашиваетъ: „у кого высваталъ невѣсту и кому сдѣлался сватомъ?“. Онъ говоритъ: „бѣлому царю сдѣлался сватомъ“. Въ это время въ царствѣ чернаго царя разнеслась молва, что у бѣлаго царя родилась дочь, которую назвали Баян-сылу. Черный царь далъ своему сыну имя Козика. Черный царь сказалъ: „когда мой сынъ выростетъ, то дочь бѣлаго царя мнѣ будетъ снохой“. Сказавъ это, онъ наложилъ сѣдло на коня, натянулъ мѣдныя подпруги, за пазуху себѣ положилъ ножницы со словами: „отвезу въ подарокъ Баян-сылу“, сѣлъ на лошадь и поскакалъ. На дорогѣ онъ свалился съ лошади, накололся на ножницы и умеръ. Жена его съ сыномъ осиротѣли и горько оплакивали его. Бѣлый царь, не дождавшись

*) Телеутская сказка есть варіантъ киргизской о Козу-Курпешѣ и Баянъ-сулу. Не ясно, получили-ли телеуты эту сказку изъ общаго тюркскаго источника или и это позднѣйшее киргизское вліяніе. Козу-Курпешъ извѣстенъ всей киргизской степи; его варіанты есть у кульджинскихъ тараччей; сказка была распространена также у башкиръ. На Кавказѣ одна изъ сказокъ татаръ-горцевъ, живущихъ при подошвѣ Эльбруса, начинается эпизодомъ о двухъ охотникахъ, встрѣтившихъ въ полѣ беременную самку оленя и отказывающихся стрѣлять въ нее. *Г. Потанинъ.*

пріѣзда Чернаго царя, спустя нѣкоторое время послалъ своихъ рабовъ узнать о здоровьѣ зятя *).

Женѣ чернаго царя не нравился бѣлый царь и его дочь; она стала наказывать своей собакѣ. Она запѣла: „Если человѣкъ придетъ отъ Бѣлаго царя, то встрѣчай съ лаемъ, завернувъ хвостъ кольцомъ. Если придетъ человѣкъ отъ народа, встрѣчай съ лаемъ, распустивъ хвостъ".

Спустя нѣкоторое время собака стала лаять, свернувъ хвостъ кольцомъ. Тогда жена чернаго царя своего сына Козика завернула въ грязныя пеленки и бросила его въ зыбку. Отъ чернаго царя пришли послы и сказали: „здравствуй, сватья"! Она: „здравствуйте, сваты"! Послы спросили: „какъ поживаетъ нашъ зять Козика"?

Старуха сказала: „Вонъ смотрите на него! А я сама съ нимъ не могу справиться, не то что кормить его". Козика лежалъ въ колыбели очень грязный. Послы ушли домой и передали бѣлому царю, что слышали и что видѣли. Царь, выслушавъ ихъ, разсердился, и перекочевалъ на новую землю, на новую воду. На пути перекочевки онъ въ одномъ мѣстѣ оставилъ собакъ, сказавъ: „будьте голодными волками"! такъ и сдѣлалось: собаки превратились въ волковъ. На дальнѣйшемъ пути онъ оставилъ домашнихъ птицъ, сказавъ: „будьте голодными орлами"! Птицы домашнія превратились въ орловъ. Еще далѣе онъ бросилъ лунообразное зеркало и сказалъ: „будь большимъ моремъ" **). Наконецъ онъ еще бросилъ свою гребенку ***) и сказалъ: „будь чернымъ лѣсомъ, черезъ который птица не перелетитъ". Стдѣлалось все такъ.

Къ чему это все? А вотъ къ чему: когда славный мужъ Козика поѣдетъ къ невѣстѣ, такъ вотъ чтобы эти заставы****) служили для него непреодолимыми препятствіями, чтобы волки его съѣли, орлы исклевали, чтобы онъ не переѣхалъ черезъ море и не переѣхалъ чрезъ лѣсъ.

Козика сталъ расти. Онъ сталъ играть въ бабки съ мальчикомъ, у котораго голова была острижена*****), а голени покрыты

*) По телеутскому обычаю отецъ жениха въ извѣстный срокъ долженъ или самъ навѣстить невѣсту, и привезти ей подарокъ, или вино, или послать своихъ слугъ.

**) Въ телеутскомъ текстѣ: онъ бросилъ ай куску и сказалъ: „будь ай тенись". Подъ именемъ ай тенись „луна-море" Телеуты разумѣть море не обыкновенныхъ размѣровъ.

***) Въ текстѣ: „таракъ".

****) Въ текстѣ пуудак, буквально узелъ.

*****) Въ текстѣ „бажы тасъ" его голова тасъ. Тасомъ называютъ мальчика, голова котораго острижена, чтобы предупредить отъ паршивости. Это дѣлается съ мальчиками осиротѣвшими, которымъ приходится расти безъ материнскаго попеченія.

чесоткой. Козика, если попадетъ въ цѣль, беретъ бабку, промахнется тоже беретъ бабку. Обиженный тасъ сталъ упрекать товарища. Они подрались. Тасъ говоритъ: „если ты такой молодецъ, почему не могъ взять замужъ невѣсту твою, которую высваталъ отецъ твой, дочь бѣлаго царя Баян-сылу?“.

Услышавъ это, Козика говоритъ: „постой, постой, миленькій, еще разъ повтори, что ты сказалъ, за это всѣ бабки отдамъ“. Тасъ сказалъ: „объ этомъ все знаетъ твоя мать“. Козика побѣжалъ къ матери домой, кричитъ ей въ окно: „мама, мама, гдѣ моя невѣста Баян-сылу?“ мать сказала: „пусть лошадь лягнетъ по щекамъ того, кто тебѣ это разсказалъ“. Козика, стоя подъ окномъ, плакалъ и все выспрашивалъ о своей невѣстѣ. Мать нехотя сказала: „перестань, дитя мое! по дорогѣ твоей невѣсты пусть ходятъ только собаки. Тебѣ ее не найти. Отецъ ея, не желая выдать ее за тебя, переселился далеко, переваливъ шестьдесятъ горъ и пересѣкши шестьдесятъ логовъ“.

Послѣ этихъ словъ матери, Козика велѣлъ гнать всѣ табуны домой; кинулъ шесть уруковъ *), попался худой не слинявшій бурый лоншачекъ. Козика сказалъ: „изъ шестидесяти табуновъ лошадей моего отца я надѣлился этимъ неслинявшимъ лоншакомъ“. Козика на своего коня сталъ накладывать золотое сѣдло и подтягивать шестьдесятъ подпругъ. Въ это время сюда пришла мать его и спросила: „куда, сынъ мой, направляешь путь?“ Козика отвѣтилъ: „куда мнѣ больше, мама? хочу ѣхать искать мою невѣсту Баян-сылу“. Мать, отговаривая его, говорила: „отставь дитя! ребро твое не окостенѣло и кал-дууръ**) твой не окрѣпъ. Не торопись“. Козика не обратилъ вниманія на мать, сказалъ: „Поѣду!“ Мать увидя, что сынъ не слушаетъ ея, запѣла:

Когда у вороной кобылы хвостъ и грива будутъ бороздить
по снѣгу,
Кто ей обрѣжетъ ихъ, Козика?
Когда я, мать старуха, умру,
Кто меня похоронитъ, Козика?
Когда у соврасой кобылы хвостъ и грива волочатся по полю
Кто ей обрѣжетъ ихъ, Козика?

*) Учукъ—длинная жердь съ петлей для ловли лошадей, употребляемый киргизами и монголами. Это слово не извѣстно телеутамъ и встрѣчается только въ ихъ сказкахъ. Для ловли лошадей телеуты употребляютъ петлю безъ жерди, которая называется „чалма“.

**) Кал-дууръ—слово, значеніе котораго телеутами утрачено.

Когда я, мать твоя, тоскуя помру,
Кто похоронитъ, мои кости, Козика?
Козика поетъ: У вороной матки гриву и хвостъ пусть
народъ обрѣзаетъ,
Когда, ты, моя старая мама, помрешь,
Пусть тебя закопаетъ моя черная собака.
У саврасой кобылы гриву и хвостъ
Пусть подрѣзаютъ рабы.
Мама, когда скучая по мнѣ помрешь,
Пусть тебя закопаетъ желтая твоя собака.

Козика распрощался съ матерью, вышелъ на улицу садиться на лошадь, но вернулся назадъ въ домъ и сказалъ матери: „мама, мама, дай пососать правую грудь, чтобы мнѣ не скучать на чужой землѣ“. Мать дала грудь. Козика сталъ сосать, разъ втянулъ въ себя „молоко“, другой разъ потянулъ, въ третій разъ втянулъ и мать умерла. Онъ похоронилъ ее на гривѣ, сѣлъ на свою лошадь, помчался вскачь. Вотъ онъ ѣхалъ-ѣхалъ, доѣхалъ до голодныхъ волковъ. Волки бѣгутъ къ нему на встрѣчу. Конь сталъ говорить почеловѣчески: „хозяинъ мой, славный всадникъ Козика, какъ мы переѣдемъ чрезъ пуудакъ?“ Козика сказалъ: „пусть объ этомъ знаетъ мой большой палецъ“. Волки стали нападать на Козика. Онъ взялъ въ руки лукъ и стрѣлу и пустилъ стрѣлу по волкамъ, всѣ были убиты. Дальше онъ доѣхалъ до голодныхъ орловъ и также застрѣлилъ всѣхъ. Дальше онъ доѣхалъ до лунообразнаго моря; насталъ не переходимый день. Бурка говоритъ: „славный мой хозяинъ, вернись на мѣсячный путь, разорви мои губы до ушей, ударь по холкѣ чтобы, отлетѣлъ кусокъ мяса величиной съ двухлѣтнюю лошадь“. Козика вернулся на мѣсячный путь, пустилъ лошадь, натянулъ повода, разорвалъ ротъ до ушей, ударилъ по холкѣ, такъ что оторвался кусокъ мяса величиною съ двухгодовалую лошадь. Лошадь перепрыгнула чрезъ море. Онъ помчался дальше и даже не оглянулся. Доѣхалъ онъ до большого лѣса и не можетъ найти мѣсто черезъ него переѣхать. Онъ взялъ въ руки стрѣлу и лукъ и пустилъ стрѣлу въ лѣсъ; она пролетѣла сквозь лѣсъ и сдѣлала путь, по которому онъ и проѣхалъ. Ѣдетъ далѣе; пасутся шестьдесятъ табуновъ лошадей. „Чьи табуны?“ спросилъ онъ. Пустухи отвѣтили: „бѣлаго царя“. Козика спросилъ: „что новаго у него на родинѣ?“ „Ничего нѣтъ новаго, только царь нашъ дочь выдаетъ замужъ“. „За кого

выдаетъ?" „За Саныскана *), сына Ямана". „А-а" сказалъ Козика. Дальше онъ доѣхалъ до пастуховъ овецъ. „Чьи овцы, дружокъ, и что новаго на родинѣ вашего царя?" Пастухъ отвѣтилъ: „царь нашъ выдаетъ дочь замужъ". „За кого выдаетъ?" „За Саныскана, сына Ямана". „Когда выдаетъ?" „Слышалъ, что выдаетъ, но когда не слыхалъ". Козика поѣхалъ дальше, доѣхалъ до пастуха телятъ. Спросилъ: „Чьихъ телятъ пасешь?" „Телятъ бѣлаго царя". „Что новаго на родинѣ царя?". „У царя свадьба". „Когда?". „Завтра будетъ". Если такъ то, пусти меня къ себѣ ночевать?". „Ночуй, ночуй". Козика остался ночевать у пастуха. Пастухъ, обрадовавшись гостю, убилъ теленка, сварилъ мясо и сталъ угощать его. На другой день утромъ Козика говоритъ пастуху: „постой, дружечекъ, на лбу у тебя сидитъ муха. Позволь мнѣ убить ее щелчкомъ?". „Скорѣе щелкни ее". Козика щелкнулъ въ голый лобъ**) такъ сильно, что убилъ пастуха; онъ разбилъ ему лобъ. Козика снялъ съ пастуха Таса одежды, надѣлъ на себя и превратился въ Таса, сталъ пастухомъ. Онъ погналъ телятъ домой. Загоняетъ ихъ въ хлѣвъ***); они не идутъ въ него. Разсердившись, онъ хватаетъ ихъ за ноги и бросаетъ во дворъ, а телята всетаки напираютъ вонъ изъ двора. Сюда прибѣжалъ „шімекчі"****). Кричитъ на Козика: „охъ ты, Тасъ! какъ-же ты раньше загонялъ?". „А-а, я забылъ", отвѣтилъ Козика. „Скажи мнѣ, милый шимекчи, какъ я раньше загонялъ?". „Ты говорилъ раньше: заходи, заходи". Тогда Козика сталъ говорить: „заходи, заходи" и телята пошли во дворъ. Когда Козика освободился отъ телятъ, онъ видитъ: на площади собрался народъ, готовятся къ свадьбѣ, колятъ „баіталъ*****)" и варятъ мясо.

Козика направился къ народу и подошелъ къ нему, народъ, увидѣвъ его, сталъ смѣяться, потому, что онъ не зналъ, что это Козика******). Нѣкоторые изъ людей стали говорить: „постойте, ребята, заставимте Таса спѣть". Тасъ сказалъ: „дайте мнѣ кусокъ мяса

*) Въ текстѣ: Яманъ улы саныскань. Можно перевести и такъ: за сына худого" за сороку. Мѣстами въ сказкѣ вмѣсто Саныскань записано Яныскань: Янысъ „одинокій".

**) Въ текстѣ тасъ камака.

***) Въ текстѣ чуланъ. Такъ по-телеутски называется дворъ, куда загоняются лошади.

****) Слуга.

*****) Не жеребившаяся кобыла

******) Козика явился къ народу не въ своемъ видѣ, а подъ видомъ Таса.

и ковшикъ супу, а я вамъ спою". „Надо дать" говорятъ они. А другіе говорятъ: „не балуйтесь съ дуракомъ". Тогда одинъ изъ сайзановъ далъ ему кусокъ мяса и черпакъ супу. Козика, наѣвшись мяса и супу, сказалъ: „ну слушайте, я вамъ спою". Козика начинаетъ пѣть:

Годится-ли въ приданое царю мой вороной двухлѣтній конь
съ выгнутою спиною?
Сдѣлается-ли зятемъ царю черный Тасъ, пришедшій слѣдомъ за нимъ?
Годится-ли въ приданое царю мой бурый двухлѣтній конь
съ горбатою спиною?
Сдѣлается-ли второй разъ зятемъ господину желтый Тасъ
пришедшій въ догонку.

Онъ спѣлъ такъ.

Нѣкоторые кричатъ: „его нужно поймать", другіе кричатъ: „нужно сказать царю", третьи говорятъ: „это не Тасъ, а должно быть Козика, сынъ чернаго царя". Тутъ Козика скрылся, стали его искать, но не нашли. Козика напустилъ буранъ и морозъ. Готовившіеся къ свадьбѣ забыли про нее. Прошло много-ли мало-ли времени, Бѣлый царь выѣхалъ собирать скотъ. Онъ съ собою взялъ дочь Байанъ-сылу отпускать жеребятъ, которые привязаны въ рядъ. Съ одного конца ряда стала отпускать Баянъ-сылу, а съ другого конца отпускалъ Тасъ. Отпуская по одному, они уже приблизились другъ къ другу. Между ними остался только одинъ жеребенокъ. Объ этомъ жеребенкѣ произошелъ споръ. Одна говоритъ: „ты отпусти", а другой говоритъ: „нѣтъ, ты отпусти". Такъ спорила Баянъ-силу съ Тасомъ. Тутъ Тасъ схватилъ Баян-сылу за грудь. Баян-сылу разсердилась и сказала: „ты, негодяй! Зачѣмъ трогаешь мою грудь? тебѣ смѣяться надо мной не годится. Я прикажу за это отрубить тебѣ голову" и ударила его палкой по головѣ. Какъ только палка коснулась до головы его, голая голова (тас) превратилась въ Козика. Баян-сылу стала спрашивать: „кто ты такой?". Козика отвѣтилъ: „я слышалъ, раньше тебя просватывали за меня. Я твой женихъ Козика. Я сынъ чернаго царя." Послѣ этихъ словъ Баян-сылу сказала: „я вижу, ты мой будущій мужъ". Схватила его за шею и обнявши повела въ свой домъ. Зашли. Козика остался ночевать у Баянъ-сылу. Проснувшись утромъ, слышатъ, что пропѣли пѣтухи. Баянъ-сылу сказала Козика: „загорѣлась видно заря: курицы и пѣтухи уже не поютъ". Козика въ отвѣтъ поетъ:

„Загорается заря или не загорается,
А тебя, мой другъ, я не отпущу.
Загорается заря иль не загорается,
А тебя, моя ненаглядная, я не отпущу".

Когда они заходили (наканунѣ) въ домъ, то забыли запереть дверь на задвижку. Прислужница, ухаживавшая за Баян-сылу, отворила дверь, увидала ихъ и вновь затворила. Она пошла къ матери и отцу Баянъ-сылу, и разсказала, что сестрица спитъ съ чужимъ мужчиной. Мать Баянъ-сылу, какъ только услыхала это, побѣжала и схватилась за скобку, но дверь уже успѣли изъ-внутри заложить. Мать не могла отворить дверь и запѣла:

„Ты, Баян-сылу, непьющая напитковъ,
Гдѣ напилась?
Ты, Баян-сылу, непортившая свою нравственность,
Зачѣмъ ее испортила?
Ты, Баянъ-сылу, не пьющая вина,
Гдѣ напилась?
Ты Баян-сылу, непортившая умъ,
Почему испортила его?"

Баянъ-сылу, услыхавъ пѣсни матери, сказала: „мама, ты изъза меня не страдай. Я вышла за мужъ за того, за кого должна была выйти,—вотъ я и вышла за Козика. Саныскана, сына Ямана, проводите домой". Мать пришла домой и разсказала обо всемъ мужу, сыновьямъ и снохамъ. Эти стали собираться убить Козика. Они послали одного человѣка, чтобы позвать Козика. Посланный сказалъ: „твой тесть зоветъ тебя къ себѣ". Козика сталъ собираться итти къ тестю. Баян-сылу стала уговаривать его не ходить. Козика не послушался ея. Передъ уходомъ Баянсылу сказала ему: „ты не пей вина, которое приготовлено ими для тебя". „Хорошо, не буду пить". Козика ушелъ. Тесть и теща вышли навстрѣчу къ нему, схватили за руки и потащили въ домъ. Козика былъ посаженъ въ переднемъ углу дома. Налили въ золотую чашку вина, поднесла къ Козика. Козика не хотѣлъ пить, но выпилъ, полетѣлъ въ окно и угодилъ на спину своего бурки, который стоялъ подъ окномъ. Бурка вскачь помчался въ поле съ Козикой. Въ пути онъ встрѣтился съ Санысканомъ, сыномъ Ямана. Тотъ взялъ въ руки лукъ и стрѣлу и пустилъ ее; стрѣла попала въ ногу Козики и пронзила ее.

Бурка поскакалъ дальше и доскакалъ до берега рѣки Чуя и густо ростущихъ тамъ тополей. Козика свалился тутъ съ лошади и остался одинъ (конь ускакалъ). Козика сталъ страдать отъ голода и жажды. Козика видитъ, что къ нему приближаются волки, и слышитъ—они говорятъ: „скоро-ли умретъ, Козика? мы бы поглодали его кости". Козика лежа сталъ стрѣлять въ волковъ. Тутъ прилетѣли къ нему орлы и говорятъ: „скоро-ли умретъ Козика? мы бы поѣли его кости". Козика и ихъ сталъ стрѣлять. Еще къ нему прилетѣла маленькая птичка. Козика обратился къ ней съ просьбой: „славная птица! (посъ-торкой!) выслушаешь-ли мою просьбу? когда я выйду изъ этого положенія, то твое добро не забуду". Птичка сказала: „послушаю". Козика написалъ письмо къ Баян-сылу. Онъ наказалъ птичкѣ: „иди къ Баян-сылу, проси у нея пищи". Письмо привязалъ къ крылышку,—и птичка улетѣла.

Баян-сылу, между тѣмъ, распустивъ волосы, плакала по Козика. Птичка прилетѣла къ ней и сказала: „меня послалъ человѣкъ, котораго зовутъ Козика; вотъ тебѣ письмо". Баян-сылу прочитала письмо и ей стало легче. Она привязала пищу къ крылышкамъ птички. Птичка прилетѣла къ Козика. Такъ птичка стала кормить Козика; она прилетала каждый день къ Баян-сылу за пищей. Снохи Баян-сылу замѣтили птичку и стали говорить: „отчего Баян-сылу стала веселой? навѣрное женихъ ея живъ". Нѣкоторыя говорятъ: „полно говорить! Не можетъ быть, что бы онъ былъ живъ". Одна изъ снохъ говоритъ: „я узнаю объ этомъ". Она увела Баян-сылу изъ дому далеко и тамъ ее заперла. Въ домѣ, въ которомъ спала Баян-сылу, стала спать сноха. Въ эту ночь птичка залетѣла къ ней за пазуху; она не узнала, что это не Баян-сылу. Сноха поймала ее и стала разспрашивать, гдѣ Козика. Птичка отвѣчала: „не знаю". Тогда сноха стала выдергивать перья у птички и спрашиваетъ, гдѣ Козика. Птичка не сказываетъ. Сноха стала выщипывать перья изъ крыльевъ, а птичка всетаки не говоритъ. Сноха говоритъ: „скажи, а то поломаю крылья". Птичка не сказываетъ. Тогда сноха изломала крылья у птички. Наконецъ она хочетъ свернуть шею у птички, а птичка говоритъ: „что хочешь, то и дѣлай, а всетаки я незнаю его и не скажу". Сноха свернула шею птичкѣ. Когда свертывала шею птичкѣ, та промолвилась „Чукъ". Снохи, умертвивъ птичку, стали собирать народъ, чтобы узнать, гдѣ нахо-

дится мѣстность Чукъ. Онѣ стали спрашивать у собравшагося народа, гдѣ находится мѣсто Чукъ и что это за мѣсто? Никто не знаетъ, что за мѣсто Чукъ. Только, одинъ старикъ съ бѣлой головой сказалъ: „Я знаю. Это мѣсто находится возлѣ берега рѣки Чуя; тамъ есть тополи Чукъ". Этотъ старикъ повелъ снохъ къ тополямъ Чукъ. Они дошли до тополей Чукъ. Тутъ они нашли Козика, лежитъ не живой и не мертвый. Тогда, онѣ убили Козика и ушли домой. Когда они пришли домой, Баян-сылу спросила ихъ: „откуда вы пришли? не за мараламиили ходили, не принесли-ли маральяго мяса? не за козлами-ли вы ходили, не принесли-ли козьяго мяса?". Ей никто не отвѣтилъ. Баян-сылу догадалась и стала плакать: „Какъ бы мнѣ увидать Козика, какимъ образомъ мнѣ съ нимъ соединиться?".

Откуда-то Баян-сылу узнала, что два таса ходили со снохами убивать Козика. Она ихъ призвала и спросила: „за котораго изъ васъ мнѣ выйти замужъ?" Тасы стали кричать; одинъ кричалъ: „за меня!" другой кричалъ: за меня!" Они стали спорить, плевать другъ на друга и наконецъ подрались.

Баян-сылу сказала: „постойте, я васъ испытаю. Кто изъ васъ знаетъ гдѣ убитъ Козика, тотъ пусть поведетъ меня къ нему и я за того выйду замужъ".

Тѣ сказали: „знаемъ" и стали споритъ, кому вести ее.

Баян-сылу сказала: „Какъ видно, вы оба не знаете. Тогда пойдемте всѣ и узнаемъ правду. Когда дойдемъ до трупа Козика, тамъ я еще разъ испытаю васъ". Два таса повели Баян-сылу къ трупу Козика. Они шли, шли и дошли. Когда дошли къ Козика, у него еще не высохли слезы на глазахъ и не застыла кровь въ въ ранахъ.

Два таса стали кричать: „ты за котораго изъ насъ выйдешь замужъ?" Она сказала: „идите на берегъ, спуститесь въ воду, достаньте песку со дна рѣки. Кто первый принесетъ, за того выйду замужъ".

Тазы сказали: „какъ достать песокъ? Берега рѣки крутые, а рѣка быстрая".

Она сказала: „подождите, тасы, я вамъ привяжу веревку за шею, а то, правда, трудно достать".

Баян-сылу привязала веревку къ ихъ шеямъ, и держа за конецъ веревку, стала спускать ихъ въ воду. Когда тасы спустились въ воду Баян-сылу отпустила веревку. Тасы утонули.

Баян-сылу взяла ножъ, поставила его чернемъ на грудь Козика, къ острею ножа приставила свою грудь и сильно прижалась къ тѣлу Козика. Она умерла вмѣстѣ съ Козика.

Въ домѣ Баян-сылу потеряли ее и стали искать. Нѣкоторые говорятъ: „она ушла смотрѣть трупъ Козика". Тогда сынъ Ямана Саныскапъ поѣхалъ искать ее туда, гдѣ трупъ Козика. Пріѣхалъ онъ туда и видитъ, Баян-сылу лежитъ мертвая, обнявши Козика. Сыну Ямана Саныскану стало жаль Баян-сылу и онъ зарѣзалъ самъ себя. Тутъ онъ и умеръ. Послѣ этого пришли сюда снохи и увидѣли, что Баян-сылу умерла обнявши Козика, а въ сторонѣ лежитъ трупъ Саныскана, сына Ямана. Онѣ убили собаку, которая пришла съ ними, положили ее подлѣ тѣла Козика, а тѣло Баян-сылу оттащили къ трупу Саныскана и ушли домой. На другой день утромъ онѣ пришли опять посмотрѣть на Баян-сылу и видятъ, что тѣло Баян-сылу попрежнему лежитъ возлѣ тѣла Козика, а собака подлѣ Саныскана. Онѣ тѣло Козика перетащили за рѣку Чу, а тѣло Баян-сылу подложили къ Саныскану и ушли домой. На третій день онѣ пришли опять посмотрѣть и видятъ: Козика лежавшій за рѣкой, выросъ каменной горой, а на этой сторонѣ Баянъ-сылу тоже выросла каменной горой; обѣ горы своими вершинами срослись надъ рѣкой. Снохи стали злиться и зарѣзались съ огорченія. Пришли два брата Баян-сылу и съ горя тоже зарѣзались. Пришелъ отецъ и съ горя умеръ. Пришла мать и тоже умерла. На мѣстѣ, гдѣ умерли Козика и Баян-сылу, вмѣстѣ съ ними умерло одиннадцать (?) человѣкъ. Тутъ-же умерла черная собака.

Славный мужъ Козика и славная дѣвица Баян-сылу донынѣ. срослись надъ рѣкой Чу, стоятъ подъ видомъ каменныхъ горъ.

Записана въ телеутскомъ селѣ Челухой телеутомъ Д. Хлопатинымъ лѣтомъ 1912 года.

Какъ Јајучі—творецъ переселился съ земли на небо, оставивъ на ней горе и печаль.

(Преданіе о горѣ Бабырганѣ);

Јајучі—творецъ міра прежде жилъ на землѣ; у него были дочь и сынъ. Сынъ заболѣлъ надолго. Јајучі не нашелъ средства вылечить сына, наконецъ онъ отправился къ каму Бабыргану, и придя къ нему, сказалъ: „Камъ Бабырганъ, у меня хвораетъ сынъ и не поправляется, съѣзди къ нему и по камлай надъ нимъ". „Не имѣю препятствій могу", сказалъ Бабырганъ. Онъ пріѣхалъ къ больному сыну јајучі и сталъ камлать надъ нимъ. Прошелъ годъ, сынъ јајучі не получилъ здоровья. Бабырганъ сталъ проситься домой. Јајучі не задержалъ его и за труды далъ ему много добра, подарилъ ему осѣдланнаго коня, на которомъ Бабырганъ поѣхалъ домой. Јајачі преобразился въ простого человѣка и сталъ на дорогу, по которой поѣдетъ Бабырганъ. Онъ встрѣтилсл съ Бабыганомъ и спрашиваетъ: „Отецъ камъ, откуда ѣдешь?" Бабырганъ охнулъ и сказалъ: „Я былъ у јајучі, а теперь ѣду домой. У него хвораетъ сынъ, а я камлалъ надъ нимъ". „Какъ по-твоему, выздоровѣетъ-ли больной сынъ у јајучі"? спросилъ јајучі. „Мнѣ лишь бы подарки, а сынъ его, навѣрно, давно высушилъ пятки".

Тутъ јајучі сталъ проклинать Бабыргана: „Будь теперь не птица летающая и не звѣрь бѣгающій за твое неблагожеланіе къ своему јајучі—творцу".

Бабырганъ тутъ же пріобразился въ летягу, т. е. въ существо не птица и не звѣрь, и ушелъ жить въ лѣсъ.

Јајучі, не могши вылечить сына, отправился къ каму Куікенеку, приглашать его покамлать надъ его сыномъ. Пришедши къ нему, сказалъ: „Хвораетъ сынъ у меня; пойди, покамлай надъ нимъ". Камъ Куікенекъ отвѣтилъ: „Не имѣю препятствія, можно".

Јајучі и Куікенекъ пришли къ больному. Куікенекъ прокамлалъ пѣльный годъ, не вылечилъ сына јајучі и сталъ проситься ѣхать домой. Јајучі наградилъ Куікенека и отпустилъ домой, а самъ, преобразившись въ простого человѣка, сталъ на дорогѣ, по которой поѣдетъ Куікенекъ. Когда Куікенекъ проѣзжалъ мимо него, онъ просилъ: „Отецъ камъ, откуда ѣдешь?“ Куікенекъ отвѣчаетъ: „У јајучі хвораетъ сынъ, я камлалъ, надъ нимъ, а теперь ѣду домой“. „Я слыхалъ, что хвораетъ сынъ у јајучі. Какъ по твоему, выздоровѣетъ или нѣтъ сынъ јајучі?“ спрашивалъ јајуічі кама „Я получилъ то, что мнѣ нужно было, а до сына јајучі нѣтъ у меня дѣла, онъ навѣрно теперь уже умеръ“, отвѣтилъ камъ Куікенекъ. Јајучі разсердился на кама Куікенека и проклялъ его: „Будь ты теперь птицей и камлай только мышамъ“. Камъ Куікенекъ преобразился въ птицу и полетѣлъ въ пространство. Ястребокъ, который паритъ на одномъ мѣстѣ, это и есть камъ Куікенекъ. Онъ паритъ и камлаетъ надъ мышами.

Јајучі вернулся домой. Сынъ его лежалъ на предсмертномъ одрѣ. Прошло тридцать лѣтъ, какъ захворалъ сынъ у јајучі и онъ умеръ.

Јајучі по умершимъ сынѣ впалъ въ печаль и горе. Дочь его, не могшая перенести горе по брату, преобразилась въ кукушку и вылелѣла въ окно. Сноха јајучі, жена умершаго сына, хотѣла остановить золовку, ухватилась за ногу и успѣла сдернуть съ ея ноги одинъ чулокъ. Дочь јајучі полетѣла кукушкой. У јајучі къ печали прибавилась печаль, къ горю горе. Онъ сказалъ: „Горе и печаль пусть остаются на землѣ людямъ“, а самъ вознесся на небо.

Съ этого времени на землѣ существуетъ горе и печаль. Теперь, когда умираетъ свой человѣкъ, намъ становится очень жалко и мы печалимся и горюемъ, а раньше, говорятъ, этого не было.

Дочь јајучі, вылетѣвшая изъ окна кукушкой, теперь летаетъ и кукуетъ такъ: пос кіе, т. е. сѣрая кочма! Она вспоминаетъ ту кочму, на которой лежалъ сынъ Јајучі во время болѣзни.

Какъ сӧбкъ—голая кость. Этимъ звукомъ кукушка вспоминаетъ, что братъ ея лежалъ больной, что у него были только одни кости. Кестікъ—имя сына Јајучі.

У кукушки одна нога синяя, а другая красная. Синяя нога безъ чулка, а красная въ чулкѣ. Камъ Бабырганъ обратился въ летягу (бабырган); камъ Куікенекъ въ ястреба (куікенек). Дочь творца обратилась въ кукушку (куук). А самъ творецъ переселился съ земли на небо.

Другой варіантъ записанаый мной же, напечатанъ, въ „Сибирской Жизни“ въ 1912 году въ статьѣ „Гора Бабырганъ“. Содержаніе тоже самое, только конецъ другой. Jajучі, убѣдившись изъ отвѣта кама въ его безучастномъ отношеніи къ больному царевичу, обратилъ кама въ каменную гору, которая и теперь стоитъ на лѣвомъ берегу р. Катуни извѣстна подъ именемъ „Бабырган“

Колборко.

(Записано у бачатскихъ телеутовъ.)

Послѣ того, какъ Богъ сотворилъ все, люди не знали, какъ добыть огонь. Они собрали всѣ одушевленные существа и спрашивали ихъ, какъ добыть огонь. Собрались всѣ звѣри и птицы, но никто изъ нихъ не зналъ (какъ добыть огонь). На собраніе не явилась только одна птица „Колборко“, за которой послали особыхъ пословъ (людей, или одного человѣка).

Посолъ, когда пришелъ къ Колборко, увидалъ, что она летаетъ въ верху подъ небомъ.

Посолъ говорилъ ей: „Колборко, тебя требуютъ“.

Колборко отвѣчала: „Мнѣ некогда“.

— Что ты дѣлаешь?

— „Что мнѣ дѣлать?—считаю, сколькно на небѣ звѣздъ, на землѣ кочекъ!“

Посолъ говоритъ: „Колборко, тебя просятъ, чтобы ты непремѣнно пришла на собраніе“.

Колборко говоритъ (спрашиваетъ): „зачѣмъ я такъ нуженъ людямъ“?

„Ты нуженъ людямъ потому, что у нихъ нѣтъ огня и не знаютъ, какъ добыть его, и чтобы ты указала, какъ добыть огонь“.

Колборко говоритъ: „Развѣ нѣтъ губы на березѣ (мешке) или нѣтъ камня въ скалѣ?“

Послы возвратились и сказали, что Колборко не придетъ на собраніе, но что она говоритъ: „чтобы добыть огонь, развѣ нѣтъ на березѣ губы и на скалѣ камня?“

По указанію Колборко люди изъ камня высѣкли огонь и сожгли березовую губу и научились добывать огонь, а птица Колборко такъ и не явилась на собраніе.

Телеутскія названія пальцевъ.

	Дѣтскія.	Обычно употребляемыя.
б. п.	Пат-паіран	Эргек[6]
б. п.	Пада-коірон[1]	ус-кол
с. п.	Ортон-онус[2] [3]	Ортон-кок[7]
б. п.	Орун-јібек[4] [5]	Ады-јок-кол
м. п.	Кічу-бааі	Чычалык-кол.

1) Ортон-средній
2) Орун—мѣсто
3) јібек—шелкъ
4) Кічу—маленькій
5) бай—младенецъ
6) ус—мастеръ
7) Ады—јок-имени нѣтъ.

Изъ альбомовъ художника Г. И. Гуркина.

Осенью 1914 года художникъ Г. И. Гуркинъ выѣхалъ изъ долины Катуни въ Томскъ, чтобы приготовить свои полотна для своей послѣдней выставки, и вывезъ сюда альбомы своихъ набросковъ и кроки.

Алтайскій художникъ въ своемъ развитіи идетъ по слѣдамъ своего учителя Ив. Ив. Шишкина. Прикованный своими дѣтскими впечатлѣніями къ природѣ Вятскаго края и къ родственной съ нею лѣсной полосѣ, и оставшійся до конца жизни вѣрнымъ своему предназначенію дать отраженіе этой природы на полотнѣ, Шишкинъ, изучая ее, постепенно переходилъ отъ крупныхъ этюдовъ къ деталямъ. Онъ изучалъ, изъ какихъ растеній составляется плато, окружающее стволъ сосны, какія растенія образуютъ бордюръ вдоль поверженной на землю колоды. Онъ доходилъ до того, что приводилъ въ восторгъ ботаника, который въ его мазкахъ узналъ видъ грушанки; и подъ конецъ почти превратился въ натуралиста. Хотя Шишкинъ писалъ исключительно пейзажъ, но во время своей работы онъ не думалъ только о срубленныхъ пняхъ, о покрытыхъ мхомъ колодахъ: онъ переживалъ въ это время и воспоминанія совершенно въ другомъ родѣ. Когда онъ рисовалъ лѣсную трущобу, въ его памяти мелькалъ образъ крестьянина-промышленника, стрѣляющаго по рябчикамъ. Лѣсъ передъ нимъ оживалъ не только въ своихъ краскахъ, но и въ своихъ звукахъ и шумахъ. Совершенно тоже самое мы замѣчаемъ и въ Гуркинѣ. Хотя онъ такъ же свою кисть посвящаетъ исключительно пейзажу, но передъ его глазами Алтай постоянно живетъ своей полной жизнью. Его интересуетъ не одинъ пейзажъ, но также и жизнь обитателей Алтая, которую онъ наблюдаетъ до крайнихъ ея подробностей. Въ послѣднее время художникъ немало удѣлялъ вниманія этнографіи, не мало отдалъ времени на

зарисовываніе предметовъ алтайской культуры и бытовой обстановки алтайцевъ.—Его собраніе—шесть папокъ посвящено этнографіи; въ папкѣ орнаментовъ находится 63 рисунка, въ папкѣ типовъ 70 №№, въ папкѣ снимковъ съ бубновъ и курмужековъ съ принадлежностями 65 №№, въ папкѣ, посвященной курганамъ и писаницамъ 21 №№, въ папкѣ иллюстрацій къ алтайскимъ сказкамъ 60 №№, въ папкѣ камланія 75 №№. Къ своей замѣткѣ я прилагаю три рисунка, заимствованные изъ этого собранія. Объясненія къ нимъ написаны самимъ художникомъ. Курмежекъ Шалыхъ къ моей статьѣ „О сборахъ Анохина“ нарисованъ г жей Уткиной, остальные пять рисунковъ, помѣщенные въ этомъ томѣ „трудовъ“ всѣ нарисованы г-мъ Гуркинымъ.

Г. Потанинъ.

1. Курмежекъ Тарханъ-Чалу. (Рис. 1). Зарисованъ въ юртѣ шаманки Муна, которая живетъ въ долинѣ р. Мукуръ-Чарга (въ южской волости). Муна принадлежитъ къ поколѣнія (сӧӧк) Іус; она дочь Чичкина Пупакова, 47 лѣтъ, порусски ее зовутъ Домна.

Курмежекъ состоитъ изъ трехъ бѣлыхъ полосъ пальца въ два шириной; каждая полоса перевязана въ трехъ мѣстахъ: вверху, на нижнемъ концѣ и въ серединѣ, красными лоскутками. Верхними концами полосы привязаны къ шнурку, посредствомъ котораго курмежекъ подвѣшивается къ одной изъ жердочекъ, образующихъ сводъ юрты. Длина полосъ двѣ четверти аршина. Матеріалъ бѣлый миткаль или бѣлый холстъ.

Рис. 1.

Чалу шаманскій терминъ. Когда шаманъ путемъ камланья откроетъ, какимъ духомъ наслано бѣдствіе, онъ говоритъ, что нужно дѣлать „чалу“ этого духа, т. е. курмежекъ, изображающій этого духа. Отсюда видно, что терминъ чалу соотвѣтствуетъ нашимъ „икона“, „образъ“. Подъ словомъ чалу алтайцы разумѣютъ также шаманскій бубенъ.

Тарканъ собственное имя курмежека. Оно взято изъ монгольскаго *тархан* „кузнецъ“, но и въ Монголіи встрѣчается въ качествѣ собственнаго. Въ монгольскихъ легендахъ встрѣчается имя шамана Тарханъ, который увезъ дочь или жену хана и потомъ окаменѣлъ; одна каменная баба съ этимъ именемъ стоитъ къ западу отъ г. Хобдо, другая въ долинѣ р. Эгъ къ в. отъ оз. Косоголъ. Въ алтайскихъ и сойотскихъ сказкахъ встрѣчается еще имя Таракан въ сочетаніи съ словомъ *тас*, „плѣшивый“: Тасъ-Таракан. Сходное сочетаніе въ одномъ шаманскомъ терминѣ у телеутовъ. Когда телеуты камлаютъ Адаму, соотвѣтствующему у нихъ алтайскому Ерлику, они выставляютъ пять ту-

есовъ, изъ которыхъ три выдѣляются изъ остальной группы тѣмъ, что снаружи получаютъ берестяные пояски. Вырѣзываютъ изъ бересты три ленты и опоясываютъ ими каждый изъ трехъ бубновъ подъ самымъ ихъ верхнимъ краемъ. Эти берестяныя ленты или пояски называются *тас таржа.*

2. Курмежекъ Эки-башту-канымы (канымъ съ двумя головами), Сдѣланъ изъ дерева; состоитъ изъ цилиндрическаго стержня, на каждомъ концѣ котораго изображена человѣческая голова; верхняя голова на темени снабжена веревочкой для подвѣшиванія къ стѣнѣ юрты. Къ шейкѣ подъ верхней головой привязана красная лента, *ялама* Этотъ курмежекъ считается покровителемъ всѣхъ черневыхъ татаръ. Зарисованъ въ вершинѣ рѣчки Аноса; распространенъ въ чертѣ между Телецкимъ озеромъ и Катунью. Въ честь этого курмежека поется *алкыш сёс* (молитва): *алты учи Ерлик пійле тиль алышкан, ӱсту ӱ бажи Улген пійле тиль алышканъ, дер каным тӧсту ӱсту пуура кайкылу.*

Рис. 2.

Переводъ; нижній конецъ бесѣдуетъ съ біемъ Ерликомъ, верхняя голова бесѣдуетъ съ біемъ Ульгенемъ земной мой, кровный, поклонный, болѣе необыковенный, чѣмъ вышній буура.

Этотъ курмежекъ вѣшается въ юртѣ на стѣнѣ между мужской и женской половиной противъ входныхъ дверей.

Канымъ значитъ кровный, отъ слова кан—кровь. Эки башту канымъ почитается фамильнымъ, родовымъ, кровнымъ курмежекомъ всѣхъ черневыхъ татаръ. У шаманки Муна два бубна; въ одномъ вертикальная поперечина имѣетъ изображеніе человѣческаго лица только въ верхнемъ концѣ, внизу она кончается развилиной. Въ другомъ же бубнѣ такая же поперечина съ двумя головами: вверху и внизу. Послѣдній бубенъ шаманка называла тунгурь-канымъ, т. е. кровный бубенъ. Такой же бубенъ съ двумя головами я видѣлъ у кама Балыкчи на Телецкомъ озерѣ.

Первыя двѣ строчки алкыша хотятъ сказать, что этотъ курмежекъ такъ великъ, что верхняя его голова находится на одномъ уровнѣ съ небомъ, гдѣ пребываетъ Ульгенъ, а нижняя голова достигаетъ преисподней, гдѣ находится царство Ерлика. Въ третьей строкѣ словомъ поклонный переведено алт. тӧсту.

Тӧсъ—жертва, тӧсту—достойный жертвъ. Горы, которымъ поклоняются и приносятъ жертвы, называются тӧс-ту-тайка; тайка—высокая гора, поднимающаяся выше верхней предѣльной линіи лѣсовъ. Буура—миѳическій, летучій конь, на которомъ шаманъ совершаетъ свои воздушныя поѣздки. Кайкылу—удивительный.

3. Рисунокъ на наружной сторонѣ бубна шаманки „Чіинъ“ (по русски Анна) изъ Сӧбка Чагатъ-Комдошъ, 30 лѣтъ, камлаетъ 17 лѣтъ, живетъ на бер. Телецкаго оз. въ селеніи Артыбашъ. Поверхность бубна раздѣлена на два полукруга горизонтальной полосой; въ верхней половинѣ на срединѣ изображеніе дерева, комлемъ воткнутаго въ какой-то постаментъ; по бокамъ его рзображеніе свѣтилъ (солнца и луны), изъ земли выступаютъ три крючка, повидимому изображающіе буура—миѳическихъ шаманскихъ коней *).

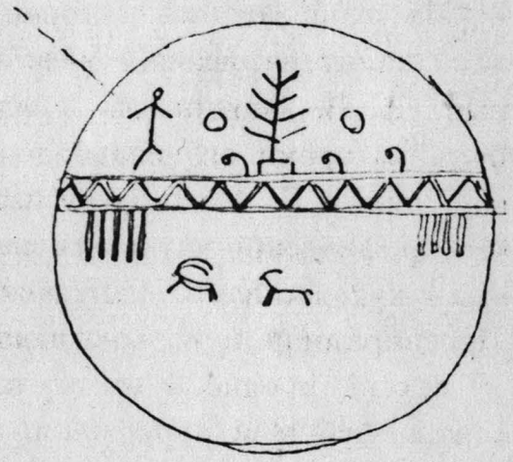


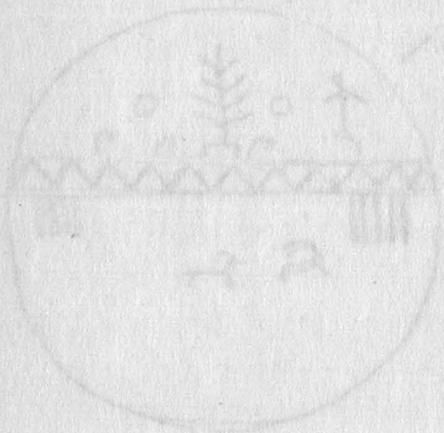
Рис. 3.

У лѣваго края бубна человѣческая фигура, у которой одна нога укорочена; эту фигуру шаманка назвала „торошъ“ (полный ея титулъ *саар-пуды кыска, сааръ-пуды-узун*, т. е. одна нога короткая, а другая длинная). Ломаная линія, раздѣляющая горизонтально бубенъ, назыв. солонгы—„радуга“. Подъ нею изображены у лѣваго края пять, у праваго 4 подвѣски, конуру. Весь рисунокъ сдѣланъ красной охрой.

Подъ горизонтальной полосой изображенъ каменный козелъ „тэкэ“ и его самка „дюмга“. Бубны имѣютъ собственныя имена. Бубенъ шаманки Чіинъ или, вѣрнѣе, его духъ называется Дезим.

Г. Гуркинъ.

*) Буура изображаются иногда на бубнѣ въ видѣ кучевыхъ облаковъ.



Этнографическіе сборы А. В. Анохина.

Въ этой замѣткѣ я тороплюсь опубликовать немногія, лично меня заинтересовавшія мелкія детали шаманскаго культа, собранныя А. В. Анохинымъ среди алтайцевъ кумандинцевъ и шорцевъ во время его разъѣздовъ по долинѣ Катуни и въ Кузнецкой черни. Г. Анохинымъ изъ этихъ мѣстъ вывезенъ большой этнографическій матеріалъ не менѣе 500 рисунковъ, исполненныхъ художницами, сопровождавшими его, г-жами Ворониной и Просвиркиной и изображающихъ инородческій орнаментъ, утвар, и другіе предметы быта, принадлежности шаманскаго культа мантіи, бубны и курмежеки. Интересна въ собраніи г. Анохина коллекція рисунковъ, исполненныхъ по его заказу самими шаманами; это стереотипные рисунки, которыми бываетъ покрыта кожа на бубнахъ, или рисунки, представляющіе эпизоды изъ поѣздки шамана къ обители бога Ульгеня, живущаго на небѣ, или въ подземное царство Ерлика.—Рисунки на бубнахъ изображаютъ два міра, наземный и подземный; поверхность бубна раздѣляется горизонтальной линіей на двѣ части, верхнюю и нижнюю; подъ чертой рисуются змѣи, ящерицы и другіе гады, населяющія темное царство Ерлика; надъ чертой—солнце, луна, иногда Чолмонъ т. е. звѣзда Венера, а также шаманъ съ бубномъ въ рукѣ, всадникъ съ охотничьей собакой и ловчей птицей, деревья и пр. Вторая категорія рисунковъ, изображающая пути шамановъ въ миѳическія области, гораздо разнообразнѣе и, можетъ быть, допускаетъ болѣе свободы творчеству рисовальщика. Собирателю свѣдѣній о шаманствѣ необходимо собирать какъ можно болѣе рисунковъ обѣихъ категорій; они указываютъ на родство шаманской традиціи съ свѣтскимъ преданіемъ рапсодовъ, „кайчи“. Заказываніе русскому художнику ередачпи въ рисункахъ шаманскихъ фантазій будетъ пріемомъ не научнымъ. Я здѣсь для образца помѣщаю только одинъ рисунокъ этой категоріи изъ бо

гатаго собранія г. Анохина. Этотъ образчикъ (рис. 4) изображаетъ путь шамана въ свѣтлую область Сустугъ-Ульгеня, — „лучезарнаго Ульгеня“ (*сусъ* по-шорски „лучъ“).

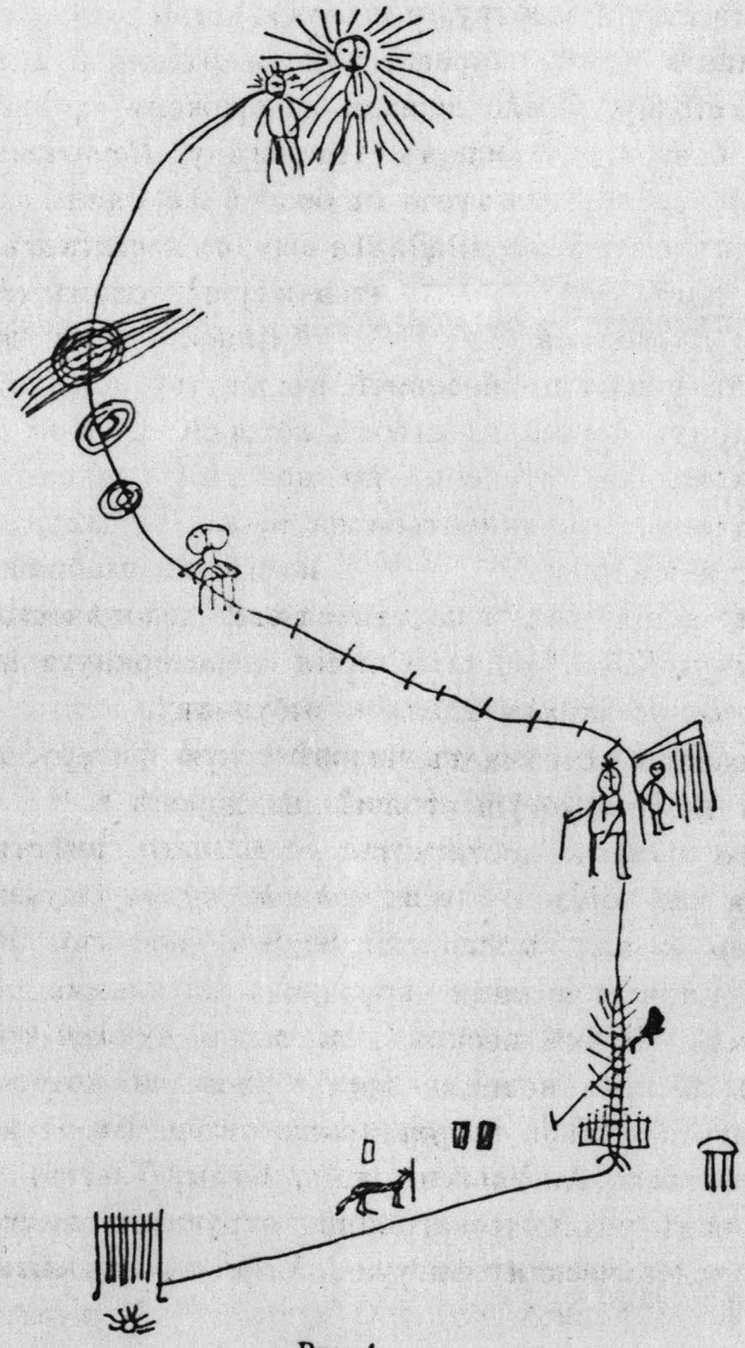


Рис. 4.

Линія, которая обозначаетъ путь шамана *Ульгені јолы* „Ульгенева дорога“, начинается внизу въ лѣвомъ углу рисунка. Тутъ находится изображеніе *орїöö*.

Тутъ изображенъ шалашъ, построенный въ видѣ односкатной крыши, составленной изъ девяти жердей, прислоненныхъ съ одной стороны къ перекладинѣ. Передъ шалашемъ нарисованъ горящій

огонь (от). Этотъ шалашъ называется „ӧргӧӧ" или „отыг". Словомъ „ӧргӧӧ" называется ханскій дворецъ или резиденція; на рисункѣ шамана этимъ словомъ обозначается мѣсто, гдѣ сидитъ хозяинъ, приносящій жертву, и шаманъ, когда готовится камлать.

Отсюда линія идетъ направо, мимо жертвенной лошади, привязанной къ столбу. Около лошади изображенъ стоящій на землѣ туесъ съ брагой, посвященъ Погдыгану, *Погдыганыңг-Конӧкъ*. Тутъ же еще два другихъ туеса съ брагой-же: одинъ въ честь Кӧкӱша, другой въ честь Ульгеня. Далѣе шаманъ достигаетъ до другого жертвенника, надъ которымъ высится жердь;—одинъ конецъ жерди упирается во вбитый въ землю колышекъ, а на другой конецъ ея вдѣта шкура принесенной въ жертву лошади. За жертвенникомъ стоитъ береза, на стволѣ которой сдѣлано девять зарубокъ, *танты;* это ступени, по которымъ шаманъ, какъ по лѣстницѣ, начинаетъ подниматься на небо. На дальнѣйшемъ пути встрѣчается жилище Богдыгана; послѣдній изображенъ стоящимъ внутри зданія; подлѣ находится еще человѣческая фигура; это *Бобырганыңг Коӧчӧ.**) Далѣе линія перечеркнута въ девяти мѣстахъ; это *тогус чайкам* „девять зыбуновъ".

Загѣмъ шаманъ встрѣчаетъ человѣческую фигуру; это *Ульгенин јолы бай Кӧгуш* (Кӧгӱш стоящій на дорогѣ къ Ульген'ю).

Еще далѣе шаманъ достигаетъ до воднаго вмѣстилища синихъ песковъ *кок чајым пӱткен чер кӧк кумак* (*чајым* неизвѣстное слово; *чер* земля по-шорски; *кумак*—песокъ). Это мѣсто обозначено концентрическими кружками. За синими песками достигается земля бѣлыхъ песковъ, *ак чајымъ пӱткен чер ак кумак*, выше бѣлыхъ песковъ поднимается до зоны, за которой не могутъ подниматься облака, *булут ашпас аккӧр*. Въ этой безоблачной сферѣ обитаетъ Ак-Ульгень, т. е. Бѣлый Ульгень. Онъ представленъ въ видѣ человѣческаго лица, окруженнаго лучами; возлѣ него слѣва человѣческая фигура, *Ульгенинг эңьдчызы* —посолъ Ульгеня.

Изъ рисунковъ, скопированныхъ съ бубновъ, можно отмѣтить тотъ, который г. Анохинымъ найденъ у Бачатскихъ телеутовъ, жувущихъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ.

---

*) Кӧӧчӧ—собственное имя блудливаго бога, нарицательное кӧӧчӧ—„маска".

(Рис. 5). Рисунокъ помѣщенъ на наружной сторонѣ бубна; бубенъ имѣетъ овальное очертаніе. Пове хность бубна раздѣлена на двѣ части. Въ верхней части изображены два дерева, на вершинѣ каждаго стоитъ фигура птицы. Подъ аркой вдоль ея рядъ конеподобныхъ фигуръ, числомъ девять. Это по объясненію шамана девять *буура*; подъ именемъ буура телеутскіе шаманисты разумѣютъ миѳическихъ коней, на которыхъ шаманъ ѣздитъ въ царство Ерлика или другихъ духовъ.

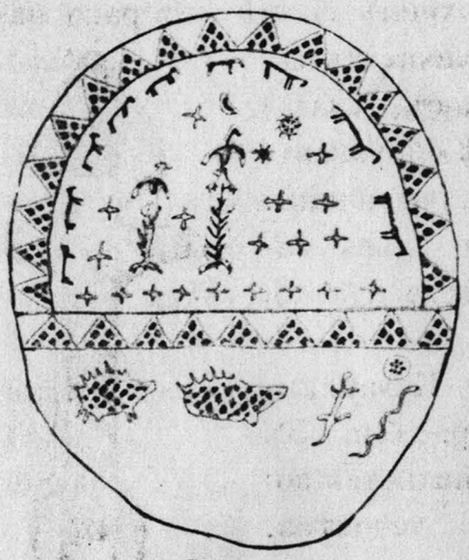
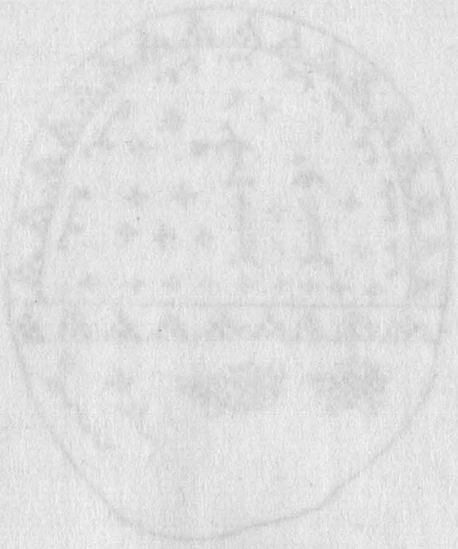


Рис. 5.

Въ моей книгѣ „Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ", на стр. 113 помѣщенъ рисунокъ-копія съ монголо-буддійской иконы „Юсунъ-сульдэ". Это названіе въ переводѣ значитъ девять знаменъ (бунчуковъ). На картинѣ изображены девять всадниковъ на бѣлыхъ коняхъ, одинъ въ серединѣ, восемь подлѣ рамокъ картины. Въ народныхъ преданіяхъ распространена тема о девяти братьяхъ; сказки съ этой темой есть и у монголовъ и у киргизъ. Девять братьевъ, отгоняютъ всѣ табуны въ даль; ихъ родители бѣдствуютъ безъ нихъ; у нихъ родится еще сынъ, который находитъ потерявшихся братьевъ и возвращаетъ въ родныя мѣста. Монгольская сказка, записанная мною въ Восточной-Монголіи, такъ и называется „Юсунъ-сульдэ" девять бунчуковъ. Въ киргизской — изъ каркалинскаго уѣзда — младшій братъ, разыскивающій старшихъ, видитъ девять *суюловъ*, дрекакъ, и догадывается, что это ставка его братьевъ. Есть и русская азка осъс 9 братьями. Женщина три раза родитъ по тройнѣ, но яга забрасываетъ дѣтей въ степь; родится еще сынъ, который находитъ братьевъ и возвращаетъ ихъ къ отцу. (Записки Красноярскаго подъотд. И. Р. Геогр. О.). Въ девяти теряющихся персонахъ можно видѣть или плеяды, или Оріонъ, состоящій изъ 9 вѣздъ, которыя на лѣтніе мѣсяцы исчезаютъ съ небосклона.

Кромѣ альбомовъ рисунковъ г. Анохинъ составилъ также коллекцію предметовъ шаманскаго культа, бубновъ и другихъ принадлежностей камланія, а также курмежековъ (идоловъ). Между



кумежеками особенно замѣчателенъ одинъ, встрѣченный г. Анохинымъ по р. Біѣ, среди Кумандинцевъ.

Кумежекъ этотъ называется Шалыгъ (рис. 6). Это деревянный четырехгранный стержень, на верхнемъ концѣ котораго находится изображеніе человѣческой головы съ заостреннымъ теменемъ и съ лицомъ (носъ, глаза) и двухъ верхнихъ конечностей въ видѣ обрубковъ; нижній конецъ стержня имѣетъ видъ развилины: это ноги; одна нога короче. Помѣщаю здѣсь замѣтку о Шалыгѣ, которую мнѣ передалъ А. В. Анохинъ.

Рис. 6.

„Кумежекъ Чалыгъ встрѣчается у Кумандинцевъ, живущихъ по правому берегу р. Біи. Въ представленіяхъ шаманистовъ Чалыгъ является покровителемъ домашняго благополучія человѣка, хранителемъ окружающихъ горъ и лѣсовъ и живущихъ въ нихъ звѣрей и птицъ. Чалыгъ сопутствуетъ человѣку на охотѣ. На этомъ основаніи передъ отправленіемъ на охоту, чтобы охота была удачной, Чалыга угощаютъ брагой (*поза*,) т. е. кропятъ его. Кумандинцы идольчика Чалыга дѣлаютъ изъ молодого березоваго дерева съ раздвоенными ногами; при этомъ одну ногу дѣлаютъ короче, потому что Чалыгъ былъ хромой (*аксак*). По поводу его хромоты кумандинцы разсказываютъ слѣдующую легенду.

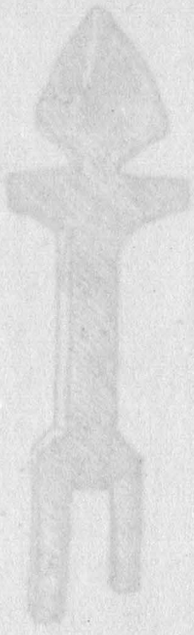
„Чалыгъ когда-то былъ большой шаманъ (камъ). Однажды во время своего путешествія на небо, онъ задумалъ украсть себѣ въ жены дочь верховнаго божества Ульгеня. За такую дерзость онъ былъ наказанъ: Ульгень молніей низвергнулъ его съ неба на землю и поразилъ въ ногу и бедро. Чалыгъ сталъ хромымъ.

„При тяжелой болѣзни кумандинцы иногда дѣлаютъ для Чалыга спеціальное жертвоприношеніе брагой.

„Въ одинъ изъ моментовъ камланія, шаманъ изображаетъ собой „Чалыга. Всѣ дѣйствія относящіяся къ этому моменту камъ совершаетъ, прихрамывая на одну ногу.

„У другихъ племенъ тюркскаго происхожденія, живущихъ въ въ Томской губерніи, „Чалыгъ носитъ другое имя.

„У шорцевъ, живущихъ по р. Кондомѣ, около Кузнецка, онъ называется „Шалыгъ“ и изображеніе его дѣлается въ двухъ эк-



земплярахъ — одно изображеніе считается мужемъ, другое женой. При этомъ у идольчика, изображающаго мужа, не замѣчается короткой ноги. У челканцевъ, живущихъ по р. Лебеди, Кузнецкаго у., „Чалыгъ“ называется въ камскихъ призываніяхъ *Аксак Путту Кан Сара*. Хромой Сарай-Ханъ. Изображеніе его у челканцевъ такое-же, какъ и у кумандинцевъ. Бачатскіе телеуты, Кузнецк. у. тотъ же персонажъ изображаютъ рисункомъ на тряпочкѣ и называютъ его *Сары-Ханъ*. Телеуты считаютъ его отцомъ Кӱрмӱш'а и родней Адама. (Адамъ и Кӱрмӱш видные персонажи въ шаманствѣ у телеутовъ).

„Имя Сары-ханъ встрѣчается также у алтайцевъ, живущихъ, въ Бійскомъ у.; у нихъ онъ называется двояко; Сары-ханъ и Сары-чалу. Тотъ и другой имѣетъ изображеніе, которое подвѣшивается въ юртѣ направо отъ входа“. (Анохинъ, 23 апр. 1915).

Кумандинская легенда о Чалыгѣ имѣетъ сходство съ бурятской о Чолмонѣ, записанной въ Баргузинскомъ уѣздѣ. Чолмонъ (звѣзда Венера) имѣетъ множество овецъ, которыхъ пасетъ шаманъ Дебедей. Однажды Дебедей бросилъ стада, увелъ собаку Бурте и прогулялъ три дня *); за то Чолмонъ избилъ его, изломалъ ему ногу и вышибъ глазъ. Баргузинскій шаманъ, камлая прихрамываетъ, щуритъ свой глазъ и жалуется на жестокость Чолмона, который избилъ своего пастуха. Баргузинскіе шаманы считаютъ кажется, шамана Дебедея своимъ предкомъ, отъ него ведутъ начало своего вѣщаго знанія и камлая отожествляютъ себя съ своимъ родоначальникомъ Дебедеемъ. Можетъ быть, такую же легенду черневые татары разсказываютъ и о Торошѣ, изображеніе котораго находится на бубнѣ шаманки Чіинъ, зарисованномъ г. Гуркинымъ (рис. 3).

У Киргизъ и на Кавказѣ хромому дается имя Темиръ (Аксакъ-Темиръ) **). Хромой Темиръ кавказскихъ преданій также пастухъ овечьихъ стадъ, какъ и бурятскій Дебедей; ему ногу изломалъ отецъ, хозяинъ овечьихъ стадъ. О тожествѣ этого владѣльца овечьихъ стадъ съ Эсэгэ-Маланомъ, бурятскимъ царемъ неба, см. въ моей книгѣ Сага о Соломонѣ стр. 65—68 и 121.

---

*) Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ въ среднев. европ. эпосѣ“ (стр. 323) я, опираясь на преданіе о Буртэ, женѣ Чингисъ-хана, сдѣлалъ предположеніе, что подъ собакой слѣдуетъ разумѣть женщину; кумандинское преданіе поддерживаетъ мою догадку.

**) Въ русскомъ эпосѣ также есть хромой персонажъ; Василію Буслаеву въ поѣздкѣ къ рѣкѣ Іордану сопутствуетъ Потанюшка хроменькій.

Отецъ кавказскаго Темира такой же владѣлецъ овецъ, какъ и бурятскій Эсэгэ-Маланъ, царь неба, и какъ Чолмонъ, по другому бурятскому преданію. Кавказскій овцевод дѣлаетъ своего сына хромымъ подобно тому, какъ Чолмонъ поступаетъ съ Дебедеемъ *) Изъ сопоставленія этихъ легендъ вытекаетъ, что хромой пастухъ былъ сынъ хозяина овечьихъ стадъ, что подъ хозяиномъ стадъ надо разумѣть царя неба и что слѣдовательно въ хромомъ пастухѣ надо видѣть „сына неба". Нѣкоторые сибирскіе инородцы „сына неба" видятъ въ медвѣдѣ. Не разъяснитъ ли это намъ прикрѣпленіе мотива о хромотѣ къ образу сына неба?.

Повидимому преданіе о хромотѣ въ концѣ концовъ сведется къ борьбѣ Творца (Эсегэ-Малана или Хормустыя) съ своимъ сыномъ, помощникомъ въ твореніи, куда вѣроятно относятся и всѣ другія сказанія о боѣ отца съ сыномъ.

Въ сказкѣ „Арджи-Барджи" имя Шалу придано человѣку, который былъ вырощенъ волчицей и потомъ становится помощникомъ царевича Бикаръ-Мадзади. Съ этимъ Шалу никакихъ инцидентовъ, сходныхъ съ тѣми, которыя приведены выше при именахъ Чолмонъ, Дебедей, Шалыгъ, не связано. Но едва-ли роль Шалу ограничивалась водвореніемъ царевича въ отцовской вотчинѣ; въ другихъ сказкахъ о царевичѣ и его вѣщемъ товарищѣ послѣднему часто приписывается услуга—привозъ царевичу невѣсты. Въ индійской Викрамачаритри на мѣстѣ Шалу стоитъ Бартрихари; слѣдовательно Шалу монгольскаго сборника „Арджи-Барджи" нужно отнести на счетъ сѣвера.

Г. Потанинъ.

---

*) Тема о сынѣ, котораго калѣчитъ отецъ, предвидя въ немъ узурпатора, повидимому и въ Монголіи соединялась съ формой, близкой къ Темиру; у Хунъ-тайджи три сына: Амурсана, Тамирсана и Шоно (шоно или чоно *волкъ* по-монг.). Послѣдній обнаруживалъ необыкновенную силу. Отецъ, опасаясь, что Шоно отниметъ ханскій престолъ у своего старшаго брата, изломалъ ему лопатки. (Radlow Proben, I 206. Очерки с.-з. Монг. IV, 309). Вѣроятно имя Тамирдсана или Темиръ-Сана придавалось самому младшему сыну.

ЗАМѢТКИ ПОСВЯЩАЮТСЯ
ПРОФЕССОРУ
ДМИТРІЮ НИКИФОРОВИЧУ
КАЙГОРОДОВУ.

Изъ жизни Томской природы въ 1913 году.

(Изъ Зоологическаго Кабинета Императорскаго Томскаго Университета № 2).

Старшаго ассистента Г. Іоганзена.

Нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ замѣтокъ были мною опубликованы въ №№ 71, 76, 99, 105, 220, 243 и 271 издаваемой въ Томскѣ газеты „Утро Сибири".

По примѣру предшествующихъ годовъ я считаю не безполезнымъ опубликованіе всего дневника за 1913 г., въ который я включилъ и свѣдѣнія, доставленныя мнѣ лицами, частью уже и раньше дѣлившимися со мною своими наблюденіями, частью только въ отчетномъ году ставшими моими корреспондентами. За содѣйствіе въ дѣлѣ изученія Томской природы, преимущественно фенологическихъ ея явленій, я приношу искреннюю благодарность *Н. Г. Баукину*, сыну моему *В. Г. Іоганзену*, *Л. А. Красину*, *Г. Е. Сольскому*, *С. К. Шарашкину*, *П. А. Шастовскому* и *И. Л. Ярошевскому*.

Районъ наблюденій—г. Томскъ и его ближайшія окрестности, кромѣ нѣкоторыхъ оговоренныхъ въ текстѣ болѣе отдаленныхъ мѣстъ Томскаго и Каинскаго уѣздовъ.

Январь.

1. Новый годъ встрѣтила природа при—12° R. Днемъ t повысилась до—9°. Близъ города видѣли оба вида чечетокъ (Acanthis linaria и Ac. exilipes), глухаря, полевыхъ воробьевъ, на полыни долгохвостыхъ снѣгирей (Uragus sibiricus), въ лѣсу нѣсколько свиристелей (Bombycilla garrulus), долгохвостыхъ синичекъ (Acredula caudata), по тальникамъ лазоревокъ (Cyanistes cyanus); замѣтили канюка-зимняка (Archibuteo lagopus).

Погода при небольшомъ вѣтеркѣ казалась теплой, къ вечеру пошелъ мелкій снѣгъ.

2. Днемъ t около—13° R.

3. Днемъ около—10° R. Пасмурно.

4. Днемъ—15° R. Пасмурно и вѣтрено.

5. День пасмурный при—10° R. Вечеромъ и ночью буранъ.

6. Утромъ—12° R. Весь день непріятный вѣтеръ.

7. Утромъ—24° R. День солнечный, ночь лунная, морозная.

8. Утромъ—22° R. На деревьяхъ слабый иней. День солнечный.

9. Утромъ—25° R. День ясный, солнечный. Иней держится на деревьяхъ. Ночь лунная.

10. Утромъ всего—12° R. Иней опалъ. Утромъ временами буранитъ. Ночь лунная.

11. Утромъ—9° R. Пасмурно; весь день идетъ снѣгъ.

12. Утромъ—17° R. День солнечный, морозный. Ночью сильный вѣтеръ.

13. День пасмурный при t—12°—13° R. Близь с. Спасскаго убитъ крохаль большой (Mergus merganser), повидимому, зимующій иногда у насъ. Среди убитыхъ бѣлыхъ куропатокъ (Lagopus lagopus) встрѣчаются экз. съ сильно выраженнымъ розовымъ налетомъ. Въ Городкѣ на дачѣ изъ пернатыхъ видѣли только синицу-мясничка (Parus major) и гаичку (Penthestes borealis baicalensis).

14. Вѣтреный день при—13°—14° R. Днемъ иногда и солнечно.

15. Днемъ всего—8° R. День пасмурный. Часовъ съ 3-хъ пошелъ снѣгъ, шелъ вечеромъ и ночью.

16. Утромъ—9° R. День солнечный, теплый. Въ городѣ видѣли перепелятника (Accipiter nisus). Ночью буранъ.

17. Теплый ясный день съ t до—1° R.

18. Солнечный, вѣтреный день съ колебаніями t отъ—4° до —6° R.

19. Утромъ—16° R. Пасмурно. Весь день непріятный вѣтеръ. Къ вечеру—20° R.

20. Утромъ—15° R. Пасмурно. Снѣгъ идетъ съ 10 ч. утра; днемъ лишь изрѣдка проглядывало солнце. Къ вечеру t понизилась до —27° R. при сильномъ вѣтрѣ. Близъ города видѣли подорожниковъ-пуночекъ (Plectrophenax nivalis), оба вида воробьевъ, въ тальникахъ бѣлыхъ лазоревокъ (Cyanistes cyanus), желтошапочную овсянку (Emberiza citrinella), два вида чечетокъ, дубоноса (Coccothraustes coccothraustes), трехъ дроздовъ-рябинниковъ (Turdus

pilaris), свиристелей. Добыто 2 рябчика. Изъ водоплавающихъ видѣли трехъ большихъ крохалей (Mergus merganser), изъ которыхъ одинъ былъ въ „весеннемъ опереніи“, и одного гоголя (Glaucionetta clangula). Видѣли щуровъ (Pinicola enucleator), бѣлую сову (Nyctea nyctea), сыча мохноногаго (Cryptoglaux tengmalmi) и сову уральскую (Syrnium uralense).

21. Утромъ въ 8 ч.—30° R. День ясный, солнечный. Къ вечеру—24° R. при вѣтрѣ.

22. Утромъ—18° R. при сильномъ вѣтрѣ. Временами буранъ. Днемъ—13° R.

23. Утромъ—17° R. День солнечный. Днемъ—11° R., ночью—14° R.

24. Утромъ—14° R. и пасмурно. День солнечный, теплый.

25. Утромъ—10° R. и пасмурно. Днемъ тепло (—5° R.); солнце рѣдко проглядывало. Весь день шелъ снѣгъ.

26. Утромъ—10° R. На деревьяхъ утромъ слабый иней. Днемъ солнечно, капало съ крышъ.

27. Утромъ—12° R. Днемъ солнечно при—5° R.

28. Утромъ при—4½ °R. идетъ снѣгъ. Днемъ—3° R. безъ снѣга.

29. День солнечный, теплый при—2°—3° R. Вечеромъ—9½ R.

30. День пасмурный при t—12° R. утромъ и—10° R. днемъ.

31. Утромъ—16° R., днемъ солнечно.

Февраль.

1. Утромъ—13° R. День солнечный.

2. Утромъ—11° R. День сначала солнечный, но съ полдня стало пасмурно и пошелъ снѣгъ. Снѣгъ шелъ и вечеромъ. Въ березовомъ лѣсу видѣли соекъ (Garrulus brandti) и кукшъ (Perisoreus infaustus). Замѣтили нѣсколько перебѣгавшихъ по снѣгу малыхъ землероекъ (Sorex minutus).

3. День солнечный при t около—16° R.

4. При—24½° R. утромъ деревья оказались въ инистомъ убранствѣ. День солнечный, морозный.

5. Утромъ въ 8 ч.—23° R. Иней держится на деревьяхъ. День солнечный, морозный. Къ вечеру потеплѣло: —14° и даже —9° R.

6. Утромъ—9° R. Инистое убранство деревьевъ исчезло. Днемъ немного проглядывало солнце.

7. Утромъ—17° R. День солнечный, морозный.

8. Утромъ—10° R. День солнечный. Въ 4-мъ часу видны два ложныхъ солнца.

9. Утромъ въ 8 ч.—15° R. День солнечный.

10. Солнечный день съ t утромъ—11° R., а днемъ—1° R., причемъ капало съ крышъ. Въ бору противъ города убили двухъ сапсановъ (Falco peregrinus); одинъ изъ нихъ замѣчателенъ тѣмъ, что у него усы отсутствовали. На лугу видѣли массу длиннохвостыхъ синичекъ (Acredula caudata), летѣвшихъ табунокъ за табункомъ на сѣверъ, перелетая и р. Томь. Въ бору добытъ трехпалый дятелъ (Picoides tridactylus uralensis). На лугу держатся стайки подорожниковъ (Plectrophenax nivalis).

11. Утромъ въ 8 ч.—11° R. День теплый, солнечный. Капаетъ съ крышъ. Вечеромъ въ 11-мъ часу—13° R.

12. Въ 8 ч. утра—15° R. День солнечный.

13. Утромъ въ 8 ч.—8° R. Утромъ пасмурно и идетъ снѣгъ. Затѣмъ стало проглядывать солнце и днемъ t поднялась выше 0°

14. Утромъ—8° R. Идетъ днемъ и вечеромъ снѣгъ. На Томи вѣтрено. На отвалѣ близъ города убитъ сибирскій кречетъ (Hierofalco rusticolus uralensis).

15. Утромъ—17° R. День солнечный, но морозный, вѣтреный. Къ вечеру сильный, порывистый вѣтеръ.

16. За ночь выпало много снѣгу. Утромъ въ 9-мъ ч.—8° R. Идетъ снѣгъ хлопьями. Только къ 3 ч. дня стало проглядывать солнце.

17. Утромъ—4° R. День солнечный, теплый. Днемъ таяло и капало съ крышъ, а затѣмъ даже вода стала стекать по водосточнымъ трубамъ. Впервые пахнетъ весной.

18. Утромъ—7° R. День теплый, солнечный. На солнцѣ продолжается таяніе. Доставлена черная гадюка (Pelias berus var. prester), найденная при разборкѣ стога. Убиты на городскомъ лугу за Томью два сибирскихъ кречета (Hierfalco rusticolus uralensis), изъ которыхъ одинъ пріобрѣтенъ университетомъ.

19 Въ 9 ч. утра—10° R.. День солнечный и днемъ ртуть поднялась на солнцѣ до+7° R. Съ крышъ капаетъ и на тротуарахъ образовались сырыя мѣста. Зимнія наши птички, преимущественно синички и гаички, начинаютъ пѣть.

20. Въ 9 ч. утра—7° R. Солнечно. Снѣгъ таетъ, улицы чернѣютъ.

21. Солнечный день съ t—5° R. и выше. Видѣли за городомъ ястребиную сову (Surnia ulula pallasi), тетеревятника (Astur palumbarius), тетеревей, глухаря, соекъ (Garrulus brandti), сѣдоголоваго дятла (Gecinus canus perpallidus), желну (Picus martius), трехпалаго и малаго дятловъ (Xylocopus minor kamtschatkensis), гаичекъ, длиннохвостыхъ синичекъ, много бѣлыхъ лазоревокъ (Cyanistes cyanus), щуровъ (Pinicola enucleator), длиннохвостыхъ снѣгирей (Uragus sibiricus), пищуху (Certhia familiaris) и клестовъ (Loxia curvirostra).

22, Пасмурный день при—2° R. Днемъ проглядывало солнце. Вечеромъ—7° R.

23. Утромъ—9° R. Днемъ ясно, солнечно, немного таяло. На Кіевской улицѣ видѣли двухъ скворцовъ! (*С. Кузнецовъ*).

24. Утромъ—2° R. Идетъ снѣгъ. Днемъ +1° R. и капаетъ съ крышъ. За городомъ видѣли массу свиристелей, дроздовъ-рябинниковъ и 9 шт. сѣрыхъ куропатокъ. Совъ бѣлыхъ видѣли небывалое количество (Nyctea nyctea). Въ одномъ мѣстѣ ихъ насчитали 18, а въ другомъ 9 штукъ. Много подорожниковъ бѣлыхъ и лазоревокъ.

25. Утромъ—1° R. пасмурно. Въ полдень при 0° солнце. Днемъ дождь и снѣгъ. Затѣмъ снѣгъ при все усиливавшемся вѣтрѣ. *П. А. Шастовскій* самъ видѣлъ скворцовъ на Кіевской улицѣ.

26. Утромъ 0°. Днемъ пасмурно. Весь день замѣчалось таяніе. Солнце проглядывало лишь изрѣдка.

27. Утромъ—2° R. Падаютъ снѣжинки. Днемъ слабое таяніе. Начинается скалываніе льда по тротуарамъ и мостовымъ.

28. Утромъ въ 8 ч.—6° R. Днемъ t. доходила до +4° R. Солнечно, но падаютъ временами и снѣжинки. Таетъ и образуются лужицы. Дороги сильно портятся. Вечеромъ—6° R. *П. А. Шастовскій* на отвалѣ близъ города видѣлъ 6 скворцовъ. Добытые изъ нихъ два съ свѣтлыми пятнами на брюхѣ.

Мартъ.

1. Утромъ—5° R. Солнечно, падаютъ снѣжинки. Дуетъ холодный вѣтеръ. Непродолжительный снѣгъ. За эту зиму галки въ большомъ количествѣ зимовали на отвалѣ.

2. Въ 8 ч. утра—6° R. пасмурно. Дуетъ холодный, непріятный вѣтеръ.

3. Утромъ—5° R. Пасмурно, идетъ снѣгъ. Днемъ немного проглядывало солнце и капало съ крышъ.

4. Утромъ—2° R. Пасмурно и падаютъ снѣжинки. Днемъ мало солнца. Таетъ. Замѣчается большое оживленіе среди большихъ синицъ (Parus major) университетской рощи. Ночь лунная.

5. Утромъ—13° R. Ясно. Днемъ таяло. Небо совершенно ясное.

6. Утромъ—4° R. при пасмурномъ небѣ и небольшомъ дождичкѣ. Къ вечеру густой снѣгъ. Днемъ таяло.

7. За ночь выпало много снѣгу. Въ 8 ч. утра—0, 5° R. пасмурно. Падаютъ рѣдкія снѣжинки. Днемъ сильное таяніе.

8. Въ 8 ч. утра—5° R. Днемъ вѣтрено, буранитъ. Временами идетъ густой снѣгъ. Таянія не было.

9. Утромъ въ 8 ч.—3° R. пасмурно. Днемъ солнечно, сильное таяніе. День вѣтреный. Въ городѣ видѣли перепелятника (Accipiter nisus) См. 16 января.

10. Пасмурно, вѣтрено при—3° R. Первые колесные экипажи!.

11. Утромъ—0,5° R. Пасмурно и идетъ снѣгъ. Днемъ буранъ и много снѣга. Къ вечеру сильный вѣтеръ. Снова видѣли въ городѣ перепелятника.

12. Утро пасмурное при—5° R. Днемъ сильное таяніе. Шелъ снѣгъ и дождь. Видѣли желтыхъ овсянокъ (Emberiza citrinella) и большого сорокопута (Lanius excubitor homeyeri). День вѣтреный до вечера. Вечеромъ и ночью снѣгъ.

13. Утромъ снѣжокъ, t на 0°. День пасмурный съ сильнымъ таяніемъ.

14. При 0° почти весь день валитъ густой снѣгъ съ небольшими перерывами. Днемъ таетъ Вечеромъ дождь при вѣтрѣ, все усиливавшемся къ вечеру.

15. Утромъ въ 8 ч.—3° R. День солнечный. На улицахъ мѣстами большія лужи.

16. Утромъ въ 8 ч.—3° R. Идетъ густой снѣгъ, прекратившійся днемъ. Довольно сильное таяніе. На улицахъ лужи. Вечеромъ—7° R. Небо ясное, звѣздное.

17. Утромъ—7° R. Солнечно, но падаютъ снѣжинки. Днемъ временами солнечно! На рѣкѣ вѣтрено, но почти не таяло. Вечеромъ при сильномъ вѣтрѣ—5° R.

18 Утромъ вѣтрено—3° R. Солнце изрѣдка проглядываетъ. Днемъ буранъ.

19. Утромъ въ 8 ч.—6° R. Солнечно, вѣтеръ стихаетъ. Днемъ снѣгъ, но проглядывало и солнце. Таяніе слабое.

20. Утромъ -7° R., солнечно. Днемъ t почти все время ниже 0°. Днемъ немного снѣгу, слабое таяніе. Къ ночи t - 9,5° R.

21. Утромъ—11° R. Солнечно. Днемъ таяло. Въ новой отапливаемой постройкѣ пойманъ рогохвостъ (Sirex sp). Къ вечеру снова снѣгъ.

22. Утромъ—10° R. Солнечно. Днемъ слабое таяніе. Вечеромъ ясно и t постепенно понижается до—10,5° R.

23. Утромъ—13° R. въ 8 ч. Днемъ слабое таяніе. На тротуарахъ поднимается паръ, а въ воздухѣ холодно.

24. Въ 8 ч. утра—5° R. Солнечно. Днемъ слабое таяніе. Сообщаютъ о томъ, что въ 6 ч. утра видѣли двухъ грачей (Tryanocorax frug. tschusii), изъ которыхъ одинъ убитъ. Днемъ надъ кладбищемъ по Иркутскому тракту видѣли двухъ коршуновъ (Milvus melanotis), тамъ же и скворцовъ.

25. Утромъ—8,5° R. Солнечно. Днемъ сильное таяніе. Пахнетъ весною. Вечеромъ—3°, идетъ снѣгъ. Близъ города видѣли полевыхъ жаворонковъ (Alauda arvensis) и пустельгу (Cerchneis tinnunculus). Вороны вьютъ гнѣзда.

26. Утромъ—1,5° R. Пасмурно. Снѣгъ шелъ ночью и утромъ. Днемъ солнечно, сильное таяніе. Утромъ на Томи близъ Куминой протоки видѣли стайку рогатыхъ полярныхъ жаворонковъ (Otocoris alpestris flava), появилась масса желтыхъ овсянокъ (Emberiza citrinella erythrogenys), добытъ вьюрокъ (Fringilla montifringilla), въ стайкѣ подорожниковъ-пуночекъ видѣли лапландскаго подорожника (Calcarius lapponicus). Много снѣгирей-жулановъ, держатся дубоносы, щуры. Изъ хищниковъ видѣли сапсана, перепелятника и пустельгу. Въ университетской рощѣ скворцовъ еще нѣтъ. Къ ночи t опять понизилась до—9° R.

27. Въ 8 ч. утра—11° R. День солнечный, продолжается таяніе и парообразованіе на тротуарахъ, но все же чувствуется холодъ. На Куминой протокѣ убиты два грача, лапландскій подорожникъ, бѣлошапочная овсянка (Emb. leucocephala). Видѣли орлана бѣлохвостаго (Haliaëtos albicilla), замѣтили свѣтлосѣраго луня съ черными маховыми (Circus cyaneus). Добыты оба вида сорокопутовъ большихъ.

28. Въ 8 ч. утра—8° R. Идетъ снѣгъ, а до полдня при сильномъ вѣтрѣ былъ настоящій буранъ. Вечеромъ—5° R.

29. Утромъ въ 8 ч.—3½°R. Вѣтеръ нѣсколько стихъ. День солнечный, таетъ. Надъ городомъ видѣли 5 коршуновъ (Milvus melanotis). Воро́ны успѣли свить гнѣзда. Надъ своими громоздкими гнѣздами трудятся и сороки. Одичавшіе городскіе голуби-сизаки вывели птенцовъ. Близъ дер. Попадейкиной убиты два орла-бѣлохвоста (Haliaëtos albicilla).

30. Утромъ въ 8 ч.—6° R. Солнечно, сильное таяніе; побѣжали ручейки по улицамъ. Вторичное и теперь уже окончательное появленіе колесныхъ экипажей. За городомъ громадныя стаи пролетныхъ щегловъ, пуночекъ и полярныхъ рогатыхъ жаворонковъ. Много лазоревокъ и сибирскихъ длиннохвостыхъ снѣгирей (Uragus sibiricus). Видѣли стайку вьюрковъ. Овсянки начинаютъ пѣть, окуни клевать!

31. Утромъ въ 9-мъ часу+2°R., въ 11 часовъ въ тѣни уже +10° R. при пасмурномъ небѣ. Днемъ солнечно. Тихій день безъ вѣтра. Загородныя дороги еще не испортились. На Томи утромъ убитъ грачъ! Много желтыхъ овсянокъ, есть и бѣлошапочныя. Видѣли стайку дубоносовъ въ 17 штукъ. Въ бору замѣчается большое оживленіе гаичекъ, московокъ; играютъ пестрые дятлы; въ муравейникахъ начинаютъ рыться желны (Dryocopus martius). Часто попадаются сойки, рѣже кукши. Въ снѣгу въ норѣ, выстланной сосновыми вѣтками, найдена колыбель зайчать. Въ ней оказалось 4 слѣпыхъ еще зайченка въ красивыхъ, сѣробурыхъ, волнистыхъ шубкахъ. Мать самоотверженно бросалась на человѣка, совершенно забывъ свою трусость. Надъ Князе-Тояновымъ озеромъ пролетѣло 4 лебедя кликуна. Гнѣзда сорокъ готовы.

Апрѣль.

1. Ночью minimum—1° R., утромъ въ 8 ч.+1° R. Солнечный, жаркій день (+18° R), всюду вода бѣжитъ! Къ вечеру+3° R. появились первыя мухи.

2. Въ 8 ч. утра—0,5° R. День солнечный съ t днемъ до+22° R снова видѣли мухъ.

3. Въ 7 ч. утра—3° R. День солнечный, сильное таяніе. Почки на вербахъ начинаютъ распускаться. На дачѣ въ Городкѣ появились скворцы и сейчасъ же стали занимать скворешни, отда-

вая предпочтеніе старымъ. Въ городѣ отмѣчается массовое появленіе скворцовъ и бѣлошапочныхъ овсянокъ (Emb. leucocephala). Наблюдается массовый пролетъ пуночекъ (Plectrophenax nivalis). Въ стаѣ ихъ убита на Куминой протокѣ ♀ татарскаго чернаго жаворонка (Melanocorypha yeltoniensis).

4. Въ 10 ч. утра уже+10° R. Сильное таяніе. Изъ насѣкомыхъ видны мухи, въ университетской рощѣ обращалъ на себя вниманіе дятелъ малый (Xylocopus minor kamtschatkensis); къ вечеру дождь.

5. Утромъ+1° R. День пасмурный при 2,5° R. За ночь выпалъ снѣгъ, онъ временами падаетъ еще и днемъ, даже иногда идетъ и частый снѣгъ, но при этомъ продолжается сильное таяніе. У двудомной крапивы (Urtica dioica) уже образовались первые листья.

6. Утромъ въ 8 ч.+ 1° R. День пасмурный. Гоголи въ весеннемъ опереніи. Появились первыя трясогузки (Motacilla alba), дроздъ-чернозобый (Turdus atrigularis); массовый пролетъ дроздовъ-рябинниковъ (T. pilaris), лѣсныхъ овсянокъ (Emb. rustica и тростниковыхъ большихъ (Emb. schoeniclus pallidior). На саняхъ переѣзжаютъ еще Томь.

7. На Томи начинаютъ образоваться „закрайники", затрудняющіе переправу на саняхъ. Вода утромъ на дачѣ оказалась замерзшей. Днемъ слабое таяніе. Сильный и рѣзкій N-вѣтеръ на Томи. Скворцы ищутъ себѣ кормъ на лугу, но скворешни все же заняты.

8. Ночью t ниже 0° и все оказалось замерзшимъ. Въ одной изъ крупныхъ скворешенъ дачи съ широкимъ летнымъ отверстіемъ поселилась маленькая сова—сычъ мохноногій (Crypt. tengmalmi). У сорокъ находятъ кладки въ 6, 8 и 10 яицъ, у сѣрыхъ воронъ въ 5 и 6, у галокъ 1 и 3 яйца. Сычъ мохноногій уже снесъ 1-ое яйцо, коршуны черноухіе лишь вьютъ гнѣзда. Видѣли 3 пустельги, чеглока, лебедей, гусей. Начинаетъ по ж. д. откосамъ цвѣсти мать и мачеха (Tussilago farfara), видѣли изъ бабочекъ веснянку (Brephos parthenias) и траурницу (Vanessa antiopa). Зайцы ушли изъ гнѣзда (ср. 30.III). У ворона 4 яйца, у совы уральской (Syrnium uralense) лишь снесено первое. Горностай (Mustela erminea) начинаетъ мѣнять мѣхъ.

9. Ночью сильный морозъ. Въ 9 ч. утра еще—4°R. Къ сторожившему безпрерывно скворешню сычу подъ вечеръ приле-

тѣлъ второй, повидимому, самецъ. Днемъ t поднималась въ Городкѣ всего до+1°R.

10. Ночью вода замерзла въ бочкахъ дачи. День пасмурный-безъ солнца при 0° и+1°R. Утромъ и вечеромъ мелкій дождь, шелъ и снѣгъ. Вечеромъ прибылъ табунъ въ 36 скворцовъ, расположив[illegible]хся на березахъ и затѣмъ на соснѣ.

11. [illegible]ромъ слабое пониженіе t ниже 0°. Днемъ таяніе при+25°R и солнцѣ. Вечеромъ на дачѣ насчитывалось свыше 90 скворцовъ.

12. Ночью t не понижалась ниже 0°. Слышали лебедей. Появились маленькіе жуки и микробабочки. Днемъ въ тѣни до+10°R. День солнечный, небо почти безоблачное.

13. Ночью t не понижалась ниже 0°. Утромъ былъ дождь, затѣмъ и днемъ довольно продолжительный, такъ что солнце проглядывало лишь утромъ въ 10 час. и подъ вечеръ. На дачѣ появилась бѣлая трясогузка (Motacilla alba), близъ дачи сѣрая ворона снесла 1-ое яйцо.

14. Ночью вода не замерзала. Въ 5 ч. утра короткій, но сильный дождь. Въ 5 ч. лишь+2°R. Близъ дачи сорока начинаетъ нестись. Къ вечеру вода начинаетъ замерзать.

15. Ночью пониженіе t ниже 0°. На дачѣ появились вьюрки (Fring. montifringilla).

16. Ночью пониженіе t ниже 0°. Передъ восходомъ солнца оживленное „пѣніе“ и перекликаніе сычей. На дачѣ появилась парочка бѣлошапочныхъ овсянокъ (Emb. leucocephala). Вечеромъ слышали близъ дачи много дроздовъ-рябинниковъ и крякву. Рѣчка Кисловка промыла себѣ путь по озеру, на которомъ ледъ еще стоитъ. Изъ бабочекъ летаетъ Brephos parthenias въ 2ч. дня.

17. Ночью не было пониженія t ниже 0°.

Первый лѣтній денекъ! Летаютъ изъ бабочекъ въ Городкѣ крапивницы (Van. urticae), павлиній глазъ (Van. io) и лимонницы (Rhodocera rhamni); у воронъ полныя кладки. Видѣли бурундука (Tamias asiaticus). Вечеромъ непродолжительный теплый дождь. Убитъ вальдшнепъ.

18. Ночью слабый морозъ. Скворцы не спятъ въ скворешняхъ. Слышали журавлей. Появились клещи собачьи (Ixodes ricinus). Скворцы ежедневно купаются вечерами въ лужахъ. Начало ледохода на Томи. Въ Князе-Тояновомъ оз. вода поднимается У зимующихъ маковъ (Papaver orientale и alpinum) образовались листья. Летаетъ Van. io. Убитъ вальдшнепъ.

19. Ночью вода не замерзала. Чудный лѣтній день! Надъ Князе-Тояновомъ оз. пролетѣла чайка обыкновенная (Chroicocephalus ridibundus). Ихъ на Томи много. Летаетъ Vanessa io. Весь день слышенъ трескъ ломающагося на Томи льда.

20. Ночью сильный дождь, утромъ мороситъ также дождичекъ. Вода въ озерѣ прибываетъ, но ледъ еще стоитъ. Днемъ непостоянная погода: дождь, солнце и снѣгъ, даже крупа. Всюду на подходящихъ мѣстахъ цвѣтетъ мать и мачеха (Tussilago farfara), появились пѣночка сибирская (Phylloscopus tristis) и лѣсные коньки (Anthus trivialis). Послѣднихъ много.

21. Ночью пониженіе t ниже 0°. Въ 7 часовъ утра снѣгъ! Погода непостоянная, то дождь, то солнце! Вода въ Князе-Тояновомъ оз. быстро прибываетъ, а въ полдень и ледъ на немъ двинулся. Лугъ затопляется все больше: масса хомяковъ, крысъ-пасюковъ, водяныхъ крысъ и полевокъ вплавь спасаются съ луга въ Городокъ. За льдомъ на Князе-Тояновомъ озерѣ слѣдомъ пошла вода съ льдинами изъ Томи. Не затопленной осталась одна грива на лугу; надъ этой массой воды несутся утки, летаетъ орланъ-бѣлохвостъ, появился чистобѣлый кречетъ (Hierofalco rusticolus candicans?), куликъ-чернышъ (Totanus ochrophus). Природа сбросила ледяныя оковы. На Ушайкѣ убитъ куликъ-сорока (Haematopus ostralegus longipes) изъ стайки въ 6 штукъ и дупель. Появилось много вьюрковъ (Fringilla montifringilla), прилетѣли первая варакушка и мухоловка-пеструшка.

22. Вода спала на ½ арш. Ясное утро послѣ ночного мороза. Появился краснозобый соловей (Calliope calliope). На дачѣ появилась мухоловка-пеструшка (Muscicapa atricapilla) и тотчасъ же навѣстила прошлогоднюю скворешню. Вода понемногу убываетъ.

23. Ночью дождь! Вода стала значительно убывать. Погода прохладная и дождливая. Хорошая тяга!

24. На лугу замѣтилъ первую желтую трясогузку (Motacilla flava beema). Утромъ +4°R. Прилетѣли славка синехвостая (Tarsiger cyanurus) и горихвостка (Phoenicurus phoenicurus). Прилетѣли сарычи (Buteo vulpinus), убитъ на току глухарь, показались листья баранчиковъ (Primula elatior).

25, Утромъ +15°R. День теплый безъ дождя. Цвѣтетъ кандыкъ (Erythronium dens canis.). У калужницы (Caltha palustris) бутоны. Въ саду цвѣтетъ Primula auricula.

26. День вѣтреный, то пасмурный, то солнечный при+10°R. Цвѣсти начинаетъ вѣтреница алтайская (Anemone altaica). Видѣли ящерицъ, летаетъ Vanessa io. Близъ д. Пѣтуховой убитъ малый кроншнепъ (Num. tenuirostris).

27. Утромъ+ 8° R, ясно, цвѣтутъ „вѣтренники“ (Pulsatilla patens), медунки (Pulmonaria mollissima) и волосистыя фіалки (Viola hirta). Видѣли лимонницъ и лягушекъ. Начинаетъ цвѣсти въ саду рястъ (Scilla sibirica). Масса варакушекъ, появились чеканы-каменки (Saxicola oenanthe), много мухоловокъ-пеструшекъ, первый бекасъ-верховикъ (Gallinago stenura). У коршуна черноухаго (Milvus melanotis) полная кладка, у беркута тоже. У скворцовъ первыя яйца, у дроздовъ-рябинниковъ тоже. Много дроздовъ бѣлобровыхъ, пѣвчихъ и чернозобыхъ, изрѣдка попадаются дерябы

28. День вѣтреный, сырой, холодный. Дождь со снѣжинками, крупа.

29. День солнечный, но не теплый, безъ дождя. Видѣли дербника, кобчика, чеканчика черноголоваго (Pratincola maura). Убитъ подорликъ (Aquila maculata); много желтыхъ трясогузокъ (Motacila flava beema), много пѣночекъ и славокъ-мельничковъ (Sylvia curruca). На базарѣ продавались малый кроншнепъ (Numenius tenuirostris) и касатая утка (Eunetta falcata). У совы лѣсной (Otus otus) и болотной (Asio accipitrinus) по 4 яйца.

30. Утромъ+8°R. День пасмурный, временами солнечный. Видѣли первую кукушку, но не слышно еще ея кукованія. У желтой овсянки (Emb. citrinella) 2 яйца, у бѣлой трясогузки гнѣздо свито, но безъ яицъ. Видѣли горихвостокъ. Большой пролетъ утокъ на сѣверъ. Бузина и рябинолистная спирея распускаются.

Май.

1. Утромъ на дачѣ въ Городкѣ закуковала кукушка. Утромъ дождь, затѣмъ чудная лѣтняя погода! У дрозда-рябинника найдены кладки въ 5 и 6 яицъ, у сарыча снесено одно и два яйца, у скворцовъ полныя кладки, у воронъ и сорокъ уже птенцы. Видѣли куликовъ-перевозчиковъ (Actitis hypoleucus), галстушниковъ (Charadrius minor), оба вида чирковъ. Убитъ старый ♂ осоѣда (Pernis apivorus). Поползни и дятлы заняты устройствомъ гнѣздъ. Замѣчена вертишейка (Jynx torquilla). У чечетокъ полныя кладки. Много желтыхъ трясогузокъ (Motacilla flava beema) на том-

скомъ лугу. Изъ насѣкомыхъ пойманы скакунъ (Cicindela campestris), шмель (Bombus terrestris), появились жужжелицы и мертвоѣды (Sipha thoracica), много навозниковъ. У летяги (Sciuropterus russicus) во пнѣ березы найдено 4 еще слѣпыхъ дѣтеныша. Въ городѣ появились береговыя ласточки (Riparia riparia). Въ саду проявляютъ жизнь перезимовавшія „Edelweiss“ и ясенецъ (Dictamnus fraxinella).

2. Утромъ при пасмурномъ небѣ +12°R. Дождь, затѣмъ стало проглядывать солнце. Появились „божьи коровки“ (Coccinella 7punctata). Начинаетъ цвѣсти на лугу и въ саду бѣлый кандыкъ. Появляются листья у Aster alpinus. На „Сѣнной курьѣ“ близъ Томска убитъ залетный, характерный представитель фауны Каспійскаго моря черноголовый, хохотунъ (Larus ichtyaëtus). Ночью (на 3-е) сильный туманъ.

3. Утромъ при +7°R сильнѣйшій туманъ. День лѣтній съ t до +28° R. Первое пѣніе соловья въ Городкѣ. Цвѣтутъ ивы: на томскомъ базарѣ пріобрѣтенъ малый кроншнепъ (Numenius tenuirostris). Изъ насѣкомыхъ появились щелкуны, слоники, дровосѣки, пчелы, гусеницы Arctia. На нѣкоторыхъ березахъ появились листочки, цвѣтетъ лютикъ золотистый (R. auricomus), желтая фіалка (Viola uniflora) и хохлатки (Corydalis bracteata).

4. Жаркій лѣтній день! На лиственницахъ распускаются почки. Изъ жуковъ пойманъ Rhagium sycophanta.

5. Не будь холоднаго вѣтра, былъ бы теплый солнечный день. Убитъ перепелъ. На дачѣ пойманъ крупный березовый шелкопрядъ (Endromis versicolora), сидѣвшій на осинѣ. Прилетѣли во множествѣ деревенскія ласточки (Hirundo rustica). У лягушекъ икра. Начинаетъ цвѣсти первоцвѣтъ желтый (Primula elatior).

6. Хорошій теплый день. Въ бору замѣчены лѣсной скакунъ (Cicindela sylvatica). Зайцы еще въ пестрыхъ шубкахъ.

7. Утромъ и вечеромъ холодно и сыро при рѣзкомъ вѣтрѣ. Днемъ тепло и солнечно. Цвѣтетъ калужница (Caltha palustris) и береза. Въ фуксманскомъ лѣсу убита совка-сплюшка (Scops scops sibirica). Ночью рѣзкій вѣтеръ.

8. Утромъ 0°. Ночью выпалъ снѣгъ. Снѣгъ падаетъ большими хлопьями и утромъ, а днемъ до 2—3 ч. шелъ густой снѣгъ. t на 0°; къ вечеру —1°R. На дачѣ появился чечевичникъ (Carpodacus erythrinus). Городской лугъ съ кандыками и первоцвѣтами, выставляющими свои цвѣты надъ 2-вершковымъ снѣгомъ, принялъ печальный видъ.

9. Снѣгъ утромъ еще лежитъ, но таетъ. Скворцы начинаютъ выбрасывать яичныя скорлупы изъ гнѣздъ. Найдена Silpha thoracica изъ мертвоѣдовъ. Много куликовъ-фифи (Totanus glareola) на лугу.

10. Утромъ холодно. пасмурно и вѣтрено. У боярышника появились листья, цвѣтетъ Anemone coerulea. Стали ползать майки. У бѣлой трясогузки 5 яицъ, пѣночки свили гнѣзда. Подъ вечеръ дождь. Первая гроза вечеромъ и ночью! Начинаетъ цвѣсти маральникъ (Rhododendron dauuricum).

11. Чудное утро послѣ первой грозы. Днемъ дождь. Близъ д. Петровой убита бѣлая сова (Nyctea nyctea), почему-то не успѣвшая отлетѣть на сѣверъ, въ весьма пестромъ оперении. Изъ окрестностей города доставлены свѣже-убитые нырокъ бѣлоглазый (Nyroca nyroca) и авдошка-веретенникъ (Limosa melanura) Начинаетъ цвѣсти крупка стелящаяся (Draba repens). Въ Каинскомъ у. въ д. Потюкановой убита золотистая ржанка (Charadrius apricarius), которая здѣсь по сообщенію *С. К. Шарашкина* гнѣздится и многочисленна.

12. Прекрасный лѣтній, нѣсколько вѣтреный день.. У бекасовъ обыкновенныхъ (Gallinago gallinago) находятъ уже полныя кладки. Вечеромъ сталъ кричать коростель-дергачъ (Crex crex). У дрозда-рябинника вывелись птенцы. Скворцы все время выбрасываютъ яичныя скорлупки. Начинаетъ цвѣсти Cassandra calyculata.

13. Солнечно, но все еще вѣтрено. Тревожное поведеніе скворцовъ близъ скворешни, занятой сычомъ, указываетъ на какую-то вину его. Рѣзкій, холодный NO вѣтеръ при +3° и +5°R (въ 5 и 9 ч. утра). У гаечки (Penthestes borealis) уже полныя кладки. Она у насъ, повидимо, часто гнѣздится въ дуплахъ послѣ малаго пестраго дятла, при чемъ ♂ во время насиживанія доставляетъ самкѣ въ гнѣздо кормъ.

14. Утромъ уже +10°R въ тѣни. Хорощій лѣтній день. Начинаетъ цвѣсти сочевичникъ весенній (Orobus vernus). Убитъ гаршнепъ, на базаръ доставлены касатая утка съ отрѣзанными крыльями (Eunetta falcata) и бѣлолобая казарка съ р. Оби. Въ ночь на 15-ое соловей, чудно пѣвшій въ университетской рощѣ, собралъ около себя небольшую аудиторію внимавшей ему учащейся молодежи.

15. Хорошій лѣтній день. Начинаютъ цвѣсти первоцвѣтъ лекарственный (Primula officinalis), алданскій виноградъ (Ribes

dikuscha) и огоньки (Trollius asiaticus). На дачу прилетѣла первая иволга (Oriolus oriolus), а вечеромъ надъ озеромъ замѣтили зимородка. Показывается надъ землей спаржа, у клюквы образовались розовые бутоны.

16. Хорошій жаркій день. Въ городѣ начинаетъ цвѣсти черемуха, на лугу будра плющевидная (Glechoma hederacea). Найдены близъ Городка колбасовидныя завитушки сибирскаго тритона (Salamandrella keyserlingii) съ продолговатыми уже зародышами. Видѣлъ на лугу красиваго ♂ лугового чекана (Pratincola rubetra margaretae). Начинаетъ цвѣсти желтоцвѣтный молочай (Euphorbia lutescens). Изъ жуковъ пойманы: Staphylinus caesareus, Thanasimus formicarius (пестрякъ), Anatis ocellata, Meloë proscarabaeus (майка), Selatosomus aeneus, Prosternon sericeus (щелкуны) и другіе.

17. Хорошій лѣтній день!

18. Хорошій лѣтній день безъ дождя.

19. Все еще стоитъ хорошая погода. Цвѣтетъ массами одуванчикъ (Taraxacum officinale), начинаетъ цвѣсти ирисъ—касатикъ (Iris ruthenica).

20. Все еще нѣтъ дождя! Оранжевыя полосы цвѣтущихъ массами огоньковъ придаютъ своеобразный и прелестный видъ городскому лугу долины Томи.

21. Ночью гроза и дождь! Днемъ снова гроза и дождь, сопровождавшаяся въ Городкѣ небольшею крупою. Вечеромъ дождливо. Серебристые тополя одѣваются листвою. Начинаютъ цвѣсти макъ альпійскій и ландыши (на дачѣ).

22. Пасмурный, дождливый день. Начинаетъ цвѣсти земляника (Fragaria vesca), пурпуровый первоцвѣтъ (Primula cortusoides), дикій хмѣль (Atragene alpina) и желтая акація (Caragana arborescens).

23. Ночью дождь. Утромъ пасмурно; вѣтерокъ. Начинаетъ цвѣсти звѣздчатка (Stellaria bungeana). Днемъ пасмурно. Найдена майка. Вечерами и ночью слышно много коростелей, значительно больше, чѣмъ въ 1912 году.

24. День безъ дождя. Цвѣтутъ незабудка (Myosotis sylvatica), кошачья лапка (Antennaria dioica), сочевичникъ желтый (Orobus luteus), на лугу „пучки“. Вечеромъ вѣтеръ, ночью дождь и гроза.

25. Ночью дождь былъ очень сильнымъ. Утро тихое, облачное. День безъ дождя. Начинаетъ цвѣсти герань мелкоцвѣтная (Geranium pseudosibiricum), а въ саду канадскій флоксъ.

26. Рано утромъ продолжительный сильный дождь. День пасмурный. Цвѣтутъ бузина, багульникъ, княженика (Rubus arcticus). У дроздовъ-рябинниковъ молодые уже летаютъ, у скворцовъ птенцы частью выпархиваютъ изъ скворешенъ. Вечеромъ въ 10 ч. дождь. На дачѣ поймана ночница Pygaera timon.

27. Утромъ дождь. У брусники и кукушкиныхъ сапожковъ (Cypripedium macranthon) довольно развитые бутоны.

28. День безъ дождя. На городскомъ дугу найденъ снова цвѣтущимъ во множествѣ водосборъ (Aquilegia sibirica). Въ саду начинаетъ цвѣсти бѣлый альпійскій макъ.

Въ концѣ мая (около 29 V.) близъ Томска (дер. Петрова) изъ 3-хъ штукъ добытъ самецъ синьги (Melanitta nigra), представляющій не только для Томска весьма интересную находку, такъ какъ до сихъ поръ эта утка не наблюдалась въ Сибири на весеннихъ и осеннихъ пролетахъ.

29. Ночью дождь Цвѣтутъ боярышникъ и яблони, сирень и Dielytra spectabilis.

30. Чудный лѣтній день. Начинаютъ цвѣсти грушанки (Pyrola rotundifolia и media), луговая герань (Geranium pratense), кукушкинъ сапожокъ (Cypripedium guttatum). На торфяникахъ цвѣтутъ Menyanthes trifoliata, Eryophorum, морошка, андромеда, въ бору и троицина трава (Trientalis europaea). Жуки—навозники парочками ползутъ по аллеямъ. Впереди ползетъ болѣе крупная ♀, за ней ♂ меньшихъ размѣровъ. Найдены первые цвѣтущіе экз. истода хохлатаго (Polygala comosa).

31. Начинаютъ при чудной лѣтней погодѣ цвѣсти Paeonia anomala, Cypripedium macranthon, а въ саду дачи красивый тюльпанъ (Tulipa Gessneriana).

Іюнь.

1. Жаркій день безъ дождя. Начинаютъ цвѣсти рябина и жимолость (Lonicera tatarica), а также деренъ сибирскій (Cornus sibirica). Стала появляться мошка.

2. Хорошій день. Начинаютъ цвѣсти дикій овесъ (Avena pubescens), ландышъ сибирскій (Majanthemum bifolium) и костяника (Rubus saxatilis), въ саду красивый синій ирисъ (Iris furcata). Альпійскій макъ (Papaver alpinum) образовалъ внезапно махровые цвѣты. Съ осинъ падаетъ пухъ.

3. Жаркій день. Гроза и немного дождя. Начинаютъ цвѣсти желтая кубышка (Nuphar luteum), желтый кукушкинъ сапожокъ (Cypripedium calceolus), таволга дубровколистная (Spiraea chamaedryfolia); начинаютъ находить масленниковъ. На базарѣ появились сморчки. Начинаютъ цвѣсти колокольчикъ Стевена (Campanula steveni), орхидное (Orchis latifolia), синюха (Polemonium coeruleum), вшивица желтая (Pedicularis comosa), обыкновенный золотарникъ (Solidago Virga aurea), гречиха-горлецъ (Polygonum bistorta).

У чечевичниковъ (Carpodacus erythrinus) первыя яйца.

4. Утромъ свѣжо. Жаркій день. Вечеромъ дождь

5. День вѣтреный, солнечный, безъ дождя. Начинаетъ цвѣсти иглистый шиповникъ (Rosa acicularis).

6. Цвѣтутъ любка (Platanthera bifolia) и колокольчикъ скученный (Campanula glomerata). Пойманъ на дачѣ дубовый шелкопрядъ (Lasiocampa quercus). Бабочка эта взята трепещущейся на водѣ Князе-Тоянова озера. Подъ вечеръ слышна отдаленная гроза.

7. Начинаетъ цвѣсти чихотная трава (Ptarmica impatiens) и въ саду дачи хрѣнъ баварскій. Все еще нѣтъ дождя! Одинъ изъ молодыхъ сычей, повидимому, вылетѣлъ изъ гнѣзда и сидитъ близъ скворешни на сучкѣ. Старые сычи манятъ, издавая иные звуки, чѣмъ птенецъ.

8. Цвѣтутъ царскія кудри (Lilium martagon) и козлобородникъ луговой (Tragopogon pratensis). Сычи понемногу покидаютъ свое гнѣздо; 7-го увели 2 птенцовъ, сегодня одного. Вечеромъ зарница.

9. Цвѣтетъ лукъ полевой (рѣзанецъ-Allium Ledebourianum) и вечерница (Hesperis matronalis). Рано утромъ сильный дождь, позднѣе повторно еще и еще!

10. Ночью дождь! Днемъ гроза! Цвѣтутъ французскій лукъ, калина (Viburnum opulus) и володушка золотистая (Bupleurum aureum).

11. Днемъ гроза, мѣстами сильный дождь, даже съ градинками. Начинаютъ появляться бѣлые грибы.

12. Утромъ въ 11 ч. громъ и дождь. Среди грибовъ преобладаютъ масленники и подберезовики. Начинаетъ цвѣсти саловая малина, затѣмъ въ саду же желтый ирисъ (Iris pseudacorus), пасленъ сладкогорькій (Solanum dulcamara) и бѣлый водосборъ (Aquilegia nivea grandiflora).

13. Летаютъ голубянки (Lycaena). Вечеромъ непродолжительная гроза и небольшой дождь. Два молодыхъ сыча, сидя рядомъ, одновременно выставляютъ свои головы изъ скворешни.

14. Ночью сильный дождь и гроза. Весь день дождь. Найдены подосиновики, обабки и лисички.

15. Утромъ свѣжо и вѣтрено, но день былъ хорошій, солнечный. Начинаетъ цвѣсти бѣлая ромашка (Chrysanthemum leucanthemum).

19. Начинаетъ цвѣсти въ саду макъ персидскій (Papaver orientale). У козодоя (Caprimulgus europaeus) яйца содержатъ вполнѣ сформировавшихся птенцовъ. Съ 16-го дни солнечные.

20. Гроза, дождь. Найдены рыжики.

22. Начинаетъ цвѣсти въ саду дачи спирея рябинолистная (Sorbaria sorbifolia) и эдельвейсъ.

23. Цвѣтетъ борецъ сѣверный (Aconitum septentrionale) и росянка (Drosera rotundifolia), а въ саду дачи пышные китайскіе бѣлые піоны (Paeonia chinensis fl. albo pl.).

24. Молодыя мухоловки-пеструшки (Muscicapa atricapilla) вылелѣли изъ скворешенъ.

26. Днемъ гроза, дождь. Мало слышно коростелей (Crex crex).

27. Рано утромъ сильный дождь послѣ сильной грозы ночью. Въ саду начинаетъ цвѣсти Lilium thunbergianum.

28. Цвѣтетъ льнянка (Linaria vulgaris) и начинаютъ попадаться первыя зрѣлыя ягоды черники.

29. Утромъ въ 11-мъ часу гроза, сильный дождь съ градомъ величиною болѣе воробьинаго яйца. Вечеромъ снова гроза и дождь. Начинаетъ цвѣсти красивый душистый піонъ (Mad. Baltet).

30. День безъ дождя. Первыя стайки кочующихъ долгохвостыхъ синичекъ и другихъ.

Іюль.

2. Ночью дождь. Пасмурный, вѣтреный день Перепадаетъ дождь. Днемъ гроза.

5. Дождь.

6. Дождь. На лугу цвѣтетъ живокость высокая (Delphinium elatum). У мухоловки-пеструшки вывелись птенцы. Цвѣтетъ огонекъ. Найдены волнушки.

7. Дождь и гроза.

8. Днемъ дождь.

9. Утромъ дождь. Днемъ проглядывало солнце. Вдали гроза.

10. Ходятъ тучи, вдали гроза.

11. Утромъ и вечеромъ сильный туманъ надъ долиною Томи. Днемъ лишь нѣсколько капель дождя.

12. Днемъ гроза съ дождемъ. Въ городѣ мѣстами очень сильный дождь. Въ саду начинаетъ созрѣвать малина и клубника.

13. Утромъ сильный туманъ. На терассѣ дачи появился бурундучекъ. Днемъ небольшой дождь, вдали гроза.

14. Слабый дождь. Гроза.

15. Съ 3-хъ ч. дня гроза и сильный дождь.

16. Ночью дождь, день пасмурный. Созрѣлъ и снятъ алданскій виноградъ.

17. Поспѣла черемуха и кислица. Малины масса.

18. День безъ дождя, но солнца мало.

19. День св. Мокриды прошелъ безъ дождя.

20. Утромъ дождь. День пасмурный. Вторые птенцы мухоловки-пеструшки (Muscicapa atricapilla) покинули гнѣздо.

21. День безъ дождя.

22. Весь день накрапываетъ дождь. На р. Курьѣ близъ Томска добыто два клоктуна (Nettion formosum).

23. На лугу убита связь (Mareca penelope) и чернозобый дроздъ (Merula atrigularis). День пасмурный, но безъ дождя

24. Хорошій солнечный день.

25. Прекрасный жаркій лѣтній денекъ безъ дождя!

26. Дождя не было.

27. с. Кирѣевское на Оби. Хорошій день. Отдаленная гроза.

28. „ Вечеромъ сильный дождь.

29. „ „ дождь. Убитъ осоѣдъ (Pernis apivorus).

30. „ День безъ дождя. Ужъ (Tropidonotus natrix) находитъ предѣлъ своего распространенія по Оби къ сѣверу *здѣсь*, а не въ Дубровиной на Оби.

31. Дождя не было. Мошекъ масса въ Городкѣ.

Августъ.

1. День прекрасный, вечеромъ гроза и сильный дождь.

2. Утромъ сильный туманъ. На лугу убитъ лѣсной дупель (Gallinago megala).

3. Утромъ перепадалъ дождь, была гроза. День хорошій, лѣтній. Снова стали цвѣсти огоньки (Trollius asiaticus). Вечеромъ $+15^0$R

4. Утромъ гроза и сильный дождь. Буря! Подъ вечеръ немного дождя, но проглядывало и солнце.

5. Сырой, пасмурный, осенній день. Вѣтрено. Вечеромъ въ 7 ч. +10R°.

6. Утромъ ясно, свѣжо! Найденъ мертвый козодой (Caprimulgus europaeus). Журавли потянули на югъ. Въ 11 ч. вечера только +5°R.

7. Солнечный, хорошій день. Слышны журавли. Утромъ мѣстами около Томска и въ городѣ выпалъ первый иней, но въ Городкѣ его не было.

8. Утромъ дождь, потомъ погода разгулялась.

9. Съ утра дождь, переставшій послѣ обѣда.

10. Изрѣдка дождь, вечеромъ холодно.

11. День безъ дождя. но и безъ солнца.

12. Пасмурный день.

13. Чудная лѣтняя погода безъ дождя!

14. Утромъ пасмурно, къ вечеру дождь.

15 Прекрасный день безъ дождя. Вечеромъ на терассѣ дачи поймана на свѣтъ лампы красивая зубчатая сорка (Scoliopteryx libatrix). Летаютъ розоватые ночные хрущики (Serica sp.).

16 Хорошій денекъ. Дождя не было.

17. Утромъ солнечно, тепло. Летаютъ траурницы. Листья березъ желтѣютъ, листья черемухи и дерена (Cornus sibirica) краснѣютъ. Лиліи (L. splendens) образуютъ луковички въ листовыхъ пазухахъ. Послѣ обѣда пасмурно, выпало нѣсколько капель дождя при+ 17°R. Сѣмена нѣкоторыхъ растеній (напр. китайской капусты „пе тсай“) созрѣли и при томъ раньше, чѣмъ въ прежніе годы. Въ 10 ч. вечера зарница на сѣверѣ и западѣ при +14°R. Въ 11 ч. очень сильный вѣтеръ, гроза и сильный дождь.

18. Холодный, пасмурный, лишь мало солнечный день при t+8°R.

19. Мало солнца, но день относительно теплый. Вечеромъ дождь.

20. Всю ночь дождь, тоже и утромъ и днемъ. Послѣ обѣда не было дождя. Массовый пролетъ ржанокъ (Eudromias morinellus).

21. Свѣжо. Утромъ небольшой дождь. Вечеромъ +5°R.

22. Пасмурно, изрѣдка видно солнце. Послѣ обѣда и вечеромъ дождь.

23. Утромъ дождь.

24. Днемъ дождь.

25. Утромъ дважды дождь.

26. День безъ дождя съ t до+20° R.

27. Пасмурно. Небольшой дождь. Цвѣтетъ снова козлобородникъ (Tragopogon pratensis).

28. Прекрасный день безъ дождя при +16°R въ 11 ч. утра; близъ города добыта совка-сплюшка (Scops scops sibirica).

29. Хорошій день въ д. Султанаковой. Вечеромъ дождь.

30. День безъ дождя.

31. Дождя не было. Новое для окр. Томска растеніе найдено гг. *Орловымъ и Наумовымъ*. Это Salvinia natans.

Сентябрь.

1. День вѣтреный безъ дождя.

2. Рано утромъ дождь. Погода хорошая.

3. Утромъ дождь. День пасмурный, сырой.

4. Пасмурный, дождливый, но теплый день. Вторичный расцвѣтъ шиповника по р. Басандайкѣ въ 25—40 в. отъ города. По словамъ корреспондента *Л. А. Красина* „цвѣты выглядятъ чрезвычайно оригинально на фонѣ увядающей зелени цвѣта темнаго-бордо".

5. Чудная лѣтняя погода.

6. Чудная лѣтняя погода.

7. Утромъ въ городѣ на крышахъ иней. Днемъ чудная лѣтняя погода. На кустахъ шиповниковъ много бутоновъ. Серебристые тополя великолѣпны въ своемъ покрытомъ золотомъ и серебромъ осеннемъ, пока еще держащемся листовомъ нарядѣ.

8. Чудный денекъ „бабьяго лѣта". Лишь листья тыквъ пока немного пострадали, все остальное какъ лѣтомъ. Собраны послѣднія ягоды малины и клубники. Цвѣтетъ еще на лугу и огонекъ (Trollius asiaticus). Температура доходила до +30° R на солнцѣ. Изъ грибовъ найдены еще послѣдніе сезона: моховики, опенки, рыжики, волнушки и масленники. Близъ дачи убита сидѣвшая въ скворешнѣ летяга (♀) и доставлена мнѣ. На лугу убитъ бекасъ обыкновенный. Особенно красивы въ саду дачи георгины и, къ сожалѣнію, однолѣтнее, а не многолѣтнее растеніе—японскій хмѣль. Въ университетской рощѣ группа серебристыхъ тополей сразу оголилась.

9. Все еще стоитъ лѣтняя погода безъ дождя.

10. Съ ранняго утра пасмурно, дождь. Днемъ проглядывало немного солнце. Массовый прилетъ пуночекъ (Plectrophenax nivalis).

11. Дождливый, пасмурный денекъ.

12. Утромъ первый снѣгъ при +2° R. большими хлопьями. Днемъ и вечеромъ также снѣгъ. Гуси гогоча летятъ массами съ утра и днемъ надъ городомъ. Въ два раза насчитали 270 индивидовъ. Видѣли и журавлей? Вечеромъ въ 10 ч. t на 0°, ожидается первый морозъ.

13. Ясное утро послѣ первой морозной ночи, во время которой лужи успѣли покрыться льдомъ. Днемъ пасмурно. Былъ снѣгъ и небольшая крупа.

14. День пасмурный при +7° R. Близъ деревни Петровой убита молодая ♀ морянки (Harelda hyemalis). Съ утра вода въ Томи сильно прибываетъ, затопила подъѣзды къ паромамъ и Курью. Отъ послѣдняго мороза на дачѣ почти все погибло, въ томъ числѣ маньчжурская аралія, японскій хмѣль, дикій виноградъ и т. д., но благополучно перенесли это пониженіе температуры рудбеккія и астры. Найденъ полуживой жукъ-скрипунъ (Monochammus sp.), а подъ вечеръ летала еще и летучая мышь на дачѣ. Много перелетающихъ кочующихъ большихъ синицъ (Parus major) и длиннохвостыхъ.

15. Близъ Томска еще убитъ коростель (Crex crex). Ночью на 15-ое t не понижалась ниже 0°. Къ вечеру пошла крупа. Появились канюки мохноногіе и бѣлыя совы.

16. Утромъ все побѣлѣло отъ выпавшаго снѣга, который днемъ мѣстами сильно таялъ.

17. Ночью t понижалась ниже 0°. День пасмурный, безъ дождя. Снѣгъ продолжаетъ таять. На Ушайкѣ близъ д. Круглыхиной убита выдра.

18. Утромъ въ 8 ч. t на 0°, на крышахъ лежитъ снѣгъ. День ясный, солнечный, но не весь снѣгъ успѣваетъ таять. Летаетъ еще крапивница (Vanessa urticae).

19. Пасмурно, вѣтрено при +5° R. въ 8 ч утра. На Ушайкѣ близъ назв. выше деревни убита вторая выдра. Къ вечеру дождь.

20. Утро сырое при пасмурномъ небѣ и +7°R. День солнечный и теплый при+ 16° R въ 3 ч. Вечеромъ теплый вѣтеръ при +12° R въ 10 ч. вечера!!

21. Утромъ +6° R. Вѣтрено, несутся облака. День хорошій, подъ вечеръ и вечеромъ нѣсколько капель дождя.

22. Утромъ густой снѣгъ, падавшій въ теченіе 2—3 часовъ. День холодный; рѣзкій вѣтеръ. Слабый пролетъ гусей (дер. Кафтанчикова) Сильный пролетъ связи (Mareca penelope) надъ Томью и ея долиною. Мѣстами все еще ставятся запрещенные „слопцы“ на глухарей!

23. Пасмурно при—2° R въ 8 ч. утра. Въ д. Кафтанчиковой убитъ сибирскій мохноногій канюкъ (Archibuteo pallidus). Днемъ t не поднималась выше 0°.

24. Послѣ морозной ночи солнечный ясный день, но свѣжо!

25. День безъ дождя, но пасмурный! Въ тальникахъ университетскаго озера стайка длиннохвостыхъ сибирскихъ снѣгирей (Uragus sibiricus).

26. Пасмурно, утромъ туманъ. У садовой малины распустились почки и появились $1^1/_2$-вершковые новые побѣги со свѣжей листвою. У Черныхъ Юртъ убиты 3 экз. новой для Томска чернети морской (Fuligula marila), кромѣ связей, гоголей и острохвостыхъ утокъ. Въ саду дачи цвѣтутъ еще лишь рудбекія, нѣсколько анютиныхъ глазковъ и ноготковъ. Днемъ нѣсколько разъ выпалалъ частый дождь.

27. Дождь всю ночь, а также и днемъ.

28. Ночью выпалъ снѣгъ. Утромъ въ 8. ч. ртуть на 0°. День ясный, вечеромъ вода стала замерзать.

29. Утромъ сильный вѣтеръ, временами дождь и снѣгъ. Много кочующихъ соекъ (Garrulus brandti) и большихъ синицъ (Parus major). У зайцевъ еще темные хребты, хотя попадаются и совсѣмъ побѣлѣвшіе.—Къ вечеру значительно потеплѣло, но тетерева садились къ чучеламъ.

30. Утро пасмурное, день ясный, солнечный теплый. Вечеромъ и ночью тепло. Чудная теплая лунная ночь. (+6° R.!)

Октябрь.

1. Утромъ въ 7 ч. +6° R., солнечно; днемъ пасмурно и t +10° R.; выпалъ дождь, послѣ котораго съ 3 ч. дня стало солнечно. Подъ вечеръ сильный вѣтеръ свалилъ въ университетской рощѣ даже дерево. Въ стайкѣ кочующихъ подъ предводительствомъ малаго лятла обыкновенныхъ гаичекъ, поползней и хвостатыхъ синичекъ убита и буроголовая гаичка.

Близъ города еще убитъ сильно ожирѣвшій коростель-дергачъ (Crex crex). Прилетъ свиристелей.

2. Утромъ выпалъ снѣгъ при 0°. День то солнечный, то пасмурный, но вообще прохладный при t около 0°.

3 Пасмурно при 0°. Утромъ падаютъ отдѣльныя рѣдкія снѣжинки. Днемъ стало падать больше снѣга. Подъ вечеръ все покрылось снѣгомъ, хотя и неглубокимъ. Въ 11-мъ часу вечера—4½° R.

4. При t въ —2° R снѣгъ держится. День пасмурный. Днемъ снова выпалъ снѣгъ. Температура въ теченіе дня не поднималась выше 0°.

5. День пасмурный, но снѣгъ все же таетъ, хотя и слабо. На Курьѣ убита рогатая поганка (Dytes auritus).

6. Всѣ мелкія озера покрылись льдомъ, въ томъ числѣ и Князе-Тояново. Чудный теплый день! Видѣли черныхъ воронъ (Corvus corone orientalis). Опять добыта буроголовая гаичка. Бѣлыя трясогузки въ числѣ двухъ замѣчены въ университетской оградѣ.

Въ Кафтанчиковскомъ бору часто попадаются кукши (Perisoreus infaustus) и убита уральская сова (Syrnium uralense). Вечеромъ t ниже 0°

7. Утромъ иней. Почва замерзла. День пасмурный, днемъ былъ дождь. Ночь на S-ое ясная, но теплая.

8. Ночью не было заморозка. Утро пасмурное, крыши мокрыя. День пасмурный, снѣгъ совершенно исчезаетъ.

9. Пасмурный день при +5° R.

10. Пасмурный день при +6° R. днемъ. Мѣстами небо ясное. Близъ колоніи Об-ва физич. развитія цвѣтетъ еще огонекъ (Trollius asiaticus).

11. Утромъ иней и туманъ. День чудный, солнечный съ t +14° R. на солнцѣ. У крапивы (Urtica dioica) снова, какъ весною, образовались пучки свѣжихъ листьевъ. Въ 12-омъ часу ночи (на 12-ое) +1° R!

12. Утромъ иней. Днемъ ясная, чудная погода. Послѣднихъ дней, говорятъ, не помнятъ старожилы. Днемъ t была свыше +10° R. на солнцѣ.

13. Утромъ послѣ слабоморозной ночи сильный вѣтеръ. Днемъ перепадаетъ и снѣгъ. Убита ястребиная сова

14. Утромъ +1°. Днемъ ясно и небольшой вѣтеръ. Снѣгу все еще нѣтъ! Въ университетской оградѣ все еще держатся бѣлыя трясогузки (Mot. alba).

15. Ясный день безъ дождя и снѣга. Ночью былъ слабый морозъ.

16. Пасмурный день. Слабый, непродолжительный дождь. Все еще не отлетѣли университетскія бѣлыя трясогузки (Mot. alba).

17. Утромъ всѣ деревья универс. рощи оказались въ чудномъ инистомъ и снѣжномъ убранствѣ. Все покрыто снѣгомъ. t всего $+2^0$ R. На дачѣ въ Городкѣ видѣли лишь вороновъ, снѣгирей — жулановъ и бѣлыхъ лазоревокъ. Здѣсь же вслѣдствіе продолжительнаго тепла не только малина (ср. 26. IX), но и жасминъ успѣли распустить почки. Сильный вѣтеръ послѣ обѣда лишилъ деревья ихъ убранства. Князе-Тояново озеро свободно отъ льда; на Томи не видно ни шуги, ни сала.

18. Утромъ -4^0 R., всюду лежитъ снѣгъ. Въ 10-мъ часу утра пошелъ густой снѣгъ. На рѣкѣ сало. Днемъ -3^0 R.

19. Утромъ -3^0 R. Снѣгъ держится. Днемъ выпало немного новаго снѣгу. Солнце проглядывало лишь немного.

20. Утромъ отъ -2^0 до -1^0 R. День пасмурный. Къ вечеру падалъ густой снѣгъ. Близъ города на Томи убита очень большая молодая чайка, пріобрѣтенная зоологическимъ музеемъ ў-та (Larus vegae Palm?)

21. Утро ясное, солнечное, тихое. Затѣмъ стало вѣтрено, пасмурно и пошелъ снѣгъ. На рѣкѣ стали разбирать паромы и пошла шуга.

22. Санный путь установился. Днемъ -6^0 R при сильномъ вѣтрѣ. Близъ города убита парочка морянокъ (Harelda hyemalis) и 4 большихъ крохаля (Mergus merganser) изъ стаи въ 25 и болѣе штукъ.

23. Утромъ -3^0 R. Почти весь день при 0^0 падаетъ снѣгъ.

24. Ртуть стоитъ на 0^0. Днемъ нѣсколько разъ выпадалъ густой снѣгъ. Ночью на 25-ое капало съ крышъ, но снѣгъ держится.

25. Подъ утро -2^0 R. Днемъ иногда проглядывало солнце, но падало и много густого снѣга. Подъ вечеръ опять капало съ крышъ. Вечеромъ въ 10 ч. -1^0 R.

26. Утромъ -1^0 R. Днемъ капаетъ съ крышъ, но снѣгъ на землѣ не таетъ. Близъ города убитъ молодой бѣлый тетеревятникъ (Astur palumbarius albus Pall.), пріобрѣтенный зоол. кабинетомъ Сибирскихъ Высшихъ Женскихъ курсовъ.

27. Утромъ -1^0 R, днемъ $+2^0$ при сильномъ снѣжномъ буранѣ. Къ вечеру стало холодать и въ 11-мъ часу термометръ показывалъ уже $-12{,}5^0$ R!

28. Утромъ морозъ въ —16° R. до —18°. Днемъ не выпадало новаго снѣга. Вечеромъ лунно при —15,5°R въ 9 ч.

29. Утромъ —19° R. до —21° R. День ясный, солнечный. Начинаютъ переходить скованную льдомъ Томь. Вечера и ночи лунные.

30. Утромъ пасмурно при —11° R. Новаго снѣга нѣтъ. Вѣтрено. Начинаютъ переѣзжать Томь.

31. Утромъ —5° R. Днемъ на солнцѣ t доходила до +2° R, ночью на 1-ое —4° R.

Ноябрь.

1. Пасмурный день при —5° до —4° R. Къ вечеру снѣгъ.

2. Утромъ —5° R пасмурно. Вечеромъ —7° R.

3. Утромъ и вечеромъ —6° R. Утромъ и вечеромъ выпадалъ снѣгъ. Вечеромъ вѣтрено.

4. При —6° R. утромъ выпадалъ густой снѣгъ. Днемъ —4° R. На базаръ былъ привезенъ сѣрый фламинго (Phoenicopterus roseus), убитый по сообщенію продавца на Томи ниже г. Кузнецка въ октябрѣ.

5. Утромъ всего —1° R. Падаетъ густой снѣгъ. День пасмурный.

6. Утромъ +0,5° R, днемъ до +2° R. Капаетъ съ крышъ, даже вечеромъ.

7. Днемъ +1,5° R. Капаетъ съ крышъ. Два фламинго на базарѣ.

8. Днемъ —7° R. Идетъ снѣгъ.

9. Утромъ —11° R. Днемъ —6° R.

10. Днемъ —2° R. Идетъ снѣгъ. По слухамъ два красныхъ фламинго на базарѣ.

11. Утромъ пасмурно при —2° R. Потомъ солнечно; капало съ крышъ.

12. Пасмурный день при —3° R.

13. —2° R. пасмурно. Днемъ таяло и капало съ крышъ.

14. Днемъ —3° R. Былъ мелкій дождь.

15. Все покрыто роскошнымъ инеемъ. Утромъ —8° R. Днемъ выпалъ снѣгъ. Вечеромъ въ 8 ч. —10° R.

16. При —10° R. иней держится.

17. Иней держится.

18. Утромъ въ 8 ч. —15° R. День ясный, морозный. Вечеромъ въ 11 ч. тоже —15° R. Появилось много щуровъ (Pinicola enucleator) и дубоносовъ (Coccothraustes coccothraustes).

19. Утромъ —17° R. Иней на деревьяхъ осыпался.

20. Утромъ —18°, днемъ —10° R. Ночью на 21-ое всего —4° R.

21. Весь день всего—2° R.

22. При —2° R. идетъ густой снѣгъ.

23. Утромъ —10° R. Снова выпадаетъ снѣгъ, къ вечеру буранъ. На базарѣ молодой фламинго изъ д. Халдѣевой (Иркутск. трактъ) отъ конца октября.

24. Утромъ —1° R. Днемъ оттепель при +1,5° R. Ночью на 25-ое +0,5° и мѣстами даже +1° R. Наблюдаются кочевки бѣлыхъ лазоревокъ вверхъ по Томи. Много сѣрыхъ снѣгирей (Pyrrhula cassini) за Томью. Много сѣрыхъ куропатокъ и бѣлыхъ, свиристелей, бѣлыхъ совъ, тетеревятниковъ; сова ястребиная. На р. Бурундукѣ два гоголя (Glaucionetta clangula) и кряковый селезень. Пуночки, овсянки желтыя, гаички и щеглы.

25. Темпер. все еще на 0° и выше. Днемъ до +1½° R. Сильное таяніе днемъ и вечеромъ. Днемъ выпалъ густой снѣгъ. Видѣли большого сорокопута (Lanius homeyeri), стайку корольковъ (Regulus regulus coatsi), длиннохвостыхъ синичекъ и сапсана (Falco peregrinus).

26. Утромъ въ 8 ч. 0°. Туманъ. Днемъ и вечеромъ сильно таяло и капало съ крышъ. На тротуарахъ лужи.

27. Въ 8 ч. утра —0,5° R. Днемъ таяло и капало съ крышъ. Къ вечеру пониженіе t до —3° R.

28. Утромъ въ 7½ ч. —5° R. Вечеромъ въ 10 ч. —10° R.

29. Утромъ —10° R. Къ вечеру и ночью на 30-ое опять всего —1° R.

30. Утромъ —2° R. Пасмурно. Днемъ небольшой снѣгъ при —1° R.

Декабрь.

1. День чудный теплый при —2° R. Въ городѣ на скворешнѣ пѣлъ скворецъ (!). Ночью на 2-ое снѣгъ.

2. Утромъ —3° R. Днемъ нѣсколько разъ густой снѣгъ.

3. Утромъ —4° R.

4. „ —8° R. Днемъ снѣгъ.

5. „ —9° R. Днемъ снѣгъ.

6. „ —4° R. Къ вечеру —6° R. Шелъ снѣгъ. Экскурсія въ д. Круглыхину. Видѣли противъ кирпичныхъ сараевъ на дорогѣ табунокъ пуночекъ.

7. Ясно, солнечно при —5° R. Затѣмъ пасмурно и пошелъ снѣгъ. Въ 7 ч. вечера —6,5° R.

8. Въ 9 ч. утра —6° R. Пасмурно.

9. Утромъ —9° R. День ясный, солнечный.

10. „ —3° R. Пасмурный день.

11. „ —4° R. пасмурно.

12. „ —3° R. вѣтрено въ теченіе всего дня. Лѣсъ шумитъ!

13. „ —7° R. утромъ снѣгъ, затѣмъ ясно, вечеромъ звѣздно, въ 11 ч. вечера —13° R

14. Утромъ —16° R. солнечно. Къ вечеру потеплѣло и пошелъ снѣжокъ. Экскурсія въ Куглыхину.

15. Утромъ —8° R, вечеромъ —5° R., въ Круглыхиной —10,6° С! густой снѣгъ. Добытъ среди многихъ другихъ птицъ и королекъ (Regulus regulus coatsi). Вечеромъ вѣтеръ. Видѣли 4-хъ бѣлыхъ совъ, канюка мохноногаго, сыча мохноногаго, дубоноса, пуночекъ.

16. Утромъ и вечеромъ —3° R. День ясный и теплый, былъ вѣтеръ съ пониженіемъ t до —5° R

17. Утромъ —3° R, днемъ—8° R. при буранѣ, вечеромъ—10° R.

18. Утромъ —16° R., день ясный, холодный; вечеромъ —14,5° R. Въ городѣ видѣли пищуху (Certhia familiaris) на тополяхъ.

19. Утромъ —10°, днемъ —6° R, валитъ густой снѣгъ, ночью —2° R.

20. Теплый пасмурный день при —3° R.

21. Утромъ и вечеромъ —12°. R.

22. Теплѣетъ, вечеромъ —5° R. Въ Городкѣ лишь большіе пестрые дятлы.

23. Утромъ —2° R., днемъ —1° R. вѣтрено.

24. Температура на 0°. Капаетъ съ крышъ—«зима сиротская».

25. Днемъ солнечно при —10° R. Выпало много снѣгу.

26. Солнечно при—5° R до —3° R. Вѣтрено.

28. При —3° R и вѣтрѣ экскурсія чрезъ с. Нелюбино въ с. Богородское. Видѣли лишь Pyrrhula, Garrulus brandti.

29. Въ Томскѣ утромъ —14°, солнечно, въ 4 ч. дня —21° R., въ 8 ч. вечера —24° R; въ 12 ч. ночи —26° R. Въ с. Богородскомъ утромъ —16°, днемъ —19° R.

30. Въ Томскѣ въ 8 ч. утра —28° R, въ 4 ч. дня —20° R, въ 8 ч. вечера —19° R. Чудная лунная ночь въ бору.

31. Температура около —15° R.

Программы по сорабинію географическихъ свѣдѣній о Монголіи *).

А. Природа.

Рельефъ, возвышенности и впадины.

Наименованіе главныхъ хребтовъ, проходящихъ по странѣ; направленіе ихъ. Развѣтвленіе хребта на вѣтви и направленіе вѣтвей. Длина и ширина хребта. Который бокъ круче? Названіе выдающихся вершинъ на хребтѣ. Какая изъ вершинъ хребта выше всѣхъ, на какой изъ вершинъ прежде всѣхъ другихъ выпадаетъ снѣгъ осенью? Нѣтъ-ли вершинъ съ постояннымъ или долго сохраняющимся снѣгомъ? Горныя породы, изъ которыхъ составленъ хребетъ. Болѣе или менѣе точное опредѣленіе горныхъ породъ затруднительно для человѣка безъ научной подготовки, тѣмъ не менѣе всякій легко можетъ составить себѣ понятіе о главныхъ различіяхъ горныхъ породъ. Онъ можетъ отличить отъ другихъ породъ известняки, (которые вскипаютъ отъ соляной или азотной кислоты, легко чертятся ножемъ и большею частью бываютъ бѣлаго цвѣта), конгломераты, состоящіе изъ галекъ, сцементированныхъ тонкозернистымъ матеріаломъ; песчаники, составленные изъ сцементированныхъ песчинокъ; сланцы и зернистыя или кристаллическія породы (гранитъ и друг.).

Не встрѣчается ли въ хошунѣ лава, которую легко отличить по присутствію ноздреватости. Если позволятъ обстоятельства, то взять по небольшому куску самыхъ характерныхъ горныхъ породъ, выбивая ихъ изъ центральныхъ частей камней; образцы должны быть завернуты въ бумагу вмѣстѣ съ ярлычками, на которыхъ нужно написать мѣсто нахожденія соотвѣтствующей породы.

Въ известнякахъ, конгломератахъ, песчаникахъ и сланцахъ иногда встрѣчаются окаменѣлыя раковины, окаменѣлые стволы деревьевъ, отпечатки раковинъ и листьевъ растеній. Необходимо

---

*) Изъ печатаемыхъ программъ двѣ: по геологіи и зоологіи просмотрѣны и дополнены профессорами М. А. Усовымъ и М. Д. Рузскимъ, третья—о растительности написана цѣликомъ профессоромъ В. В. Сапожниковымъ.

записать мѣстонахожденіе этихъ остатковъ отъ прежняго органи ческаго міра. Если можно, то составить коллекцію изъ этихъ остатковъ, при чемъ нѣжные отпечатки нужно прикрыть ватой или вообще чѣмъ нибудь мягкимъ и все завернуть въ бумагу.

Рѣки. Длина теченія, ширина и глубина рѣки; какое дно и какіе берега, каменистые, песчаные и проч.?

Направленіе и характеръ теченія рѣки. Гдѣ рѣка беретъ начало? Если на вершинѣ хребта, то какая рѣка беретъ начало на противоположномъ склонѣ хребта?

Куда впадаетъ рѣка, въ другую рѣку, или озеро? Или не доходитъ до устья, теряется въ руслѣ? Какъ далеко тянется сухое русло?

Какой лѣсъ растетъ по берегамъ?

Озера. Величина. Характеръ береговъ, качество воды.

Наносъ или верхній покровъ земной поверхности. О составѣ наноса можно судить по разрѣзамъ, которые легко найти въ обрывахъ или на стѣнкахъ колодцевъ. Какой глубины достигаютъ колодцы? Изъ чего состоятъ бока колодцевъ? Изъ смѣси песку съ глиной и галькой, или съ щебнемъ? Или изъ другого состава?

Поднимается-ли каменный остовъ хребта надъ равниной внезапно, какъ домъ надъ тротуаромъ, или къ нижнему краю каменнаго остова примыкаетъ широкій подолъ (по монгольски бэль), который образуетъ ровный, медленный спускъ отъ скалистаго хребта къ дну впадины, гдѣ обыкновенно находится озеро. Какую часть общей высоты хребта составляетъ высота подола? Высокій подолъ имѣетъ хребетъ Дзюнъ-Хаирханъ, залегающій на восточномъ берегу оз Хара-усу, а хребетъ, протянувшійся вдоль западнаго берега, съ сѣвернаго конца того же озера имѣетъ бэль, высота которой почти равняется высотѣ хребта, и на гребнѣ хребта замѣчаются только незначительные выступы каменнаго гребня, такъ что наружный видъ хребта напоминаетъ туловище осетра съ костяными бляшками по хребту.

Встрѣчаются ли сыпучіе пески? Длина и ширина площади, занимаемой песками? Располагаются ли пески грядами или отдѣльными холмами? Есть-ли барханы, песчаныя насыпи подковообразной формы (по монг. манханъ)? Куда обращены концы подковы?

Не состоитъ ли верхняя часть наносовъ изъ тонкой свѣтложелтой известковой глины (лёсса), которая не имѣетъ слоистости

и въ обрывахъ хорошо держится отвѣсными стѣнками (такую глину назыв. лёссомъ). Какова мощность лёсса?

Замѣтить районы, поверхность коихъ покрыта лишь тонкимъ слоемъ щебня или которые совсѣмъ не имѣютъ наносовъ и твердыя горныя породы вездѣ выходятъ на поверхность земли.

Замѣтить, не покрыты ли скалы и выходы твердыхъ горныхъ породъ черной блестящей корочкой „пустыннаго загара".

Гдѣ добывается соль? Какой хошунъ, изъ какого соленаго озера получаетъ соль?

Гдѣ находятся залежи каменнаго угля?

Растительность.

Различныя мѣстности въ зависимости отъ ихъ возвышенія надъ уровнемъ океана, степени увлажненія почвы и ея характера и др. причинъ характеризуются различнымъ растительнымъ покровомъ. Такъ и въ Западной Монголіи нужно отличать распредѣленіе лѣсовъ (лиственница—Larix sibirica) по хорошо увлажненнымъ сѣвернымъ склонамъ хребтовъ и степей, или полупустынь, по ровнымъ, болѣе сухимъ, площадямъ и широкимъ рѣчнымъ долинамъ.

Для лѣса слѣдуетъ отмѣчать верхнюю и нижнюю границы его распространенія, а также проникновеніе на югъ и перечислить всѣ участки по сѣверной окраинѣ Монгольскаго Алтая, гдѣ встрѣчается лиственница. Въ степяхъ слѣдуетъ обращать вниманіе на преобладающее растеніе въ данной мѣстности, въ зависимости отъ котораго степи называются: ковыльными, кипцовыми или полынными.

Многія растенія указываютъ на большую или меньшую высоту надъ уровнемъ океана. Такъ на значительную высоту указываютъ такіе кустарники, какъ карликовая березка (Betula rotundifolia), верблюжій хвостъ (тэмен-сель, Caragana jubata), низкорослые тальники, облѣпиха, желтый макъ, мяхиръ (Polygonum viviparum), бѣлыя и желтыя камнеломки, алтайскій лютикъ и многія другія. Другія растенія встрѣчаются только въ низменностяхъ, какъ напр. чингиль (Halimodendron argenteum), дзакъ или саксаулъ (Artrophytum Ammodendron), сухай или гребенщикъ (Tamarix), тогура или тоорой (разнолистный тополь—Populus euphratica), хармыкъ (Nitraria schoberi.) гаёха (Cynomorium coccineum) и мн.

др. Поэтому слѣдуетъ указывать мѣстности, въ которыхъ встрѣчаются поименованныя растенія.

Весьма важно перечислить мѣстности, гдѣ встрѣчаются дерисунъ (Stipa splendens), а для солончаковъ—будургана (Kalidium), хармыкъ, дерисунъ и др. солянки.

При путешествіи съ сѣвера на югъ слѣдуетъ отмѣтить, гдѣ исчезаютъ лѣса и появляются степные кустарники (сухая, балгына, хармыка, будурганы); при подъемѣ въ горы отмѣтить появленіе маральника (Phododendron dauricum), можжевельника (Juniperus), карликовой березки.

При описаніи степей слѣдуетъ отмѣчать высоту и густоту травостоя, обозначая первую въ общепринятой мѣрѣ, а вторую въ степени покрытія почвы. Изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей лѣдуетъ также установить, будетъ ли годъ наблюденія отмѣчаться особенной сухостью или наоборотъ—богатствомъ осадковъ

Животный міръ. Подобно растеніямъ животныя также указываютъ на высоту мѣстности. Такъ напр, если въ хребтѣ водится сѣноставка, по монгольски оготоно,—звѣрокъ, который дѣлаетъ а зиму запасы сѣна,—то нанесеніе на карту границъ обитанія этого звѣрка дастъ понятіе о томъ, какая часть гребня подымается выше опредѣленной высоты. Въ подобныхъ разсчетахъ, чтобы выяснить какія части хребта подымаются выше остальныхъ его частей, слѣдуетъ отмѣчать границы обитанія: горной индѣйки, по-монгольски улюръ или хойлюкъ (Megaloperdix altaica), красноносой галки (Fregilus graculus). Встрѣчается-ли гдѣ-нибудь и гнѣздится бѣлая цапля (Herodias alba) и скупаются-ли ея шкурки ради красивыхъ перьевъ, идущихъ на украшенія? То-же самое о бѣлокрылой сорокѣ (Pica leucoptera). Слѣдуетъ отмѣтить границы обитанія каменныхъ барановъ, по-монгольски аргали, каменныхъ козловъ, по-монгольски буннъ, маралевъ, по монгольски богу, альпійскаго волка. Какая цѣна маральихъ роговъ и сколько ихъ ежегодно продается.

Другія животныя указываютъ на низкую высоту надъ уровнемъ моря; желательно описать границы обитанія: дзереновъ, хара-сульта, хулуновъ, фазановъ и саксаульской сойки, по-монгольски хуладжоро (Podoces Hendersoni).

Желательно получить болѣе точныя свѣдѣнія о медвѣдяхъ (гдѣ водятся и какого цвѣта ихъ шерсть, чернаго или свѣтлаго)

о россомахѣ, соболѣ, выдрѣ, лисицѣ (горная, красная и степная, свѣтло-бурая), о бѣлкѣ, бобрахъ, дикой лошади (Equus hemionus).

Встрѣчаются-ли въ Монголіи двѣ породы лошади Пржевальскаго или только одна (по-монгольски таки-гурасынъ)?

Какими шкурами (мѣхами) взыскивается албанъ (ясакъ) китайцами? Какія цѣны мѣхамъ соболя, бобра и другихъ пушныхъ звѣрей?

Часто-ли появляется тигръ. въ какое время и гдѣ?

Желательно нанести на карту границы обитанія сѣвернаго оленя (дзаръ или джаръ, самна—ибэ или иби), дикаго и домашняго оленя, также кабарги (сколько добывается мускусныхъ мѣшковъ и по какой цѣнѣ продаются).

Желательно очертить районъ обитанія сурка, по-монгольски тарбаганъ; указать мѣста, гдѣ онъ отсутствуетъ. Выяснить, различаютъ-ли монголы „чернаго" (темнаго съ кунистымъ хвостомъ) и „бѣлаго" (свѣтлаго) тарбагановъ

Употребляются-ли въ пищу тарбаганы и бываютъ-ли случаи зараженія отъ нихъ чумой; также не поселяются-ли тарбаганы вблизи кладбищъ умершихъ отъ чумы. Какія дикія животныя употребляются жителями въ пищу?

Какія рыбы водятся въ районѣ, въ какихъ рѣкахъ или озерахъ?

Встрѣчаются-ли ящерицы съ приплюснутымъ туловищемъ и круглой плоской головой.

Гдѣ, въ какихъ рѣкахъ и озерахъ живутъ сибирскій и монгольскій харіусы или харюзы (Thymallus arcticus, и T. brevirostris)?

Какія рыбы водятся въ рѣкѣ Селенгѣ. Встрѣчается-ли тамъ таймень, ленокъ или ускучъ, сибирскій осетръ и др. и въ большомъ ли количествѣ онѣ ловятся? Производится-ли въ рѣкахъ хищническій ловъ рыбы „запорами", съ перегораживаніемъ рѣки?

Не замѣтно-ли уменьшеніе или исчезновеніе какихъ-либо породъ рыбъ?

Не попадаются-ли гдѣ ядовитыя рыбы?

Встрѣчаются-ли гдѣ-нибудь ядовитыя змѣи и пауки?

Не появляются-ли массами саранча и разныя кобылки?

Б. Населеніе.

Какіе хошуны входятъ въ составъ описываемаго района?

Какъ хошунъ называется по имени князя и подъ какимъ титуломъ онъ извѣстенъ въ княжескихъ канцеляріяхъ? Число жи-

телей въ хошунѣ. Гдѣ находится лѣтняя резиденція князя и гдѣ зимняя? Сколько хуреней въ хошунѣ и гдѣ они находятся? Хурени осѣдлые или кочующіе; въ послѣднемъ случаѣ гдѣ ихъ лѣтнее и гдѣ ихъ зимнее мѣстопребываніе? Сколько ламъ въ хуренѣ? Есть-ли въ хошунѣ гегенъ? Навести въ княжескихъ канцеляріяхъ справку объ административныхъ названіяхъ хошуновъ. Въ китайской книгѣ Мэнъ-гу-ю-му-цзи, „описаніе монг. кочевьевъ“ 19 хошуновъ дзасыктухановскаго аймана обозначены подъ слѣдующимм титулами:

1) Лѣвое знамя праваго крыла, управляемое самимъ Дзасыктуханомъ.
2) Лѣвое знамя средняго лѣваго крыла.
3) Среднее знамя лѣваго крыла.
4) Заднее знамя праваго крыла.
5) Правое знамя лѣваго крыла.
6) Переднее знамя лѣваго крыла.
7) Заднее послѣднее знамя лѣваго крыла.
8) Правое послѣднее знамя праваго крыла.
9) Правое знамя средняго лѣваго крыла.
10) Правое знамя праваго крыла.
11) Заднее знамя лѣваго крыла.
12) Послѣднее знамя средняго праваго крыла.
13) Заднее послѣднее знамя праваго крыла.
14) Лѣвое знамя средняго праваго крыла.
15) Переднее знамя праваго крыла.
16) Лѣвое знамя лѣваго крыла.
17) Второе послѣднее знамя средняго праваго крыла.
18) Послѣднее знамя средняго лѣваго крыла.
19) Знамя Хойтовъ.

Узнать имена всѣхъ князей, которые управляютъ этими хошунами въ настоящее время?

Описать возможно подробно пограничную линію каждаго хошуна. Указать какія наиболѣе извѣстныя урочища внутри хошуна, наиболѣе высокія горы, большія озера, рѣки и проч. Въ какихъ мѣстностяхъ населеніе проводитъ лѣто, въ какихъ весну и осень и гдѣ оно зимуетъ.

Хозяйство. Какой главный скотъ. Въ какихъ мѣстностяхъ

разводятся сарлыки. Перечислить всѣ урочища, на которыхъ производится хлѣбопашество. Какая добывается пушнина?

Дороги, проходящія черезъ районъ: почтовыя (перечислить всѣ станціи) и торговыя (перечислить ночлеги), разстояніе въ верстахъ отъ ночлега до ночлега. Качества ночлега; какая вода для питья (изъ ключа, изъ рѣки, изъ озера)? Какія дрова (карагана, аргалъ, шявыкъ)? Какой кормъ для скота? Характеръ дороги между ночлегами: щебень, галечникъ, сыпучій песокъ, глина, солончакъ. Переправа черезъ рѣки (въ бродъ или въ лодкѣ). Горные перевалы: который склонъ перевала круче? Въ какомъ мѣсяцѣ, въ какое время перевалъ весною очищается отъ снѣга, въ какомъ мѣсяцѣ осенью заваливается снѣгомъ.

Представляется ли путь отъ ночлега до ночлега совершенно ровнымъ, горизонтальнымъ, или замѣчается отъ ночлега къ ночлегу постепенный подъемъ или спускъ, или первая половина пути подъемъ, вторая спускъ и т. д.

Народное преданіе.

О Чингисъ-ханѣ. Исторія его появленія на свѣтъ. Легенда объ изобрѣтеніи имъ вина.

Преданія о кузницахъ и наковальняхъ Чингисъ-хана; преданіе о волахъ и дорогахъ Чингисъ-хана; преданіе о томъ, какъ Чингисъ-ханъ объѣзжалъ кругомъ земли. Обрядъ круговрашенія Чингисъ-хана (Чингисъ-ханай өргөйль), совершаемый дархатами; преданіе о сынѣ Чингисъ-хана или его дочери, унесшей его знамя въ Россію.

Преданіе о Дунтай-Бодунтаѣ, предкѣ Дербютовъ.

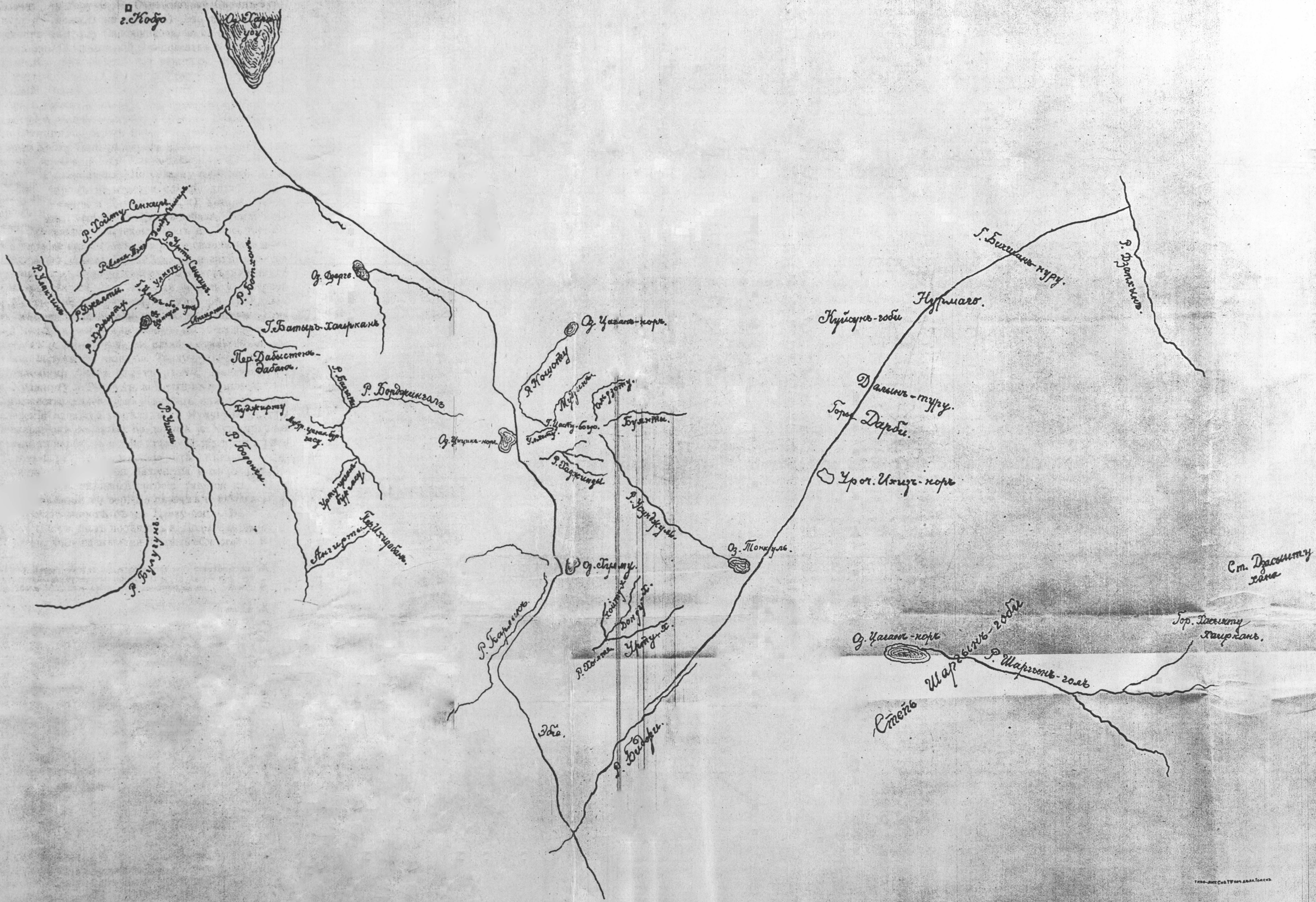
Преданіе о предкѣ Эльджигеновъ.

Преданіе о Шидыръ-ванѣ, составившемъ заговоръ объ отдѣленіи Монголіи отъ Китая.

Преданіе о Шуно.

Преданіе о шаманѣ Таинъ-тирхинѣ или Таинъ-тарханѣ, увезшемъ царскую дочь. Сказка о хэньшѣ, которую ханъ заподозрилъ въ связи съ ламой.

Схематическая карта участка Монгольскаго Алтая между р.р. Булугуномъ и Барлыкомъ.



Опечатки.

Стр.	стр.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать
100	5 св.	тас тарка′	тастарк'а
„	16 св.	алты	алды
„	17 св.	Ульген	ӱльгень
„	17 св.	дер	јер
„	17 св.	тӧсту	тӧстӱ
„	17 св.	ӱсту	ӱстӱ
101	2 сн.	люмга	јумга
„	1 сн.	Дезим	Језим
103	4 св.	Ульгені	ӱльгени
„	6 св.	оргӧӧ	ӧргӧӧ
104	14 св.	танты	тапты
„	18 св.	Кӧӧчӧ	Кӧӧчӧ.
„	20 св.	Ульгенин	ӱльгенин
„	21 св.	Кӧгуш	Кӧгӱш
„	23 св.	кок	кӧк
„	2 сн.	у Бачатскихъ телеутовъ	у Кумандинцевъ.
„	1 сн.	Кузнецкомъ уѣздѣ	Бійскомъ уѣздѣ.
105	8 св.	телеутскіе	Кумандинскіе
„	11 св.	Ерлика	ӱльген'я
107	5 св.	Сара	Сарай.